

Серия «Страницы истории нашей Родины»

А.Н.Боханов

Коллекционеры и меценаты в России

«НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «Страницы истории нашей Родины»

А. Н Боханов

КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ И МЕЦЕНАТЫ В РОССИИ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
К. Ф. ШАЦИЛЛО

МОСКВА «НАУКА»
1989

ББК 63.3(2)51
Б86

Рецензенты:

доктор исторических наук Л. В. ИВАНОВА,
кандидат исторических наук С. В. МИРОНЕНКО,
доктор исторических наук П. Г. РЫНДЗЮНСКИЙ

Б $\frac{0503020300\text{-}148}{054(02)\text{-}89}$ Без объявл. ББК 63.3(2)51

ISBN 5—02—008479—4

«Нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками деяний на общее благо...»

В. О. Ключевский

Введение

Наша страна располагает богатейшим культурным наследием, в состав которого входят разнообразные памятники материальной и духовной культуры. Формировалось оно на протяжении длительного времени. Большую роль в создании национального культурного фонда, пополнении национальных художественных коллекций, развитии нравственно-эстетических традиций русской культуры сыграли представители общественной мысли, литературы, искусства, науки. Особое место в этом ряду принадлежит отечественным коллекционерам и меценатам, усилиями которых в нашей стране сконцентрированы обширные и высокоценные собрания книг и произведений искусства, учреждены театры, музеи, библиотеки и другие центры духовной жизни. Имена братьев Третьяковых, Бахрушиных, И. Д. Сытина, К. Т. Солдатёнкова, Боткиных, Щукиных, Морозовых, С. И. Мамонтова, Сабашниковых и других собирателей, покровителей и просветителей неразрывно связаны с развитием культуры в нашей стране.

Всех их объединяла страстная приверженность делу просвещения народа и культурного созидания. Не имея каких-либо особых дарований в определенных областях художественного творчества, но обладая высоким эстетическим чувством и ощущая нравственную потребность способствовать прогрессу просвещения и культуры, они стремились обогатить жизнь людей созданием художественных собраний, изданием книг; выступали инициаторами и организаторами крупных начинаний в области культуры; оказывали всемерную поддержку писателям, художникам, музыкантам. Надо отметить, что они принадлежали к числу видных отечественных предпринимателей, деятельность которых как профессиональная, так и

культурническая, разворачивалась во второй половине XIX в. Именно в этот период собирание и популяризация искусства и достижений культуры достигли наибольшего размаха за всю историю России.

О русских коллекционерах и меценатах, их вкладе в создание национального культурного фонда, в обогащение и развитие культурных традиций написано много работ. Однако эта тема далеко не исчерпана. В настоящее время, когда в нашем обществе ощущается обостренный интерес к прошлому, когда возникла потребность нового осмысления различных сторон отечественной истории, нужны новые работы и в этой области. И дело тут не только в том, чтобы еще раз перечислить заслуги определенного лица в конкретной области и отдать ему должное, но и попытаться оценить его часто сложную и противоречивую деятельность в контексте исторического развития; обрисовать тот своеобразный «исторический фон», который придавал этой деятельности особую значимость. Они не только «собирали, поощряли и пропагандировали», но и постоянно боролись с противодействующими силами (как в своей среде, так и вне ее); ломали стену непонимания и вражды, состоявшую из традиций и сословных амбиций. Являясь в большинстве своем капиталистами и по рождению, и по роду занятий, они сумели подняться над узкоклассовыми интересами определенных социальных групп и сознательно действовали для достижения общенациональных целей.

В данной работе речь пойдет о некоторых из тех лиц, энергией и талантами которых в нашей стране в конце XIX – начале XX в. были осуществлены крупные культурные начинания. При этом их филантропическая и коллекционерская деятельность будут рассмотрены в единстве с той социальной средой, с теми конкретными общественными условиями, в которых она протекала. Их жизнь и бескорыстное служение общественным интересам являлась нравственным подвигом, который трудно переоценить. Нелишне будет заметить, что коллекционирование как общественная акция и меценатство как общественно полезное дело являлись составной частью более широкого понятия – благотворительных занятий, или формой целенаправленной деятельности на пользу другим [1]. «Творение добра» имело различные формы, вызывалось далеко не однозначными причинами, и значение его можно понять и оценить лишь при учете многих составляющих.

Глава 1. **Время и люди**

Более 70 лет назад, в 1917 г., социалистическая революция покончила с господством капитала в нашей стране. Наступила другая историческая эпоха, отличающаяся качественно иными отношениями как в сфере материального производства и распределения продуктов и других материальных благ, так и в областях культуры, науки, бытового межличностного общения. Период капитализма как определяющая форма социально-экономических отношений был в России сравнительно кратковременным и занял отрезок истории продолжительностью немногим более 50 лет. В это время бурно развивались города, средства связи и сообщения, росла грамотность населения, повышался уровень его культуры. Именно на этом историческом этапе завершилось формирование нации, важнейшей формой самосознания и самопознания которой стала русская художественная культура [1].

Эти процессы протекали в рамках эксплуататорского общества, носили неравномерный и сложный характер, столь естественный для истории антагонистических обществ. Однако капитализм не только породил новые формы угнетения, обострил многие противоречия российской действительности, но и создал иные социальные условия, определил новые задачи в духовной и культурной жизни. Мощно и напористо утверждали себя представители молодого класса буржуазии, создававшие промышленные заведения, строившие железные дороги и прочие предприятия. Россия быстро модернизировалась. Приведем лишь несколько цифр. За 20 лет, с 1877 по 1898 г., сумма производства фабрично-заводской промышленности выросла с 541 млн до 1816 млн руб., или почти в 4 раза. В отдельных отраслях производства этот рост был еще более ощутим: добыча каменного угля увеличилась почти в 7 раз, нефти — в 40, выплавка чугуна — в 6, стали — в 30 раз и т. д.[2] К концу XIX в. по темпам промышленного развития Россия обогнала многие европейские страны и шла вровень с США.

Российский предприниматель, экономическое значение

и социальная роль которого постоянно росли после отмены в 1861 г. крепостного права и вступления России на путь капиталистического развития, не мог довольствоваться тем, что основные рычаги государственной машины находились в руках самодержавия и неразрывно связанных с ним дворянства и бюрократии. Эти социальные группы и в новых исторических условиях сохраняли за собой монополию на политическую власть и стремились определять развитие в различных областях экономической, политической и культурной жизни. Такая позиция правящих верхов вела лишь к их дальнейшему отрыву от действительности, делала его все более ощутимым.

Социальное положение капиталиста-предпринимателя в России даже во второй половине XIX в. было сложным. С одной стороны, он являлся носителем прогресса, способствовавшим развитию производительных сил в стране, а с другой — эксплуататором, «новым рабовладельцем», заставлявшим трудиться на себя армию неимущих рабочих и обогащавшимся за их счет. Это естественное противоречие облика предпринимателя усугублялось в России тем, что в среде «просвещенного общества» преобладали критические взгляды на деятельность капиталиста и его роль в жизни. Описывая эти настроения, русский профессор-экономист И. Х. Озеров с сарказмом заметил, что здесь господствовала дворянская мораль: «Подальше от промышленности — это де дело нечистое и недостойное каждого интеллигента! А вот сидеть играть в карты, попивать при этом и ругать правительство, вот настоящее занятие мыслящего интеллигента!» [3]. Образы ограниченных и корыстолюбивых купцов из пьес А. Н. Островского, в которых был изображен быт и нравы замоскворецкого купечества 30—40-х годов XIX в., надолго утвердились в общественном сознании и определяли отношение к предпринимателю и в другую историческую эпоху. Этому «скептическому отношению» несомненно способствовало и то, что в России в отличие от многих других стран исстари не было культа богатства и, скажем, в русской литературе нет ни одного примера апологетики капиталистической наживы. По образному выражению М. И. Цветаевой, «сознание неправды денег в русской душе невытравимо» [4].

Что же такое «российский предприниматель», какой конкретный смысл несет в себе это понятие и какие социальные, психологические «импульсы» обусловили его

активную благотворительную, меценатскую и коллекционерскую деятельность, каковы ее масштабы и среда, в которой он сформировался? Надо сказать, что определенных ответов на эти вопросы в литературе мы не найдем. Имеющиеся же оценки, как правило, носят частный характер.

Благотворительность была широко распространена среди предпринимателей, являлась определенной исторической традицией, что позволяет оценивать ее как типичную классовую черту. Если говорить о капиталисте как о человеке, интерес которого сосредоточен исключительно в плоскости чисто материальной, то в таком случае пропадают многие другие примечательные штрихи социального портрета; обедняется и затемняется его историческая роль и значение. Капиталист — это не только «погоня за чистоганом». Крупный предприниматель, хозяин и руководитель мощного промышленного или торгового предприятия объективно заинтересован в том, чтобы иметь высококвалифицированный персонал, способный овладеть новым оборудованием, новейшими приемами ведения капиталистического хозяйства для того, чтобы выдержать жесткую конкуренцию. Отсюда их заинтересованность в развитии образования, в первую очередь профессионального: отчисления на школы, училища, институты и университеты. Во многих компаниях подобные расходы становятся обязательными уже с конца XIX в., о чем красноречиво свидетельствуют сохранившиеся финансовые отчеты предприятий. Несомненно и то, что рост классового самосознания буржуазии приводил к изменению «корпоративной психологии» и способствовал тому, что представители делового мира (конечно, далеко не все) начинали ощущать свою неразрывную связь с будущим народа, которое было немыслимо без развития просвещения и культуры.

Были и другие причины, обусловливавшие расходы не на потребление и расширение «своего дела». Для одних они носили традиционный религиозный характер, диктовались внутренней потребностью «пособить сирым и убогим», что вело к выделению средств на богадельни, приюты, ночлежные дома и т. д. Это была вообще типичная форма буржуазной благотворительности, отличавшаяся от обычной подачи милостыни лишь своими масштабами. Религиозные воззрения, христианская этика и мораль (многие капиталисты были чрезвычайно набожными людьми), стремление к тому, чтобы люди жили в

соответствии «с волей божией», вызывали пожертвования на церкви и монастыри.

Однако для нас имеют особый интерес и значение причины, способствовавшие возникновению в России крупных коллекционеров и меценатов из числа предпринимателей. Отсутствие возможности заслужить общественное признание своей профессиональной деятельностью часто заставляло их уходить в иные области, пользовавшиеся несравненно большим общественным престижем. Этот своеобразный «эскапизм» был одной из важнейших причин, вытекающих из своего рода «социальной неполноценности» капитализма. Кроме того, буржуазия в России была в массе своей чрезвычайно «молодой». Отцы и деды крупных капиталистов часто были еще «простыми смертными», и занятие предпринимательством редко распространялось более чем на два поколения в одном роду. Народные нужды, его обычаи, привычки мировоззрение были им несравненно ближе и понятней, чем давно оторвавшемуся от народных корней русскому дворянству. Говоря о второй половине XIX в., один из мемуаристов справедливо заметил, что «Морозовы, Корзинкины, Рябушинские, Бахрушины и многие другие имели свои корни в деревне; они сами, или их деды и прадеды пришли из деревень с котомками и в лаптях, а потом стали миллионерами, но в нравственном развитии, в привычках, в быту они оставались неизменными, только столичная жизнь отшлифовала их внешне» [5]. Эта генетическая связь объясняет то, что дело просвещения и национального культурного строительства было для многих предпринимателей более естественным, чем для иных привилегированных групп.

Коллекционирование к концу XIX в. имело в России довольно давнюю традицию. Первоначально значительные собрания концентрировались в узком кругу или представителей царской фамилии (наиболее ценные коллекции принадлежали монархам), или в аристократической дворянской среде, имевшей огромные материальные возможности для этого. В городских дворцах и в загородных «родовых гнездах» известнейших фамилий на протяжении нескольких поколений собирались высокохудожественные предметы декоративно-прикладного искусства, живописные полотна, скульптура и т. д., формировались обширные библиотечные собрания. Коллекции Шереметевых, Барятинских, Юсуповых, Мещерских, Белосельских-Белозерских, Тенишевых и других

дворянских родов насчитывали огромное количество предметов материальной культуры. Аристократам не была чужда и филантропическая деятельность, однако она была скорее исключением, чем традицией. Крупных начинаний в этой области было сравнительно немного. Построенная в 1802 г. на средства князя Д. М. Голицына больница в Москве (ныне Первая городская клиническая больница) и «Странноприимный дом графа Н. П. Шереметева», учрежденный в 1803 г. и включавший больницу и богадельню (в настоящее время — Научно-исследовательский институт скорой помощи имени Н. В. Склифосовского), пожалуй, оставались крупнейшими благотворительными учреждениями.

Семейные и родовые коллекции дворянства были, как правило, недоступны «широкой публике» и предназначались для узкого круга. Участие аристократии в деле просвещения народа, покровительство ремеслам, искусству, науке было менее ощутимо, хотя крупные начинания иногда зарождались и в этой среде. Можно назвать собрания книг, рукописей и других материалов графа Н. П. Румянцева, послуживших основой для создания известного Румянцевского музея, или организацию школы художественных промыслов в селе Талашкино (Смоленская губерния) княгиней М. К. Тенишевой в конце XIX в., музея русской старины в Смоленске и рисовальной школы в Петербурге. Нельзя не упомянуть и о заводчике, крупном землевладельце и аристократе («гофмейстере Высочайшего Двора») Ю. С. Нечаеве-Мальцеве, потратившем более 2 млн руб. на строительство в Москве Музея изящных искусств и на приобретение для него художественных коллекций (ныне — Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина) [6]. В целом же сколько-нибудь крупные благотворительные пожертвования дворянства со второй половины XIX в., когда начался процесс его «оскудения», были довольно редкими [7].

Буржуазию же, шедшую на смену дворянству, характеризовал иной подход, с которым никто не мог сравниться. Великий Шаляпин заметил в этой связи: «Объездив почти весь мир, побывав в домах богатейших европейцев и американцев, должен сказать, что такого размаха не видел нигде. Я думаю, что и представить себе этот размах европейцы не могут» [8]. Концентрируя огромные финансовые средства, получаемые за счет успешной торговой или промышленной деятельности,

многие русские предприниматели, в первую очередь из числа старых купеческих семей, использовали их на благотворительные цели и для коллекционирования. Общенациональное значение этих занятий признавали даже те, кто не питал никаких симпатий ни к капитализму, ни к капиталистам. Писатель В. Г. Короленко уже в XX в. констатировал: «Торгово-промышленный класс в среднем сравнялся по образованию и культурности с представителями других культурных классов, и наши крупные капиталисты нередко уже вместо пожертвований на колокола дают своим миллионам назначение, достойное культурных людей: Боткины собирают коллекции для национальных музеев, Солдатенковы издают дорогие научные сочинения, а в последние годы всем памятны вклады москвичей на клиники, научно-медицинские учреждения. Вообще крупный капиталист... это часто европеец и джентльмен» [9].

Высокий уровень образования и культуры, внешний «европейский лоск» отличали многих крупных предпринимателей, которые по мере развития капитализма все дальше и дальше уходили от расхожих образов ограниченных «аршинников» и «менял». Социально-духовную эволюцию купца-миллионера хорошо уловил Ф. И. Шаляпин, который в своей автобиографической книге «Маска и душа» так писал об этом: «А то еще российский мужичок, вырвавшись из деревни смолоду, начинает сколачивать свое благополучие будущего купца или промышленника в Москве. Он торгует сбитнем на Хитровом рынке, продает пирожки, на лотках льет конопляное масло на гречишники, весело выкрикивает свой товаришко и косым глазом хитро наблюдает за стежками жизни, как и что зашито и что к чему как пришито. Неказиста жизнь для него. Он сам зачастую ночует с бродягами на том же Хитровом рынке или на Пресне, он ест требуху в дешевом трактире, вприкусочку пьет чаек с черным хлебом. Мерзнет, холодает, но всегда весел, не ропщет и надеется на будущее... А там глядь, у него уже и лавочка или заводик. А потом, поди, он уже 1-й гильдии купец. Подождите — его старший сынок покупает Гогенов, первый покупает Пикассо, первый везет в Москву Матисса. А мы, просвещенные, смотрим со скверно разинутыми ртами на всех непонятных еще нам Матиссов, Мане и Ренуаров и гнусаво-критически говорим: „Самодур...“ А самодуры тем временем потихоньку накопили чудесные сокровища искусства, соз-

дали галереи, первоклассные театры, настроили больниц и приютов на всю Москву» [10].

Известный режиссер, драматург и педагог В. И. Немирович-Данченко, лично знавший многих крупных капиталистов и купеческую среду, свидетельствовал: «Дворянство завидовало купечеству, купечество щеголяло своим стремлением к цивилизации и культуре, купеческие жены получали свои туалеты из Парижа; ездили на „зимнюю весну" на французскую Ривьеру и в то же время по каким-то тайным психологическим причинам заискивали у высшего дворянства. Чем человек становился богаче, тем пышнее расцветает его тщеславие» [11]. Конечно, «заискивали» далеко не все (о чем нам еще предстоит сказать).

Культурно-социальное развитие предпринимателей происходило не только в Москве, но и во многих других районах огромной Российской империи. Писатель и публицист народнического толка С. Я. Елпатьевский, близко наблюдавший жизнь нижегородского купечества в конце XIX в., писал: «На начинавшие пустеть дворянские кресла садился купец. Его сыновья учились не только в гимназиях, но и в дворянском институте (та же гимназия), дочери поступали в институт благородных девиц, и рядом с не очень грамотными отцами стали появляться и занимать места в жизни их сыновья — доктора, адвокаты, инженеры... Как в былые недавние времена, в 40—50-х годах слово купец, „купчишка" звучало презрительно в дворянских усадьбах, так теперь купец с высоты своего капитала, с высоты своего растущего значения полупрезрительно смотрел на барина, на опускавшееся все ниже и ниже дворянство» [12]. Несомненно, что одной из форм удовлетворения своего тщеславия и купеческих амбиций часто и служила благотворительность. По масштабам пожертвований купцам не было равных. Во многих случаях такие средства были своего рода расходами на «представительские издержки», о чем писал еще К. Маркс в «Капитале» [13].

Много было в купеческой благотворительности необычного и курьезного. Так, в Москве долго говорили о том, что однажды к московскому городскому голове Н. А. Алексееву (двоюродный брат К. С. Станиславского) пришел богатый купец и сказал: «„Поклонись мне при всех в ноги, и я дам миллион на больницу". Кругом стояли люди, и Алексеев, ни слова не говоря, поклонился. Больница была построена» [14]. (Речь идет об Алек-

сеевской психиатрической больнице. В настоящее время — Психиатрическая больница № 1 им. П. П. Кащенко.— *А. Б.*)

К началу XX в. только в Москве существовало 628 «богоугодных» заведений: приюты, школы, богадельни, ночлежные дома, столовые и т. п., значительная часть которых содержалась на деньги московского купечества [15]. Предприниматели распределяли благотворительные средства по адресам сословных и других общественных организаций, учебных и прочих учреждений, обязанных неукоснительно расходовать деньги лишь на те цели, которые оговаривали жертвователи. Крупная недвижимость и капиталы сосредоточивались, например, в руках Московского купеческого общества, которому купцы переводили значительные суммы на протяжении всего XIX в. В начале XX в. в распоряжении Московской купеческой управы находилось десять богаделен, пять домов призрения, четыре училища и т. д., общая сумма годового расхода достигала 2 млн руб. (для сравнения отметим, что у петербургского купечества она была в несколько раз меньше) [16]. По данным па 1896 г., общая стоимость городской недвижимости, находившейся в распоряжении Московского купеческого общества, превышала 10 млн.руб.[17]

Со второй половины XIX в. особенно крупные благотворительные отчисления поступали в фонды городских управлений, особенно московского. В 1906 г. московской городской думой была издана специальная книга, в которой перечислены все пожертвования с 1863 по 1904 г.[18] Из этих данных следует, что только за 20 лет, с 1885 по 1904 г., эта организация получила около 30 млн руб. (с учетом наследства Г. Г. Солодовникова, о котором речь пойдет ниже). Крупнейшими благотворителями были московские купцы Алексеевы, Бахрушины, Капцовы, Копейкины-Серебряковы, Лепешкины, Лямины, Морозовы, Рукавишниковы, Третьяковы, Шаповы и некоторые другие, выделявшие сотни тысяч рублей. Нельзя не сказать и о том, что ряд известных предпринимательских семей: Прохоровы, Рябушинские, Поляковы, Щукины, Якунчиковы или вообще не выделяли средств для городских общественных нужд, или жертвовали незначительные суммы. Скажем, наследники П. М. Рябушинского пожертвовали лишь один раз, в 1901 г., всего 2 тыс. руб. «для попечения о бедных», а В. В. Якунчиков в 1903 г. на те же цели — 1 тыс. руб.[19] Столь же

незначительными были отчисления и тех, кого называли «московскими иностранцами» — крупных дельцов, имевших иностранное происхождение: Гужон, Жиро, Вогау, Кноп и др. Все это говорит о том, что масштабы благотворительности зависели от «доброй воли» конкретного лица, диктовались сложившейся семейной традицией.

Мизерными были и пожертвования дворянства. За те же 20 лет, скажем, пожертвования всего дворянства, включая и членов царской фамилии, не достигали и 100 тыс. руб. В то же время представители, и особенно представительницы, «благородного сословия» охотно «украшали своим присутствием» попечительские советы различных благотворительных обществ, деньги на которые давало купечество.

Конечно, каждая цифра приобретает «осязаемый» исторический смысл, становится достаточно наглядной лишь при сопоставлении с другими. Что значили эти миллионы в условиях России? Отметим для сравнения некоторые статьи государственных ассигнований. На 1900 г. из бюджета выделялось (общая сумма расходов составляла 1 757 387 103 руб.): на устройство технических и ремесленных училищ — 54 тыс. руб.; стипендии и пособия студентам девяти университетов, т. е. почти 20 тыс. студентов — 242 тыс.; борьбу с эпидемическими болезнями — 10 тыс.; пособия «заведениям общественного призрения» — 38 тыс.; содержание Румянцевского музея, Варшавского музея изящных искусств, Кавказского музея, Тифлисской публичной библиотеки и Исторического музея в Москве — 121 тыс. руб. и т. д. Подобные мизерные суммы были характерны как для более раннего, так и последующего периодов. Игнорирование интересов просвещения и культуры лишний раз подчеркивает антинародный характер политики самодержавия. Так, на нужды Академии наук и ее учреждений ассигновывались в год почти 1,3 млн руб.; на содержание же только урядников — более 2 млн, а «ведомство святейшего Синода» получило свыше 23 млн руб.[20] На фоне подобных нищенских государственных субсидий роль частных жертвователей была особенно велика.

Подчас благотворительность, филантропия становились обязательными для отдельных купеческих семей и вызывались сугубо нравственными причинами. К числу известнейших таких фамилий несомненно относились Бахрушины — московские предприниматели, владельцы кожевенной и суконной фабрик. Родоначальником этой

династии был Алексей Федорович (1800—1848), основавший в Москве кожевенное производство и уже с 1835 г. значившийся московским купцом [21]. Его сыновья, Александр, Василий и Петр, продолжили «кожевенное дело», а в 1864 г. учредили еще и суконную фабрику. Как пишет один из мемуаристов, «жили братья очень патриархально. Старший, Петр Алексеевич, правил всем домом, всей семьей, и братьями, и взрослыми, женатыми сыновьями как диктатор... До прихода его в столовую никто не мог сесть. Потом младшая дочь читала молитву.., и начинался обед, после которого все подходили к его руке и к руке его жены. Жили долгое время общим хозяйством, материал на одежду покупали штуками, для всех. Долго и касса была общая» [22].

Торговая и промышленная фирма «Алексея Бахрушина сыновья» в 1875 г. приняла форму паевого товарищества. К началу XX в. это была крупная компания с капиталом в 2 млн руб., на предприятиях которой было занято около тысячи человек [23]. Александр Алексеевич Бахрушин играл видную роль в московском купечестве: был членом Московского отделения Совета торговли и мануфактур, гласным городской думы, старшиной Московского биржевого комитета, а в 1882 г. за «отличия по мануфактурной части» удостоился почетного звания мануфактур-советника, а позднее за благотворительные пожертвования получил чин действительного статского советника [24].

Бахрушины получили общероссийскую известность как выдающиеся коллекционеры, меценаты, ученые, среди них А. П. Бахрушин (1853—1904) — библиофил и собиратель произведений искусства, завещавший в 1901 г. свои коллекции Историческому музею (почти 25 тыс. книг, рисунков, картин, изделий из бронзы, собрание миниатюр, табакерок и т. д.) [25]. Коллекционирование было основной страстью Алексея Петровича, главным делом его жизни, и он не занимал никаких «постов» в органах городского или сословного управления, что было обязательным для многих крупных капиталистов. Как явствует из его «формулярного списка», составленного купеческой управой в 1901 г., А. П. Бахрушин в «службе не состоял и отличий не имеет» [26]. Последнее обстоятельство необходимо особо подчеркнуть, так как жажда «чинов, орденов и званий» часто была главным стимулом общественной деятельности. Представителями же этой семьи двигали совсем иные побуждения,

лишенные корыстного смысла. Необходимо назвать еще двух выдающихся представителей этой династии. Кузен Алексея Петровича, Алексей Александрович (1865—1929) финансировал строительство театра Ф. А. Корша (в настоящее время — филиал МХАТ на улице Москвина, д. 3), а в 1894 г. создал первый в России Театральный музей, который в 1913 г. передал Академии наук. Еще один представитель этой знаменитой фамилии — Сергей Владимирович (1882—1950) стал известным советским историком, членом-корреспондентом.

В этой семье «профессиональных жертвователей» был обычай по окончании каждого года выделять определенную сумму на «дела благотворения» [27]. Заслуги в этой области братьев Бахрушиных были столь велики и общепризнаны, что они в 1901 г. удостоились редчайшей награды: звания «почетных граждан города Москвы». В представлении на «высочайшее имя», составленном городской думой, говорилось: «С именем братьев Бахрушиных неразрывно связан целый ряд выдающихся по своему высокополезному значению благотворительных учреждений города Москвы. На пожертвованный в 1882 г. Московскому городскому общественному управлению Василием, Александром и Петром Алексеевичами Бахрушиными капитал была сооружена больница для хроников. В 1890 г. ими же при этой больнице был устроен дом призрения для неизлечимых больных, представлявший в то время единственное такого рода учреждение, подведомственное Городскому управлению (в настоящее время — Городская клиническая больница № 33 им. А. А. Остроумова.— *А. Б.*). В 1895 г. благодаря заботам гг. Бахрушиных было положено основание к устройству убежища для детей, покинутых родителями, для чего благотворителями внесен в городскую кассу капитал в 600 000 рублей. В 1898 г. братьями Бахрушиными был передан г. Москве дом бесплатных квартир для вдов, и наконец, в 1900 г. Василием Алексеевичем Бахрушиным пожертвовано городу обширное владение по Софийской набережной и капитал для расширения дома бесплатных квартир, с устройством помещений для ремесленных училищ для мальчиков и девочек» [28]. Только за 20 лет, с 1892 по 1912 г., Бахрушины пожертвовали почти 4 млн руб.[29]

Крупные средства на общественные нужды ассигновали Бахрушины и в дальнейшем. Так, в 1912 г. А. А. и Н. В. Бахрушины ассигновали 551 тыс. на по-

стройку приюта для беспризорных детей, а в 1915 г. А. А. Бахрушин — 500 тыс. руб. на постройку Народного дома и учебно-ремесленной мастерской [30]. Может возникнуть вполне уместный вопрос: какая же доля доходов оставалась в семье, а какая, что называется, «шла на сторону»? Это тем более интересно, что каких-либо сведений по этому вопросу в литературе не найдешь. Конечно же, Бахрушины оставались капиталистами и выделяли на общественные нужды лишь часть получаемого. Примечательно в этой связи то, как распорядился своим имуществом Василий Алексеевич Бахрушин, умерший в октябре 1906 г. Стоимость оставшейся после него недвижимости и капиталов оценивалась в 3,3 млн руб. (пять домов в Москве, четыре амбара, ценные бумаги, вклады в банках, долговые обязательства). Согласно воле завещателя, его вдова, Вера Федоровна Бахрушина, получила приблизительно 300 тыс. руб., сын Николай — почти 1,4 млн; дочери: Н. В. Урусова — 300 тыс., Л. В. Челнокова — 387 тыс., М. В. Щеславская — 480 тыс. руб. и т. д. В общей сложности родственникам перешло не менее 3 млн руб. Были выплаты и на благотворительные цели: 150 тыс. пошло на устройство сельскохозяйственного приюта — колонии для беспризорных мальчиков (еще 150 тыс. выделял его брат, А. А. Бахрушин) и 40 тыс. руб. на учреждение стипендий в пяти учебных заведениях — Московском университете, Московской духовной академии и семинарии, в Академии коммерческих наук и в одной из мужских гимназий (по 8 тыс. руб. в каждое из названных учреждений, на проценты с которых должны были выплачиваться одна-две стипендии) [31]. В свою очередь, согласно завещанию В. Ф. Бахрушиной, умершей в 1910 г., основная часть оставшегося имущества (около 500 тыс. руб.) перешла ее детям, а несколько десятков тысяч рублей было выделено завещательницей некоторым церквам и монастырям [32]. Из приведенных данных видно, что благотворительность серьезно «не ущемляла интересы» самих предпринимателей и членов их семей.

Были и другие случаи. Согласно завещанию умершей в 1903 г. А. В. Алексеевой (вдова московского городского головы Н. А. Алексеева, родственница К. С. Станиславского, которого она назначила одним из душеприказчиков), основная часть имущества была выделена на благотворительные цели. После реализации недвижимости выяснилось, что это пожертвование превысило

1,6 млн руб., из них: 1 млн руб. предназначался на учреждение детского приюта, а остальные — на содержание и расширение некоторых больниц и школ [33].

Упомянем о некоторых других солидных вложениях. В 1902 г. А. А. Абрикосова внесла 100 тыс. руб. на устройство бесплатного родильного приюта; С. В. Лепешкин перевел в 1914 г. 200 тыс. Московскому университету; в 1899 г. Рахмановы ассигновали 200 тыс. на устройство туберкулезного санатория; И. П. Воронин завещал в 1905 г. 400 тыс. на устройство богадельни; А. И. Коншина передала в 1913 г. Москве дачу в Петровском парке и 300 тыс. для организации санатория и «дома матери и ребенка»; 200 тыс. руб. на благотворительные цели выделил торговец пушниной П. П. Сорокоумовский и т. д. Было немало иногда очень крупных, анонимных переводов лечебным и учебным заведениям. Только в 1910 г. один «неизвестный» внес 225 тыс. руб. в фонд Университета имени А. Л. Шанявского, а другой — 100 тыс. руб. на устройство «противотуберкулезного учреждения» [34].

Нередко жертвователи оговаривали, что выделенные средства они предназначают малоимущим. Так, В. Е. Морозов завещал в 1898 г. 400 тыс. руб. для строительства бесплатной детской больницы на 150 коек, которая, как говорилось в завещании, должна «служить для удовлетворения нужд бедных жителей города Москвы» [35] (в настоящее время — Городская детская клиническая больница № 1). Абрикосовы, Морозовы, Лепешкины, Коншины, Рахмановы, Воронины, Алексеевы и другие принадлежали к числу богатейших российских предпринимателей, владельцев известных промышленных и торговых предприятий, олицетворявших своего рода «деловую элиту» России.

К их числу несомненно относился и К. Т. Солдатёнков (1818—1901), купец-миллионер, прославивший свое имя широкой филантропической деятельностью. Он происходил из рода купцов-старообрядцев, и его отец стал московским купцом первой гильдии еще в 1825 г., а род Солдатёнковых числился в купечестве с 1795 г.[36] Один из хорошо его знавших людей, говоря о детстве и юности Козьмы Терентьевича, писал, что он «родился и вырос в очень грубой и невежественной среде Рогожской заставы, не получил никакого образования, еле обучен был русской грамоте и всю свою юность провел „в мальчиках“ за прилавком своего богатого отца, получая от него медные

гроши на дневное прокормление в холодных торговых рядах» [37]. Казалось бы, что этому внуку крестьянина и сыну купца, что называется, «на роду написано» до конца своих дней оставаться купцом-лабазником. Между тем, природный ум и широкий живой интерес к жизни сделали этого человека одним из известнейших русских издателей и ценителей искусства. Отец его торговал хлопчатобумажной пряжей и ситцами. После его смерти сын продолжил его дело и расширил круг интересов: занялся дисконтом и стал пайщиком ряда крупных торгово-промышленных фирм (например, Никольской мануфактуры, принадлежавшей семье Морозовых) [38].

Он играл заметную роль в деятельности купеческих организаций, а также и в некоторых других, казалось бы, никакого отношения к предпринимательской деятельности не имевших. Согласно «формулярному списку о службе», составленному Московской купеческой управой в 1894 г., потомственный почетный гражданин, купец первой гильдии, коммерции советник К. Т. Солдатёнков состоял членом Московского отделения Совета торговли и мануфактур, выборным Московского купеческого общества, гласным московской городской думы, старшиной Московского биржевого комитета и членом Коммерческого суда. Кроме того, он являлся членом «попечительного совета Художественно-промышленного музеума» и действительным членом «Императорской Академии художеств» [39].

О причудах этого человека по Москве ходили легенды. В 1865 г. он купил у родовитейших Нарышкиных имение Кунцево, которое превратил в своеобразный центр общения и различных затей именитого купечества. Здесь устраивались славившиеся своей изысканностью солдатенковские обеды, организовывались шумные фейерверки и балы. Зимой он жил в своем роскошном особняке на Мясницкой, где имелась прекрасная библиотека и собрание картин русских художников (ул. Кирова, 37). Хотя он состоял старообрядцем Рогожской общины, но в своей повседневной жизни был далек от аскетических норм и даже, как вспоминал «друг дома», прожил много лет с француженкой Клемансой Карловной Дюпюи: называл он ее Клемансою, а она его Кузей. Причем, его гражданская жена очень плохо говорила по-русски, а «Козьма Терентьевич кроме русского не говорил ни на каком языке...» [40] Однако примечательна для потомков его жизнь не этим.

Любовь к искусству и хорошей книге являлись отли-

чительной особенностью этого купца еще с середины XIX в., когда подобные интересы были еще чужды большинству «деловых людей». Около полувека существовала солдатенковская издательская фирма, основанная в 1856 г. Это издательство не преследовало коммерческих целей и главным в ее деятельности была популяризация работ выдающихся деятелей общественной мысли и писателей. Здесь публиковались сочинения В. Г. Белинского, Н. А. Некрасова, Н. П. Огарева, А. В. Кольцова, И. С. Тургенева, Н. Г. Чернышевского и других русских писателей и публицистов, а также произведения Гомера, В. Шекспира, А. Смита, Д. Рикардо и др.[41]

Еще в начале 50-х годов XIX в. (на несколько лет раньше П. М. Третьякова) К. Т. Солдатёнков начинает собирать коллекцию русской живописи, и в его собрание входили такие известные работы национальной школы как «Вирсавия» К. П. Брюллова, «Автопортрет» В. А. Тропинина, «Вдовушка» П. А. Федотова, «Похороны» и «Чаепитие в Мытищах» В. Г. Перова, «Дьячок», «Торговка», «Деревня», «У камеры мирового» В. Е. Маковского и др. Собрание живописи, состоящее из 230 полотен, было завещано им Румянцевскому музею. Туда же поступила коллекция гравюр, скульптур и живописные работы европейских мастеров, а также и библиотека (около 8 тыс. книг и 15 тыс. экземпляров журналов. В настоящее время — в фондах Государственной библиотеки им. В. И. Ленина).

На протяжении многих лет К. Т. Солдатёнков регулярно вносил пожертвования в фонд Румянцевского музея и Московского университета, давал средства на другие общественные цели. Так, в 1856 г. он ассигновал 86 тыс. руб. серебром (огромную по тем временам сумму) на строительство каменного корпуса в Измайловской военной богадельне (здание сохранилось до настоящего времени, и в нем размещается один из филиалов Государственного исторического музея). В завещании К. Т. Солдатёнков распорядился выделить 1 млн рублей на строительство ремесленного училища и 1,2 млн на постройку больницы (всего после него осталось имущества на 8 млн руб.). Воля завещателя была выражена им вполне определенно: в Москве должна быть создана «бесплатная больница для всех бедных без различия званий, сословий и религий»[42]. В настоящее время это одно из крупнейших медицинских учреждений Москвы — Городская клиническая больница имени С. П. Боткина. Свое

современное название она получила в 1920 г., а до этого называлась Солдатенковской. Удивительно соединились имена Солдатёнкова и представителя другой известнейшей купеческой семьи — Боткиных, оставивших заметный след в отечественной истории. Врач-терапевт, основатель школы русских клиницистов Сергей Петрович Боткин был сыном учредителя крупного чаеторгового и сахаропромышленного дела — Петра Коновича Боткина.

Деньги на лечебное учреждение поступили в распоряжение Московского городского управления, выделившего в 1903 г. 10 дес. земли на Ходынском поле под ее строительство. Закладка больницы состоялась лишь в 1908 г., и первая очередь была открыта в декабре 1910 г., а вторая — в 1913 г.[43] Несмотря на то что она была рассчитана на 505 пациентов, уже с самого начала больных размещалось значительно больше, так как в «первопрестольной» остро не хватало мест в лечебницах. До введения Солдатенковской больницы в городских клиниках насчитывалось всего 890 мест в хирургических и 1090 — в терапевтических отделениях[44]. И это при том, что население Москвы составляло уже почти 1,5 млн человек.

Завещание К. Т. Солдатёнкова — пример того, как возвыщенные интересы сочетались с другими, куда более «прозаичными» желаниями, отражавшими внутреннее противоречие мировоззрения купца-миллионера. Одновременно с благородными пожертвованиями нескольких миллионов на общественные нужды он выделил 100 тыс. руб. «на похороны и поминовение души» и передал 15 тыс. руб. Богородской уездной земской управе для выдачи на проценты с них денег жителям деревни Прокуниной, откуда Солдатёнковы были родом: «девицам, вступающим в брак» — 50 руб. и такую же сумму каждому «мужчине, взятому на военную службу»[45]. Имя этого человека примечательно в первую очередь тем многолетним бескорыстным и целеустремленным служением просвещению, которое ставит его в ряд выдающихся российских меценатов.

Благотворителями из числа «именитого московского купечества» только в Москве были осуществлены крупные начинания в области культуры, просвещения, общественного призрения, в их числе: Третьяковская галерея, Щукинские и Морозовские собрания современной французской живописи, Бахрушинский Театральный музей, Частная опера С. И. Мамонтова, Московский кустарный музей, Московский Художественный театр, Философский

и Археологический институты, Морозовские клиники, Алексеевская, Солодовниковская, Солдатенковская, Бахрушинская больницы, приюты и дома бесплатных квартир Боевых, Ермаковых, Солодовниковых, Хлудовых, Мазуриных, Горбовых, Рукавишниковых, Бахрушиных; Шелапутинская и Медведниковская гимназия, Капцовское училище, Александровское и Набилковское коммерческие училища, Коммерческий институт, Торговые школы Алексеевых, Морозовых и т. д. Пожертвования, как правило, были единственным источником, питавшим развитие целых отраслей городского хозяйства (например, здравоохранение).

Один из представителей купеческого мира заметил, что трудно отметить «все те памятники жертвенности представителей „темного царства", того „чумазого", который неустанно шел вперед и не хотел только торговать миткалем (вид хлопчатобумажной ткани.— *А. Б.*), а интересовался категорическим императивом, гегелианством, штейнеровской антропософией и картинами Матисса, Ван-Гога и Пикассо» [46]. С этим высказыванием московского купца нельзя не согласиться. Многие крупнейшие российские капиталисты имели высокий образовательный уровень, обладали изысканным эстетическим вкусом. Однако существовали и другие дельцы, пропивавшие, проедавшие и проигрывавшие в карты целые состояния; тратившие на свои прочие прихоти огромные средства. Примеров купеческого разгула и безумных трат можно приводить немало. Много подобных случаев описано В. А. Гиляровским в его книге «Москва и москвичи».

Известные бонвиваны — это чаще всего купеческие отпрыски и наследники миллионных состояний. Говоря об этой «новой генерации» купцов, Ф. И. Шаляпин заметил, что «нахватавши в университете верхов и зная, что папаша может заплатить за любой дебош, эти „купцы" находили для жизни только одно оправдание — удовольствия, наслаждения, которые может дать цыганский табор. Дни и ночи проводили они в безобразных кутежах, в смазывании горчицей лакейских „рож", как они выражались, по дикости своей неспособные уважать человеческую личность. Ни в Европе, ни в Америке, ни, думаю, в Азии не имеют представления об этого рода размахе...» [47]

«Сумасшедшие деньги» открывали большие возможности для удовлетворения эгоистических желаний. Скажем, в деловом мире России солидной репутацией пользова-

лась семья промышленников и банкиров Рябушинских, владевшая крупной фирмой по производству пряжи и хлопчатобумажных тканей «Товарищество П. М. Рябушинского с сыновьями». Один из членов этой семьи купцов-старообрядцев, Николай Павлович Рябушинский, «прославился» своими экстравагантными выходками. После смерти отца, в декабре 1899 г., этот отпрыск получил полное право распоряжаться самостоятельно своей долей солидного наследства. В 1900 г. двадцатитрехлетний бонвиван увлекся, как сказано в письме его братьев Московскому генерал-губернатору, «женщиной сомнительного поведения, француженкой Фажет, певицей из ресторана Омона» (фешенебельный французский ресторан в Москве), на подарки которой и на кутежи с ней он потратил только за два месяца около 200 тыс. руб. Лишь за колье «с жемчугом и бриллиантами», купленное у известных ювелиров Фаберже «для муадмазель», Н. П. Рябушинский заплатил 14 200 руб.[48] (Для сравнения заметим: квалифицированному рабочему надо было работать почти 50 лет, чтобы получить такую сумму [49]. Средняя заработная плата составляла в фабрично-заводской промышленности 207 руб. в год.) Распорядок дня Николая Павловича, по описанию его служащего, был следующим: приезжает ночевать в 5 часов утра, «а большую часть времени проводит с кафешантанными певицами» [50].

Другой очевидец свидетельствовал, что «предмет своего обожания» он угощал «завтраками, обедами и ужинами» в лучших ресторанах, причем заказывал по телефону «лучший стол на видном месте, дорогие вина и кушанья» и регулярно дарил ей «корзины цветов стоимостью по несколько сот рублей каждая» [51]. Родственники, серьезно напуганные подобным мотовством, так как поведение «брата Николая» могло неблагоприятно отразиться на репутации семейной фирмы, где он был пайщиком, добились учреждения над ним опеки, которая была снята лишь в начале 1905 г.[52] Позднее Н. П. Рябушинский начинает издавать художественный журнал «Золотое руно», ставший органом символистов, и открывает в центре Москвы салон современного искусства, а его вилла в Петровском парке «Черный лебедь», вычурно оформленная и претенциозно обставленная, становится синонимом буржуазного декадентства.

Интересный портрет-зарисовку этой колоритной фигуры оставил в своих воспоминаниях замечательный русский художник и искусствовед А. Н. Бенуа. «Был он

малым статным,— писал Александр Николаевич,— с белокурыми, завивающимися на лбу (если не завитыми) волосами, а лицо у него было типично русским и довольно простецким. Что же касается его манер, то казалось, что он нарочно представляется до карикатуры типичным купчиком-голубчиком из пьес Островского. И говор у него был такой же характерный московско-купеческий, с легким заиканием, ударением на «о» и с целым специфическим словарем. Иностранными языками он тогда (речь идет о 1906 г.— *А. Б.*) не владел... успел же он объездить весь свет, побывать даже и у людоедов Новой Гвинеи, где однажды ему дали вина не в кубке, а в черепе врага того племени, среди которого он оказался и вождь которого таким образом особо почтил гостя» [53].

Другой эксцентричный миллионер, Ф. Я. Ермаков, получивший чин действительного статского советника за учреждение богадельни и умерший в 1895 г., завещал 3,3 млн руб. для раздачи «в воспоминание об нем и на помин души его бедным и нуждающимся в пособии людям» [54]. Выделение такой огромной суммы для раздачи в виде милостыни вызвало своего рода шок как у родственников, так и у «власть имущих». Дочь завещателя в течение нескольких лет настойчиво добивалась признания завещания недействительным. Однако частная собственность и воля собственника были «священны» (изменить завещательное распоряжение мог только царь), и суд отверг в 1900 г. ее домогательства. Перед административными органами встала труднейшая задача: как практически осуществить раздачу денег, чтобы не повторились трагические события «Ходынской катастрофы», вызванные бесплатной раздачей «царских гостинцев» на коронационных торжествах в 1896 г. (Во время образовавшейся давки погибли и получили увечья несколько тысяч человек.) В итоге воля завещателя все-таки, с «высочайшего соизволения», была нарушена, и основная часть средств пошла на сооружение ремесленного училища и ночлежного дома.

«Разгул с размахом» и другие случаи бессмысленных трат подробно смаковались в бульварной прессе и служили темой пересудов как в купеческой среде, так и вне ее. Подобные факты несомненно усиливали общественный скептицизм относительно всего купечества, который господствовал в обществе. Однако существовали примеры и другого рода, которые все больше и больше ломали сложившиеся стереотипы в общественном восприятии купцов.

Колоритной фигурой в деловом мире России был один из крупнейших предпринимателей конца XIX в. Гаврила Гаврилович Солодовников (1826—1901), владелец универсального магазина «Пассаж Солодовникова» на Кузнецком мосту в Москве, крупный домовладелец, землевладелец и банкир. Происходил он из купеческой семьи, и его отец вел крупную мануфактурную торговлю на украинских ярмарках еще в 20-е и 30-е годы XIX в. Никакого учебного заведения Г. Г. Солодовников не кончал и по старокупеческой традиции получал воспитание и образование в доме родителей. (В таких случаях учителя, как правило, лучшие, приглашались на дом, и образование происходило под контролем «родителя». На обучение своих детей денег не жалели.)

Продолжая и расширяя торговые операции, Г. Г. Солодовников одновременно стал и крупным жертвователем и много лет перечислял средства в фонд Варваринского сиротского дома, попечителем которого он состоял (одно из крупнейших учреждений подобного рода). За эту деятельность в 1891 г. по ходатайству Московского генерал-губернатора и министра народного просвещения ему был «высочайше пожалован» чин действительного статского советника [55]. Превратившись в «статского генерала» (это звание соответствовало чину генерал-майора) и получив право на общий гражданский титул «превосходительства», Г. Г. Солодовников продолжал вести старый образ жизни и много времени уделял «изящным искусствам». Являясь заядлым меломаном и театралом, он сам писал и пьесы, судить о достоинствах которых теперь невозможно, так как они были известны лишь узкому кругу лиц и, насколько известно, никто из них публично никаких суждений не высказывал.

Прихоти этого миллионера москвичи обязаны строительством прекрасного театрального здания на Большой Дмитровке (после неоднократных реконструкций в настоящее время в нем располагается Театр оперетты, Пушкинская улица, д. 6). В начале 90-х годов XIX в. Г. Г. Солодовников решает построить грандиозный театр «феерий и балета», где намеревается ставить и свои пьесы (ранее ему принадлежало небольшое театральное помещение в Пассаже). В феврале 1894 г. Московская городская управа разрешила ему возвести «на углу Большой Дмитровки и Спасского переулка здание для театра» [56]. Строительство пятиэтажного здания, рассчитанного более чем на три тысячи зрителей, было завершено

в декабре того же года и обошлось в несколько сот тысяч рублей. Публиковались широковещательные объявления, беззастенчиво расхваливавшие невиданное театральное сооружение. В одной из таких реклам говорилось: «Устроен театр по последним указаниям науки в акустическом и пожарном отношениях. Театр, выстроенный из камня и железа на цементе, состоит из зрительного зала на 3100 человек, сцены в 1000 квадратных аршин, помещения для оркестра в 100 человек, трех громадных фойе, буфета, в виде вокзального зала, и широких, могущих заменить фойе, боковых коридоров. Репертуар: драма, опера, комедии и оперетка» [57].

Одновременно со строительством Г. Г. Солодовников занялся и организацией труппы. Считая для себя «неприличным» выступать в качестве антрепренера, он приглашает стать таковым «помощника бухгалтера» одного из банкирских заведений «мещанина И. П. Артемьева», которого миллионер хорошо знал, по его словам, «как человека честного и дурака, которым можно вертеть» и который не будет рассуждать, «кого принимать, а кому отказывать» [58]. Театр был сдан новоиспеченному антрепренеру по словесному договору, а сам Г. Г. Солодовников оставался полноправным хозяином всей антрепризы и, как свидетельствовал очевидец, «присутствовал на репетициях, указывал, какие музыкальные пьесы надлежит играть и участвовал в распределении ролей между артистами» [59]. Театр намечалось открыть 26 декабря 1894 г., и для работы в нем было приглашено около 200 человек артистов (в том числе из-за границы) и служащих. По желанию хозяина строительство проводилось в спешке (строили даже ночью), и как следствие в здании обнаружились различные недоделки, и московский обер-полицмейстер не разрешил открыть театр, «находя его вредным в санитарном отношении по причине сырости и отсутствия вентиляции и опасным в некотором другом отношении» [60]. В результате подставной антрепренер оказался перед необходимостью платить огромную неустойку в несколько десятков тысяч рублей. Первоначально Г. Г. Солодовников отстранился от всего этого дела, так как юридически он не нес никакой ответственности. В конце концов, после проведенного властями расследования, дело стало приобретать скандальный характер, и Г. Г. Солодовникову пришлось рассчитаться с труппой. В театре были сделаны новые выходы, лестницы, оборудована вентиляция, однако новоявленный драматург охла-

дел к этому предприятию, и в 1895 г. здание было сдано в аренду дворянину Н. М. Бернардаму «для представления итальянской оперы», а через год в Солодовническом театре обосновалась Русская опера С. И. Мамонтова.

Фигура этого купца-миллионера примечательна тем, что с его именем связано крупнейшее пожертвование за всю историю благотворительности в России. В составленном незадолго до своей смерти завещании Г. Г. Солодовников следующим образом распорядился своим имуществом. Вся недвижимость и ценные бумаги должны быть проданы, а образованный таким образом капитал за вычетом определенных сумм родственникам (детей у него не было) должен был использоваться на общественные нужды: треть — на устройство в губерниях Тверской, Архангельской, Вологодской и Вятской земских женских училищ; треть — на учреждение в тех же губерниях и в городе Серпухове мужских и женских профессиональных школ и на создание в Серпухове родильного приюта на 50 человек (предки Солодовникова были выходцами из Серпухова); треть — на постройку домов с дешевыми квартирами в Москве [61].

Завещание было утверждено Московским окружным судом в мае 1902 г., причем оказалось, что общая сумма наследства Г. Г. Солодовникова составила почти 21 млн руб. Родственники получили 815 тыс. руб., а остальное пошло на общественные нужды [62]. Столь крупного единовременного благотворительного пожертвования в России еще не было. Важно отметить, что средства предназначались для малоимущих слоев населения, положение которых вообще было чрезвычайно тяжелым. Остро стояла, например, жилищная проблема. По данным на 1899 г., население Москвы составляло более миллиона человек. Причем почти 200 тыс. ютилось в так называемых «коечно-каморочных квартирах», 10% которых были лишены даже дневного света. В отчете Московской городской управы об этих трущобах говорилось: «Скученность населения, недостаток воздуха и света, сырость, холод, грязь — вот типичные особенности коечно-каморочных квартир» и признавалось, что «санитарные условия этих жилищ не поддаются никакому описанию» [63]. Конечно, солодовниковские миллионы не могли существенно улучшить жилищные условия сотен тысяч людей, но все же на его средства было построено несколько благоустроенных домов в Москве [64].

Благотворительные занятия часто вызывались к жиз-

ни именно мировоззренческо-нравственными причинами, осознанием многими капиталистами того очевидного факта, что без улучшения жизни народных слоев невозможно гармоничное развитие общества. Конечно, сама по себе благотворительность нигде в мире не привела к сколько-нибудь ощутимому улучшению жизненных условий населения. Нищету и отсталость таким путем ликвидировать было нельзя, но можно было «облегчить себе душу», считая, что пожертвованиями помогли «ближнему своему».

В свою очередь, коллекционирование и меценатство отражали развитие культурных и эстетических запросов предпринимателей. Рост их богатства и экономической мощи приводил к изменению «социальной географии» в городах. Буржуазия вторгалась в самые фешенебельные районы, «захватывала» наиболее аристократические улицы, ранее заселенные почти исключительно дворянством. Интересные данные о социально-классовом составе домовладельцев на одной из центральных улиц Москвы, Малой Дмитровке, привел исследователь истории Москвы П. В. Сытин. Если в 1793 г. дворянству и чиновничеству принадлежало здесь почти $^{2}/_{3}$ домовладений, то в 1914 г. картина была совершенно иной. Из общего числа 28 домовладений в их руках оказалось лишь четыре, а 20 принадлежало купцам и потомственным почетным гражданам [65].

Возводя собственные особняки или перекупая их у обедневших представителей «высшего сословия», капиталисты часто перенимали и уклад повседневной жизни дворянства, что называется, «из кожи лезли», чтобы доказать, что «они не хуже». Ливрейные лакеи, гувернантки, закрытые клубы, собственные выезды, «фамильные драгоценности», «семейное серебро» и т. п. атрибуты показного «аристократизма» охотно выставлялись напоказ. Один из известных русских историков, очевидец превращения «Москвы дворянской в Москву купеческую», констатировал: «С прогрессом капитала вырастало новое поколение купечества: культурные, получавшие воспитание под руководством иностранных гувернеров, заканчивающие образование за границей, отлично говорившие на иностранных языках и мало чем отличавшиеся по внешней обстановке жизни от крупного барства, разве только тем, что барство в такой обстановке исстари выросло, а высокое купечество ее наново вокруг себя заводило» [66].

Коллекционирование часто служило именно целям

социального «самоутверждения». Иногда это носило довольно скандальный характер. Так, владелец крупной парфюмерной фабрики в Москве, обрусевший француз А. А. Брокар (умер в 1900 г.) на протяжении многих лет собирал самые различные предметы: картины, мебель, скульптуру, изделия из бронзы, фарфора и др. Покупки осуществлялись через антикваров, а иногда и просто на Сухаревском рынке самим «королем туалетного мыла и цветочных одеколонов». Мало разбираясь в искусстве и полагаясь исключительно на рекомендации случайных посредников и продавцов, А. А. Брокар собрал коллекцию живописи русских и европейских мастеров, большую часть которой, как оказалось после экспертиз в Петербурге и Париже, составляли подделки.

Мало того, этот коллекционер еще и «питал страсть» к реставрации. Очевидец подобной деятельности, А. П. Бахрушин, описал некоторые эпизоды. В собрании А. А. Брокара была картина художника С. И. Грибкова, на которой была изображена кухарка, около которой сидел кот. Через некоторое время А. П. Бахрушин увидел ту же картину, но уже без кота и спросил об этом хозяина, который с удивительным простодушием ответил, что «кот ему не нравился» и он его убрал, или «попросту замазал» [67]. Вопиющей была и «техника реставрации». «Раз,— вспоминал А. П. Бахрушин,— я застал у него реставратора, который у очень порядочной картины, по личному указанию Брокара, тут же стоявшего, прибавлял груди у декольтированной женщины, показавшиеся ему, Брокару, малыми» [68]. Показательны и те жестокие условия, в которых содержался «домашний реставратор» — бедный художник, ученик Московского училища живописи, ваяния и зодчества, Н. И. Струнников. Денег ему А. А. Брокар не платил, а вносил за него лишь 50 рублей в Училище. Художнику была отведена в сторожке койка «пополам с рабочим,— так двое на одной кровати и спали, и кормили вместе с прислугой на кухне» [69]. Согласно своим представлениям, этот «эстет-миллионер» часто «улучшал» и изделия из бронзы, и «розетку одного подсвечника привертывал к другому, к которому она, по его мнению, лучше идет, и наоборот; оттого такой безобразной, безвкусной бронзы, как у него, нельзя видеть» [70]. Тонкий ценитель и настоящий знаток искусства, Алексей Петрович Бахрушин вполне справедливо восклицал: «Что же это как не глубокое невежество, не варварство?» [71].

Пренебрежительное отношение к деятелям искусства, в частности, к художникам. не было редкостью. Купцы-миллионеры часто смотрели на них лишь как на недостойных уважения поденщиков. С этой корпоративной хамской спесью пришлось столкнуться многим. Выдающийся художник-портретист В. А. Серов много раз с возмущением вспоминал, как ему, еще молодому, позировал московский «кондитерский король» А. И. Абрикосов. Являлся к нему художник на сеанс в десять часов утра и работал несколько часов. Причем регулярно владелец фирмы уходил в полдень завтракать, а затем возвращался и «продолжал позировать, ковыряя зубы зубочисткой» [72]. Самому же портретисту ни разу не был предложен даже стакан чаю.

Однако среди предпринимателей были и настоящие ценители и знатоки, собравшие превосходные коллекции, являющиеся важной частью нашего культурного наследия. Один из специалистов «коллекционерского дела» писал: «За последние четверть века состав наших библиофилов изменился не мало. Наряду с людьми старого барского уклада людьми науки, литературы и государственной деятельности, все чаще и чаще начинают встречаться представители старых купеческих фамилий» [73]. Подобное наблюдалось не только в среде библиофилов, но и в других областях собирательства. О некоторых из новых коллекционеров речь шла выше. Но были и другие. Нельзя не сказать о братьях Щукиных, совладельцах крупной фирмы по торговле хлопчатобумажной пряжей и тканями «И. В. Щукин с сыновьями» [74].

Петр Иванович Щукин (1853—1912) уже к концу XIX в. имел замечательную коллекцию древнерусского искусства, изделий народных промыслов, рукописей и книг, для которой построил специальное здание на Малой Грузинской улице, д. 15. Вся эта коллекция, включающая почти 15 тыс. экспонатов, была передана им в 1905 г. в дар Историческому музею. А. П. Бахрушин считал П. И. Щукина серьезнейшим знатоком, который «не собирает ничего, предварительно не собравши об этом предмете целую библиографию и не изучив его по книгам» [75].

Примечательна фигура и Сергея Ивановича Щукина (1854—1936), который играл заметную роль в деловой жизни. Этот коммерции-советник и купец первой гильдии входил в совет Московского учетного банка, был совладельцем и директором текстильных фирм «Э. Циндель» и Даниловская мануфактура. Однако особую известность

он получил своей коллекцией европейских, в основном французских художников конца XIX — начала XX в.: Гогена, Курбе, Моне, Писсаро, Ренуара, Матисса и др. Известный общественный деятель, художник и собиратель русского искусства, князь С. А. Щербатов, находясь в эмиграции в Париже, заметил: «При бесспорно большой положительной роли художественного коллекционерства, которым увлекались видные представители нового класса передового купечества, было в этом увлечении, несмотря на кажущуюся утонченность, немало провинциализма, наивного преклонения перед последней модой парижского художественного рынка» [76]. Однако этот представитель аристократического мира должен был признать, что собрание С. И. Щукина было одним из самых ярких явлений художественной жизни [77].

К началу первой мировой войны его собрание насчитывало 221 картину, в том числе 50 работ Пикассо, 38 — Матисса, 13 — Моне, 3 — Ренуара, 8 — Сезанна, 16 — Гогена, 16 — Дерена, 4 — Дени и 7 — Руссо [78]. Выбор произведений этих мастеров, вокруг творчества многих из которых происходили оживленные споры и во Франции, был вообще необычным для России, и лишь единицы, среди последних нельзя не назвать другого миллионера — И. А. Морозова, рисковали собирать подобные вещи, часто просто эпатировавшие «просвещенную публику». В значительной степени благодаря деятельности С. И. Щукина, эстетические взгляды которого опередили свое время, в нашей стране имеется прекрасное собрание работ импрессионистов и постимпрессионистов (в настоящее время — в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и в Государственном Эрмитаже). Оказавшись в эмиграции, С. И. Щукин не жалел о потере своих коллекций и откровенно заявлял, что он «собирал не только и не столько для себя, а для своей страны и своего народа. Что бы на нашей земле ни было, мои коллекции должны оставаться там» [79].

Младший брат Щукина, Дмитрий (1855—1932), также был заядлым коллекционером, собиравшим произведения западноевропейских художников XVI—XVIII вв. В их числе были работы Брегеля, Моленара, Ватто, Буше, Фрагонара, Кранаха и других (всего 604 полотна. В настоящее время — в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина).

* * *

Благотворительность вообще, а меценатство и коллекционирование в частности, служили не только достижению определенных общественно значимых целей. Если богатый купец или промышленник старался утвердиться в глазах окружающих высоким стандартом жизни, строил роскошный особняк и наполнял его дорогой обстановкой, произведениями искусства и пользовался всеми благами цивилизации сам, то такой уклад жизни не мог вызывать никаких симпатий и признания. В этой картине ничего не менялось и тогда, когда какие-то «крохи» он выделял и на общественные нужды. Много здесь было скрытых интересов и тайных стремлений, которые нельзя понять в отрыве от конкретных условий российской действительности. На этом сюжете представляется уместным остановиться подробнее.

Все общественное устройство в России, социальная среда и формы общественной деятельности были пропитаны сословно-чиновной атмосферой и мелочным административным регулированием. Русское общество было строго социально ранжировано, и люди законодательно подразделялись на определенные сословия-разряды: дворяне, потомственные почетные граждане, купцы, мещане, крестьяне и др. Высшим сословием всегда было потомственное дворянство, важнейшую часть которого составляли крупнейшие землевладельцы-помещики и высшее чиновничество. У дворянства имелась целая система привилегий, которых другие сословия были лишены. Одним из них длительное время оставалось право на государственную службу. И здесь следует сказать о той роли, которую играла иерархическая система в деятельности капиталистов, занятых «делами благотворения». Как писал в конце XIX в. русский министр финансов С. Ю. Витте, «изящные искусства, литература, наука, прикладные знания, промышленность, торговля, сельское хозяйство, общественное управление, благотворительность — все это у нас в России состоит на государственной службе, если не целиком, то во всяком случае в значительной своей части» [80].

Все формы общественных занятий: служба в городских, земских сословных или профессиональных организациях, участие в деятельности благотворительных обществ, членство в попечительных советах школ, училищ, «домов призрения», приютов, музеев и т. д. — считались

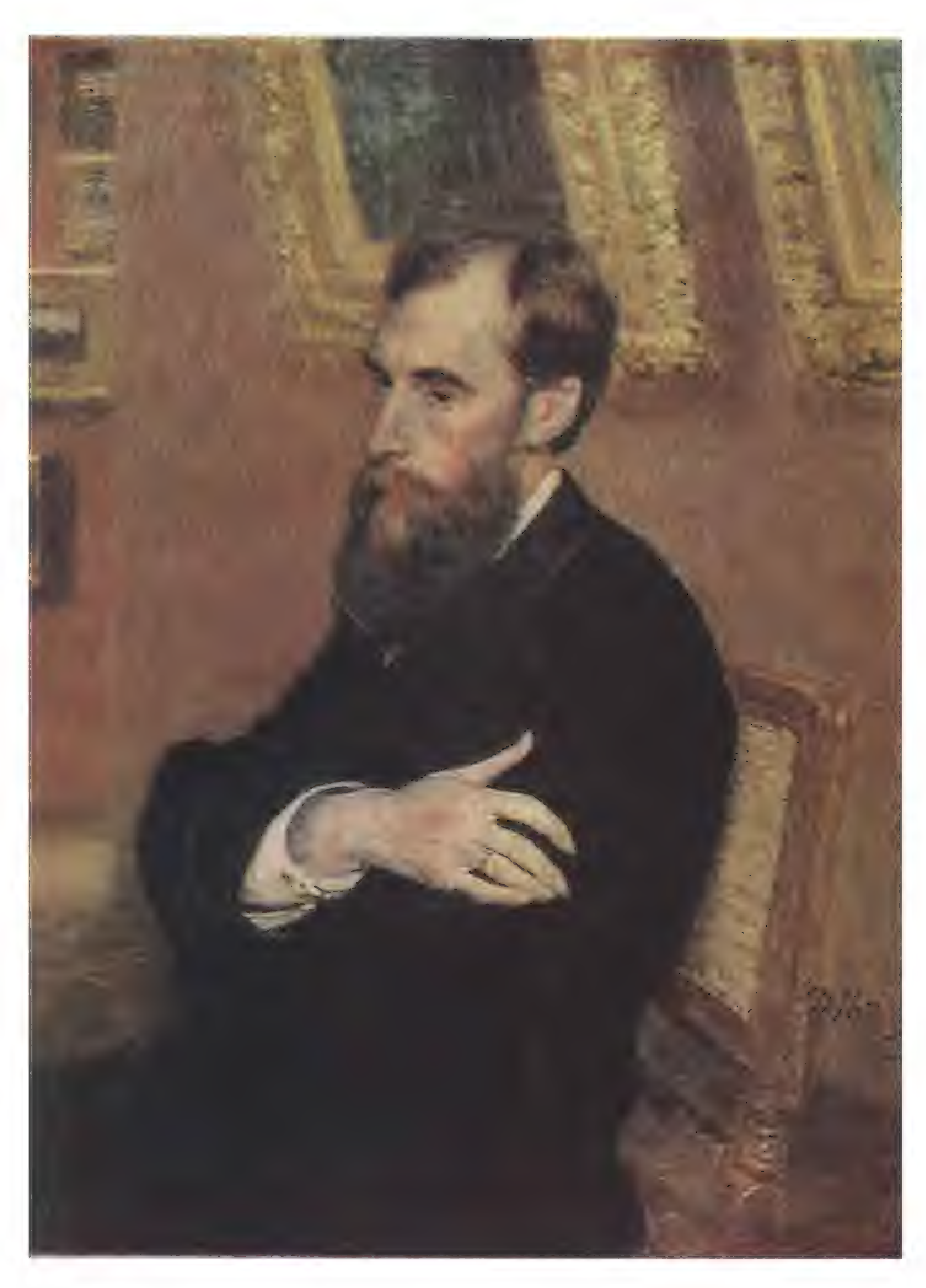
«государственным делом» и регулярно поощрялись властью, награждавшей крупных благотворителей орденами, чинами, почетными званиями и сословными правами. Таким путем самодержавие старалось стимулировать развитие общественных институтов, часто само не вкладывая в это дело ни копейки. Скажем, К. Т. Солдатёнков к середине 80-х годов XIX в. «за пожертвования и усердие» имел ордена: Станислава 3-й степени (1864 г.), Станислава 2-й степени (1868 г.), Анны 2-й степени (1881 г.) и Владимира 4-й степени (1885 г.) [81].

Именно благотворительность часто открывала единственную возможность предпринимателям получить чины, ордена, звания и прочие отличия, которых иным путем (в частности, своей профессиональной деятельностью) добиться было практически нельзя. Конечно, были жертвователи и меценаты, например, П. М. Третьяков, С. Т. Морозов, С. И. Мамонтов, о которых речь пойдет ниже, не желавшие получать награды от царских сановников и руководствовавшиеся в своей деятельности соображениями, далекими от всякой корысти.

Однако подобное бескорыстие было присуще далеко не всем. Чины и ордена не только повышали общественную значимость и респектабельность капиталиста, но и позволяли выйти за пределы сословно-социальной обособленности, и часто открывали реальные возможности для качественного изменения своего общественного положения.

Так, чин коллежского регистратора давал право на личное почетное гражданство; чин титулярного советника — личное дворянство, а чин действительного статского советника — дворянство потомственное (на гражданской службе было всего четырнадцать классов чинов) [82]. Потомственное дворянство можно было иметь и по ордену (первые степени всех орденов и Владимира 4-й степени и выше, а с 1900 г.— лишь 3-й степени) [83]. С получением чина приобреталось право и поступления на государственную службу. В законе говорилось, что «купцам, получившим какой бы то ни было чин вне порядка службы, не возбраняется поступать в гражданскую службу» [84].

К концу XIX в. в России существовало 27 жалуемых наград: 15 орденов и 12 чинов. Особый же интерес для капиталистов имели не награды вообще, а именно высшие: чиновные не ниже 4 класса (действительный статский советник) и орденские от Владимира. Это, что называется, «по закону». Однако в условиях самодержавия,

П. М. ТРЕТЬЯКОВ
Художник И. Е. Репин.

Девочка с персиками (В. С. МАМОНТОВА).
Художник В. А. Серов.

Е. Г. МАМОНТОВА
Художник И. Е. Репин.

**Товарный знак
Никольской мануфактуры.**

**Главный фасад
Третьяковской галереи
1902 г.
По проекту художника
В. М. Васнецова.**

когда деятельность и решения монарха не регулировались никакими законоположениями («царь выше закона»), когда любое его «волеизъявление» приобретало силу законодательного акта, возникали возможности для игнорирования существовавших правил и достижения своих целей посредством закулисных ходов в «светском» Петербурге. Остановимся на наиболее характерных случаях, передающих некоторые примечательные черты эпохи.

Одним из крупнейших и известнейших предпринимателей конца XIX в. был железнодорожный подрядчик и финансовый делец Л. С. Поляков (1844—1914), который пользовался просто удивительным благорасположением «правительственных сфер». История его «внедрения» в самые верхи чиновно-сословного мира весьма впечатляюща. Сын провинциального торговца, окончивший в 1875 г. Петербургский институт инженеров путей сообщения с «правом на чин коллежского секретаря» [85], своими деловыми навыками и предпринимательской хваткой быстро добился заметного места в деловом мире. С середины 90-х годов он был владельцем банкирского дома в Москве, возглавлял советы Московского международного торгового и С.-Петербургско-Московского коммерческого банков; был председателем правления Орловского коммерческого и Московского земельного банков, Московского страхового общества, Московского лесопромышленного товарищества и Товарищества для торговли и промышленности в Персии и Средней Азии, Товарищества Московской резиновой мануфактуры. Все это были крупные капиталистические компании.

Скоро Л. С. Поляков выбился и в число заметных благотворителей и меценатов. Его деятельность постоянно поощрялась государственной властью. В 1874 г. по ходатайству министра финансов этот потомственный почетный гражданин и купец первой гильдии получил звание коммерции-советника; в 1880 г. за финансирование Антропологической выставки в Москве он был награжден чином статского советника (5 класс); в 1883 г. по представлению Московского генерал-губернатора за пожертвования «на тюремное попечительство» получил действительного статского советника, а в 1886 г. опять за взнос на благотворительные цели ему был «пожалован» орден Владимира 3-й степени (общая сумма его благотворительных расходов составила около 200 тыс. руб.). Кроме того, он вносил средства на Румянцевский музей и Музей изящных

искусств (только на зал греческой скульптуры он выделил более 20 тыс. руб.) [86].

Не являясь чиновником в собственном смысле слова, т. е. лицом, назначаемым на государственную должность и имеющим содержание от казны, Л. С. Поляков приобрел чин 4 класса, для получения которого на действительной государственной службе надо было прослужить не менее 20 лет. Он же лишь в 1885 г. был утвержден в должности попечителя Московского благотворительного приюта, находившегося в ведении Императорского человеколюбивого общества. Именно это учреждение и представило его в 1894 г. к награждению орденом Станислава 1-й степени. Такая награда открывала ему возможность предпринять еще одну попытку добиться вступления в дворянское сословие, так как правительствующий сенат, ведавший подобными делами, отклонил в 1889 г. его ходатайство о возведении в дворянство по ордену Владимира в связи с тем, как было сказано в сенатском определении, что орден «был получен не за отличия по должности попечителя», а лишь за службу в должности «члена попечительского совета» [87].

Представление к ордену Станислава 1-й степени купца-еврея было само по себе вызовом дворянско-чиновной системе и не имело прецедента. И разгорелась «битва». С одной стороны был миллионер-предприниматель со своими миллионами и связями, а с другой — традиции, амбиции и законы полуфеодальной империи. Первый «раунд» Л. С. Поляков проиграл, так как при рассмотрении его дела в Комитете о службе чинов гражданского ведомства и о наградах, проходившем под председательством министра императорского двора графа И. И. Воронцова-Дашкова, было решено единогласно «ходатайство отклонить». В качестве повода был использован тот аргумент, что «носимый Поляковым чин действительного статского советника, которым он награжден за неслужебные отличия, не соответствует значению того чина 4 класса, который приобретается действительною государственною службою и в котором только возможно пожалование орденом Святого Станислава 1-й степени» [88].

Однако далее произошло, казалось бы, труднообъяснимое. Всего через год члены Наградного комитета были извещены о «высочайшем согласии» на получение Л. С. Поляковым указанной награды, хотя в положении просителя ничего не изменилось. Один из служащих императорской канцелярии в письме И. И. Ворон-

цову-Дашкову писал о своего рода шоке, который «поразил» бюрократический синклит при известии о согласии царя наградить «данное лицо станиславскою лентою» [89]. Трудно определить, какие «рычаги» приводились в движение, но достоверно известно, что активную поддержку домогательствам Л. С. Полякова оказывал управляющий императорской канцелярией К. К. Ранненкампф.

Аналогичное противодействие было оказано Л. С. Полякову и в Сенате по поводу возведения его «в дворянское достоинство». Трижды ему было отказано, и лишь в 1897 г. по личной просьбе министра юстиции Н. В. Муравьева он «высочайшим именным указом» получил дворянство [90]. Подобный «триумф» вряд ли был бы возможен без закулисных ходов, суть которых чаще всего сводилась к обычному подкупу высокопоставленных лиц, хотя документировать подобные «неформальные отношения» чрезвычайно трудно. Однако доподлинно известно, что у богатых купцов не стеснялись «брать в долг» даже члены царской фамилии. Много в обществе говорили, например, о том, что дядя царя, Николай Николаевич, «одолжил» у купцов Хлудовых несколько сот тысяч рублей [91].

Деньги решали многое. С конца XIX в. любой крупный делец мог иметь высокий чин по «Табели о рангах». Надо было лишь заплатить. И капиталисты платили в фонды различных благотворительных учреждений, делали прочие пожертвования, а чиновники в центральных учреждениях скрупулезно подсчитывали эти взносы и определяли, какой награды достоин жертвователь. Звания, ордена, а вслед за этим и сословные права часто становились по сути дела объектами купли-продажи. Скажем, в 1910 г. С.-Петербургский митрополит Антоний, главный попечитель Императорского человеколюбивого общества, обратился в Министерство торговли и промышленности с ходатайством о награждении крупного сахарозаводчика Л. И. Бродского чином статского советника. В процессе разбирательства этого дела выяснилось, что миллионер слишком мало заплатил за такую награду. Главноуправляющий императорской канцелярией в этой связи писал: «Большая часть пожертвований, сделанных Бродским Человеколюбивому обществу, а именно 76 тыс. руб. (из 86 тыс.) отмечена награждением его орденом Святого Станислава 2-й степени и орденом Анны 2-й степени, а благотворительные услуги его, выражавшиеся в пожертвовании 100 тыс. рублей на учреждение коммерческого

училища в Киеве поощрено пожалованием ему звания коммерции-советника и я бы затруднился бы повергнуть на Высочайшее благовоззрение ходатайство о награждении Бродского за пожертвования в сущности всего 10 тыс. рублей столь высокую для купцов наградою, как чин статского советника»[92]. Однако этот отказ миллионера не остановил, и через год, используя в качестве инструмента опять благотворительное общество, но уже с привлечением в качестве ходатая члена царской фамилии (жену «великого князя» Константина Константиновича» — Елизавету Маврикиевну), начинает добиваться чина действительного статского советника. При столь внушительной поддержке со стороны «сильных мира сего» Л. И. Бродский получил высокий классный чин, хотя это и находилось в вопиющем противоречии с законом, гласившим, что «никто не может быть производим через чин, или, минуя чины низшие, прямо в высшие»[93]. Но что значили законы в «стране самовластья»?

Были и коллективные представления на награды целых групп благотворителей. В 1903 г. Московское филармоническое общество и существовавшее при нем Московское музыкально-драматическое училище (где много лет преподавал В. И. Немирович-Данченко) отмечали 25-летний юбилей. Именитая покровительница общества, сестра царицы и жена московского генерал-губернатора Сергея Александровича (дядя последнего царя) «великая княгиня» Елизавета Федоровна обратилась с ходатайством о награждении директоров общества, «внесших вклад в развитие своими трудами и пожертвованиями». Подобные просьбы инспирировались чаще всего самими предпринимателями и отражали их желания. Из семи членов попечительного совета шесть были крупными капиталистами. Чего же домогались эти меценаты? Директор крупной Егорьевской бумагопрядильной фабрики, Норской мануфактуры и Северного страхового общества Д. Р. Востряков хотел получить Станислава 3-й степени; его сын и пайщик Товарищества Егорьевской фабрики Б. Д. Востряков — звание мануфактур-советника; владелец фабрики металлических пуговиц и фирмы по изданию музыкальных произведений К. А. Гутхейль — орден Владимира 4-й степени; московский домовладелец К. К. Ушков желал иметь такую же награду; финансовый делец и московский купец первой гильдии А. А. Руперти — Станислава 3-й степени, а владелец банкирской конторы в Москве К. В. Осипов — звание коммерции-советника[94].

Очень часто капиталисты-жертвователи за свою благотворительную деятельность старались получить почетные звания, которые повышали их вес в предпринимательской среде и традиционно служили маркой деловой респектабельности. Всего таких званий было два: коммерции-советник и мануфактур-советник. Они служили отличием исключительно для лиц купеческого звания и давались: первое — за «особенные заслуги в распространении торговли», а второе — «за отличия по мануфактурной промышленности» [95]. Носители этих званий получали право на общий гражданский титул «ваше высокоблагородие». Сам характер их присвоения как акт «монаршей милости» способствовал тому, что социальная конъюнктура этих отличий была чрезвычайно высокой. Примечательно, что правящие круги часто награждали ими за некоммерческие занятия, в том числе и за благотворительные пожертвования, хотя это и противоречило «духу и букве» закона. Министр торговли и промышленности В. И. Тимирязев в 1909 г. констатировал, что постоянно росло число соискателей, «которые, не имея заслуг в торгово-промышленной деятельности, выдвигаются единственно пожертвованиями или другими заслугами на пользу разных благотворительных обществ и которые находят нередко поддержку со стороны стоящих во главе этих обществ лиц» [96].

Остановимся на ряде конкретных случаев. В 1905 г. в Петербурге, в Таврическом дворце, была проведена большая и уникальная в своем роде выставка «Русский портрет», организованная на средства известной кондитерской фирмы «Жорж Борман». Это одно из крупнейших событий в художественной жизни России проходило под патронажем внука Николая I — великого князя Николая Михайловича, который добился награждения званием коммерции-советника главного «спонсора» и директора-распорядителя указанной фирмы Г. Н. Бормана [97]. Такую же награду получил и С. П. Рябушинский за взносы на Археологический институт в Москве [98].

В качестве наглядного примера скрытых стремлений жертвователей и методов их достижения процитируем договор, заключенный в 1911 г. между известным петербургским банкиром и директором одного из учебных заведений. В документе говорилось: «Мы, нижеподписавшиеся, В. Г. Винтерфельдт и директор Сестрорецкого коммерческого училища А. А. Фомин, заключили настоящее соглашение в следующем. Я, Винтерфельдт,

обязуюсь внести в Сестрорецкое коммерческое училище 20 000 руб. в качестве дара при условии, что мне, Винтерфельдту, до 5 января 1912 г. будет Высочайше пожаловано звание коммерции-советника. Если же пожалование вышеозначенного звания не состоится до 5 января 1912 г. настоящее соглашение уничтожается» [99]. Капиталист просимое получил. Однако подобная деятельность вряд ли может быть отнесена к разряду искреннего «творения добра».

Заплатил деньги — получил награду! Такое циничное отношение к благотворительности было довольно обычным делом в предпринимательской среде. Конечно, подобная подоплека подрывала высоконравственные основы бескорыстной жертвенности. На этом фоне прихотей, амбиций и эгоистических интересов толстосумов еще ярче выглядит деятельность тех предпринимателей, кто преследовал совершенно другие цели и руководствовался иными соображениями. Тех, кто бескорыстно приносил свои труды, таланты и огромные средства «на алтарь Отечества».

Глава 2. **На благо России**

Есть в истории имена, которые всегда будут вызывать уважение, восхищение, которые не покроет «патина «времени». Павел Михайлович Третьяков... Купец из Замоскворечья, выросший и воспитанный в общественной среде, довольно далекой от возвышенных эстетических интересов и нравственных побуждений; человек, не кончавший никаких учебных заведений и постигавший все исключительно своим умом и сердцем. Русский самородок, превративший дело служения национальным интересам в главную цель своей жизни. О его деятельности на пользу отечественной культуры известно много: опубликованы документы, исследования, воспоминания. Сохранилось много и неопубликованных материалов. Однако, знакомясь со всей массой информации, отражающей различные стороны судьбы этого замечательного человека, возникает ощущение, что «феномен Третьякова» до сих пор до конца не разгадан. Значение и масштабы его меценатства столь грандиозны и беспримерны, что заставляют снова и снова обращаться к его биографии, которая и для людей конца XX в. имеет не меньшее значение, чем для современников. Она — яркий образец истинного служения своему народу и стране.

В Москве 4 декабря 1898 г. в Лаврушинском переулке, в доме рядом со зданием, где размещалась «Городская художественная галерея Павла и Сергея Михайловичей Третьяковых», умер П. М. Третьяков. Происходил он из старинной, но сравнительно небогатой семьи купцов-торговцев. Его прадед, Елисей Мартынович, поселился в Москве в 1774 г., куда переехал из города Малый Ярославец. Сын его, Захар Елисеевич, в конце XVIII в. значился московским третьегильдейским купцом. Принадлежность к гильдии в то время определялась величиной объявленных капиталов, т. е. «стоимостью дела», и нахождение в третьей гильдии свидетельствовало о том, что Третьяковы не имели еще крупных средств, не входили в состав «именитого московского купечества», а являлись мелкими торговцами [1].

У Захара Елисеевича было два сына: Михаил и Сергей. Старший, Михаил, московский купец второй гильдии (1801—1850) и был отцом Павла, а матерью — дочь богатого московского коммерсанта Александра Даниловна Борисова (1812—1899), на которой М. З. Третьяков женился в 1831 г. В семье родилось девять детей: Павел — 1832 г., Сергей — 1834, Елизавета — 1835, Данило — 1836, София — 1839, Александра — 1843, Николай — 1844, Михаил — 1846, Надежда — 1849. Четверо из них (Данило, Александра, Николай, Михаил) умерли в детстве [2].

Жили Третьяковы в Замоскворечье, в той части города за Москвой-рекой, которую образовывали четыре улицы: Якиманка, Ордынка, Полянка и Пятницкая, с множеством переулков и тупичков. В московском адрес-календаре на 1842 г. о старшем Третьякове говорится, что этот купец второй гильдии «жительство имеет» в Якиманской части, в Голутвинском переулке, в доме Рябушинского [3]. Здесь 15 декаря 1832 г., в день святого Павла, и родился Павел Третьяков. Этот район традиционно был заселен купечеством. Круг интересов большинства купеческих семей ограничивался лавкой (или амбаром), домом и церковью. Детей обучали дома, для чего нанимали учителей «в городе». Священник местного прихода, много лет близко знавший семью Третьяковых, позднее вспоминал: «Михаил Захарович был человек очень умный, мог говорить о чем угодно и говорил приятно, увлекательно... Детям он дал правильное полное домашнее образование. Учителя ходили на дом. Но родитель не оставлял детей с учителями одних. Он сам присматривал во время урока и строго следил за их обучением» [4]. Мы не знаем, кто были этими учителями и оказали ли они воздействие на формирование духовных и эстетических вкусов детей. Известно другое: отец был наделен природным умом и деловой сметкой, а мать была добрым и ласковым человеком, любила музыку и театр. Как заметила ее внучка, «Александра Даниловна писала с „запиночкой“, но мило играла на фортепиано и по желанию отца играла перед гостями» [5].

Дети росли в строгости, но постоянно ощущали любовь и заботу родителей. Однако никаких традиций собирательства в семье не было. В родительском доме их окружала довольно простая обстановка, и какие-либо траты «на пустяки» отец не допускал. Но были книги, и чтение их детьми всячески поощрялось. Именно любовь к чтению и была одной из самых ранних привязанностей стар-

шего сына, Павла. Окружающий мир Замоскворечья, довольно патриархальный уклад жизни семьи, казалось бы, мало способствовали развитию эстетических вкусов и культурных наклонностей детей. И все же несомненно, что жажда познания огромного мира, лежавшего вне привычных рамок купеческих интересов, зародилась и получила развитие в доме родителей в юношеские годы. Друзьями детства его были сыновья владельца карандашной фабрики купца Г. Р. Рубинштейна, дом которого находился на Ордынке [6].

Антон Григорьевич Рубинштейн (1829—1894) — блестящий пианист, дирижер, композитор, основатель первой русской консерватории в Петербурге (1862 г.), директором и профессором которой он был. Его брат, Николай Григорьевич Рубинштейн (1835—1881) — пианист, дирижер и организатор Московской консерватории (1866 г.), ее директор и профессор. Братья Рубинштейны оставили яркий след в истории русской культуры, и дружеские отношения с ними П. М. Третьяков поддерживал многие годы. Когда Н. Г. Рубинштейн предложил организовать в 1860 г. Московское отделение Русского музыкального общества, то П. М. Третьяков одним из первых откликнулся на это начинание, внес значительные пожертвования и стал пожизненным членом Музыкального общества [7].

Старших сыновей М. З. Третьяков довольно рано начал приучать к «торговым занятиям», и уже в 14—15 лет Павел и Сергей постоянно обязаны были находиться в лавках, где приобретали деловые навыки, коммерческие знания. К концу 40-х годов XIX в. Третьяковым принадлежало пять лавок в Старых торговых рядах между улицами Ильинкой и Варваркой [8]. Торговали Третьяковы исконным русским товаром — льняным полотном. После смерти отца в 1850 г. делами стала распоряжаться мать и старшие сыновья. Большое участие в деле принимал и приказчик Третьяковых, молодой В. Д. Коншин, который в 1852 г. породнился с семьей хозяев, женившись на сестре Павла и Сергея — Елизавете. (Одна из их дочерей, Александра — жена городского головы Н. А. Алексеева.) Он стал не только их зятем, но и компаньоном в образованном торговом доме под фирмой «Товарищество П. и С. братья Третьяковы и В. Коншин». Через много лет, уже после смерти С. М. и П. М. Третьяковых, в 1905 г., престарелый потомственный почетный гражданин и коммерции-советник В. Д. Коншин (ему было около 80 лет)

вместе со своими детьми, внуками М. З. Третьякова, «высочайшим именным указом» за «многолетнюю успешную деятельность на ниве торговли и промышленности» был возведен «в потомственное дворянское Российской империи достоинство» [9].

В 1851 г. Третьяковы приобрели довольно вместительный дом купцов Шестовых, в котором позднее и возникла галерея. Это был старый двухэтажный особняк, переживший наполеоновское нашествие. Он стоял в глубине двора, а за ним был тенистый сад, в котором росли фруктовые деревья, кусты сирени, акации и шиповника, были разбиты цветники. «Садом пользовались много и с любовью»,— вспоминала дочь П. М. Третьякова [10]. Процесс формирования личности П. М. Третьякова в детские и юношеские годы, складывание его эстетических вкусов, круга духовных интересов почти неизвестен. Вообще материалов о первых двадцати годах жизни этого выдающегося коллекционера и мецената чрезвычайно мало, и достоверных свидетельств об этом периоде почти не сохранилось. Из имеющихся же сведений можно заключить, что, помимо чтения, он живо интересовался театром и изобразительным искусством. О духовных запросах двадцатилетнего Павла Михайловича можно судить по его письмам. В октябре 1852 г. он отправился по делам в свою первую «дальнюю поездку» — в Петербург. По настоянию матери его сопровождал старый служащий семьи, который должен был уберечь молодого купца от «порочных искушений» большого и незнакомого города. Сын регулярно посылал матери письма-отчеты, в которых рассказывал о своем времяпрепровождении в имперской столице. Так, 17 октября он пишет о своем распорядке дня: «с 8-ми часов до 7-ми пью чай, путешествую по городу, обедаю и, наконец, в 7 часов в театре. Театр! Что за театры здесь. Что за артистические таланты, музыка и пр. Я видел Каратыгина, Мартынова, Самойлову (2-ую) и Орлову; кроме этих знаменитых артистов есть превосходные актеры: Максимов, Григорьев, Самойлова (1-ая), Читау, Сосницкая, Дюр и пр., хорош Морковецкий. Жулевой не видел еще. Орлова! Ваша любимица Орлова очаровала меня! ...Был я два раза в Художественной академии, в Казанском соборе, в церкви Благовещенья, в Римско-католической церкви, в цирке, в пассаже и пр. Сравнивая Петербург с Москвой, нельзя поверить, что эти две столицы одного государства».

Через несколько дней он продолжает: «На днях был

в Эрмитаже: видел несколько тысяч картин великих художников, как-то: Рафаэля, Рубенса, Вандервельфа, Пусчена, Мурильо, С. Розы и пр. и пр. Видел несчетное множество статуй и бюстов... Слышал один раз итальянскую оперу и два раза еще видел Каратыгина» [11]. В конце своего пребывания в Петербурге он пишет: «Последние дни проводил порядочно: ежедневно путешествовал по Гостинному двору, был в Публичной библиотеке, в Румянцевском музеуме, в Горном музее, три раза на частной Выставке картин и пять раз в театре и цирке...» [12]

Молодой человек имел разносторонние интересы, которые включали театр, музеи, библиотеки. С жадностью неофита П. М. Третьяков открывает для себя новое, расширяет кругозор, пополняет знания. По всей вероятности, именно эта поездка сыграла определенную роль в его жизни. Он начинает собирать произведения искусства: эстампы, гравюры, лубок; покупает первые живописные полотна. Свои приобретения он делает на Сухаревском рынке.

Этот торг в центре Москвы, на Сухаревской площади, возник еще в конце XVIII в. Первоначально здесь продавалось почти исключительно съестное, но уже через несколько десятилетий торговали картинами, скульптурами, изделиями прикладного искусства. Сухаревка превратилась и в один из крупнейших центров букинистической торговли. Красочное описание этой своеобразной московской достопримечательности оставил В. А. Гиляровский. «Между любителями-коллекционерами,— писал он,— были знатоки, особенно по хрусталю, серебру и фарфору, но таких было мало, большинство покупателей мечтало за «красненькую» купить настоящего Рафаэля, чтобы потом за тысячи перепродать его, или купить из «первых рук» краденое бриллиантовое колье за полсотни... Пускай потом картина Рафаэля окажется доморощенной мазней, а колье — бутылочного стекла, покупатель все равно опять идет на Сухаревку в тех же мечтах и до самой смерти будет искать «на грош пятаков»... И торгуются такие покупатели из-за копейки до слез, и ругаются, что удалось купить статуэтку голой женщины с отбитой рукой и поврежденным носом, и уверяют они знакомых, что даром досталась: Племянница Венеры Милосской! ...Много таких ходило на Сухаревку, но посещали Сухаревку и истинные любители старины, которые оставили богатые коллекции, ставшие потом народным достоянием» [13].

Крупные коллекционеры Боткины, Щукины, Морозовы, Солдатёнковы, Бахрушины и другие не менее известные не гнушались посещать сухаревские развалы. Частым посетителем в молодые годы был и П. М. Третьяков, где, очевидно, приобрел свои первые картины маслом художников голландской школы.

В 1854 г. он снова едет в Петербург, посещает музеи, театры и знакомится с коллекцией русской живописи Ф. И. Прянишникова. Этот дворянин и крупный чиновник, директор Почтового департамента одним из первых начал собирать работы русских мастеров. В его галерее были такие полотна, как «Читатели газет» и «Тибуртинская сивилла» О. А. Кипренского; «Кружевница» и «Пряха» В. А. Тропинина; «Автопортрет», портреты А. Н. Голицына и И. А. Крылова, К. П. Брюллова; «Сватовство майора» П. А. Федотова и другие [14]. Ф. И. Прянишников умер в 1867 г. и завещал собрание картин Румянцевскому музею (в настоящее время — в Третьяковской галерее).

Уже один из первых биографов П. М. Третьякова считал, что осмотр прянишниковской галереи «сделал переворот в направлении молодого коллекционера» и с тех пор свою энергию и средства он направляет на приобретение картин русских живописцев [15]. Подобного взгляда придерживалась и дочь П. М. Третьякова, упоминавшаяся А. П. Боткина, которая в своих фундаментальных мемуарах-исследованиях замечает, что отец не мог себе позволить (надо полагать, в первую очередь в силу материальных соображений) собирать картины общепризнанных мастеров и решает коллекционировать работы менее известных, а, следовательно, и более доступных по цене, современников [16]. Представление о том, что знакомство с коллекцией Ф. И. Прянишникова совершило своего рода переворот в сознании П. М. Третьякова и определило его исключительный интерес к русской живописи прочно утвердилось в литературе. Однако, надо думать, что тяга к национальному искусству проявилась у него «не вдруг». Может быть дело еще и в том, что ранее он просто не был достаточно знаком с многообразием и художественной силой школы русской живописи, так как постоянных общедоступных собраний таких произведений практически не существовало.

Вот что писал в начале 50-х годов художник К. И. Рабус в органе славянофилов журнале «Москвитянин», оценивая положение московского «художественного рынка».

«Справедливо ли у нас жалуются на некоторую холодность к живописи — решить трудно; но, обратив внимание на известные факты, невольно задумываешься, ибо кроме приобретения билетов на художественную лотерею и заказов икон, коими в Москве наиболее занимаются иконописцы-нехудожники, мало сбыта новым художникам». Заканчивая свои размышления, автор далее прямо признал: «Несомненно, что требовательность па лучшие произведения живописи в Москве не только незначительна, но даже, в иных отраслях этого искусства, вовсе незаметна...» [17].

На настроение молодого собирателя, очевидпо, повлияла атмосфера, царившая в русском обществе. Острая идейная борьба за демократизацию жизни и гуманизацию искусства, потребность «обратить его лицом» к нуждам и чаяниям народа становились господствующими в среде передовой интеллигенции. Возникла необходимость переосмысления значения и роли искусства в жизни общества. В 40-х годах складывается так называемая «натуральная школа» и в живописи, ярчайшим представителем которой стал жанрист П. А. Федотов. Его картины на выставке в Академии художеств в 1849 г. и в следующем, 1850 г., в Московском училище живописи и ваяния пользовались наибольшим вниманием публики. Особый интерес вызвали три: «Сватовство майора», «Свежий кавалер» и «Разборчивая невеста». Рецензент журнала «Современник», объясняя успех работ «Гоголя русской живописи», писал: «Причина почти всеобщего восторга, производимого картинами Федотова, главнейшим образом заключается в том, что содержание для них он выбрал из русского быта, нам более или менее знакомого» [18]. Критик В. В. Стасов позднее писал: «До начала 50-х годов нынешнего столетия русское искусство лениво купалось в потемках полного и слепого подражания и только с помощью Федотова впервые выглянуло в 1848 и 1849 гг. на вольный воздух» [19].

На середину 50-х годов приходится начало собирания картин русских мастеров П. М. Третьяковым, первыми среди которых были «Искушение» Р. Г. Шильдера и «Финляндские контрабандисты» В. Г. Худякова. Посещая мастерские известных и неизвестных художников, он приобретает приглянувшиеся ему вещи и одновременно делает заказы на картины по эскизам и наброскам. Довольно быстро у Павла Михайловича складывается своя эстетическая концепция, формируется собственный взгляд

на живопись. В 1857 г., обращаясь к молодому пейзажисту и портретисту А. Г. Горавскому, он писал: «Мне не нужно ни богатой природы, ни великолепной композиции, ни эффектного освещения, никаких чудес... дайте мне хотя лужу грязную, да чтобы в ней правда была, поэзия, а поэзия во всем может быть, это дело художника» [20]. Нет нужды подробно описывать историю коллекции П. М. Третьякова, так как этот процесс неоднократно был освещен в целом ряде обстоятельных работ. К тому же решение подобной задачи невозможно в рамках очеркового изложения. Отметим лишь, что уже в начале 1860 г. его собрание включало работы Л. Ф. Лагорио, В. Г. Худякова, М. И. Лебедева, М. К. Клодта, А. К. Саврасова, В. К. Шабуева и некоторых других, получивших известность молодых художников.

Необходимо подчеркнуть, что с самого начала собирательства П. М. Третьяков преследовал вполне определенную цель — создать общедоступную галерею национальной живописи. Сохранился чрезвычайно важный и показательный в этом смысле документ, датируемый маем 1860 г. и опубликованный А. П. Боткиной,— завещание, составленное молодым купцом в варшавской гостинице по пути в Западную Европу, куда он вместе со своими компаньонами направлялся знакомиться с организацией и состоянием дел промышленного льнопроизводства. Более половины из принадлежавшего ему капитала, 150 тыс. рублей серебром, он распорядился передать на организацию в Москве «художественного музеума или общедоступной художественной галлереи» и просил своих родственников непременно исполнить его просьбу. Павел Михайлович предлагал приобрести собрание Ф. И. Прянишникова, которое с добавлением принадлежавших ему полотен и должно было образовать галерею национальных художников. Молодой коллекционер не только высказывал пожелание учредить общественно полезное учреждение, но и довольно подробно оговорил принципы его организации. Собрание должно было экспонироваться в наемном помещении, иметь несколько постоянных служащих и входную плату от 10 до 15 копеек. При этом, добавлял он, «копировать дозволить всем безвозмездно». Функции управления возлагались им на общество любителей художеств, которое предполагалось учредить и которое, как он особо подчеркивал, должно быть свободным от чиновничьей опеки.

Замысел Павла Михайловича состоял не только в

учреждении центра национального искусства на основе уже имевшихся работ русских художников. Он считал обязательным пополнение коллекции лучшими произведениями за счет приобретений и пожертвований. Когда собрание увеличится, Павел Михайлович предлагал приобрести собственный «приличный дом», устроить в нем помещение с хорошим освещением, «но без роскоши, потому что роскошная отделка не принесет пользы, напротив, невыгодна будет для художественных произведений»[21]. Многие из этих принципов были позднее реализованы им самим при организации Третьяковской галереи.

Конечно, завещательное распоряжение, если бы его пришлось претворять в жизнь, наверняка вызвало бы недоумение и осуждение в предпринимательской среде. В рассматриваемый период подобных купеческих начинаний еще не было, и в семьях было принято находить своим деньгам иное применение. Скажем, выложить многие тысячи на строительство церкви или завещать их какому-нибудь монастырю — это было понятно; это было «богоугодное дело»! А вот потратить капитал «на какие-то картинки» — подобное еще не укладывалось в сознании деловых людей, противоречило обычным представлениям о роли купца. В большинстве своем «русские бизнесмены» были вообще еще чрезвычайно далеки от всяких «новаций». Отметим здесь один характерный эпизод из истории купечества, относящийся как раз к середине XIX в. Когда в 1851 г. в Петербурге происходили торжества, связанные с открытием движения на Николаевской железной дороге, туда прибыла с поздравлениями государю-императору депутация «именитого московского купечества». Пользоваться новым средством передвижения они не хотели и приехали на лошадях. Узнав об этом, Николай I приказал запереть купеческую делегацию в вагон и отправить обратно по железной дороге. В «первопрестольную» эти «носители прогресса» прибыли в полуобморочном от страха состоянии[22].

Мысль о том, правильно ли поймут его намерение даже близкие ему люди, чрезвычайно волновала П. М. Третьякова. Обращаясь к ним, он писал: «Прошу вникнуть в смысл желания моего, не осмеять его, понять, что для не оставляющего ни жены, ни детей и оставляющего мать, брата и сестру, вполне обеспеченных, для меня, истинно и пламенно любящего живопись, не может быть лучшего желания, как положить начало обществен-

ного, всем доступного хранилища изящных искусств, принесущего многим пользу, всем удовольствие»[23].

Какой силой воли и целеустремленностью надо было обладать, как надо было любить искусство и глубоко чувствовать его общественное предназначение, чтобы одному в той конкретной исторической обстановке поставить себе жизненную задачу, решение которой не вызывало поддержки даже у близких родственников. «Прошу не осмеять мое желание»! — это и просьба, и крик человека, опередившего свое время, увидевшего и почувствовавшего то, что другие или не могли, или не хотели замечать.

Страсть к искусству была главным смыслом его жизни, хотя много времени П. М. Третьяков уделял и предпринимательским занятиям. Семейное торговое дело росло, открывались отделения и конторы в других городах и на ярмарках. Увеличение оборотов и финансовых накоплений позволило организовать собственное промышленное производство. В середине 60-х годов на окраине города Костромы (Костромская губерния — один из старых центров льноводства в России) было построено несколько фабрик, на базе которых в 1866 г. было учреждено «Товарищество Большой Костромской льняной мануфактуры» с капиталом в 270 тыс. руб.[24] Директором-распорядителем стал местный купец К. Я. Кашин, который многие годы поддерживал тесные деловые отношения с Третьяковыми и поставлял им сырье и готовое полотно. К 1879 г. капитал товарищества достиг 780 тыс. руб.; здесь было четыре паровые машины и работало 1370 человек[25]. Фирма включала прядильное, ткацкое и отбельное производства и выпускала широкую номенклатуру изделий из льна: пряжу, нитки, брезенты, льняное полотно различного назначения. Паевое товарищество — такая организационная структура была типичной для многих российских фирм. Капитал подразделялся на именные паи, номинал которых в Костромской мануфактуре был высоким — 5 тыс. руб. за пай. Семья Третьяковых—Коншиных владела этим, одним из крупнейших предприятий отрасли безраздельно более полувека, вплоть до национализации в 1918 г.

После организации промышленного дела П. М. Третьякову как директору товарищества часто приходилось ездить в Кострому. Своего рода «раздвоение личности», типичное для меценатов из числа предпринимателей, вынужденных одновременно служить и «музам», и «золотому тельцу», характеризовало и П. М. Третьякова.

Выдающийся актер и режиссер К. С. Станиславский, сам выходец из старинной купеческой семьи, в полной мере испытавший подобное «борение чувств», писал о нем: «С утра и до ночи работал он в конторе или на фабрике, а вечером занимался в своей галерее или беседовал с молодыми художниками, в которых чуял талант. Через год—другой картины их попадали в галерею, а они сами становились сначала просто известными, а потом знаменитыми. И с какой скромностью меценатствовал П. М. Третьяков! Кто бы узнал знаменитого русского Медичи в конфузливой, робкой, высокой и худой фигуре, напоминавшей духовное лицо! Вместо каникул летом уезжал знакомиться с картинами и музеями Европы, а после, по однажды и на всю жизнь намеченному плану, шел пешком и постепенно обошел сплошь всю Германию, Францию и часть Испании» [26].

Хотя, чем дальше, тем больше тяга к искусству, собирание произведений живописи заслоняло у П. М. Третьякова все прочие интересы, он не мог отказаться и от своих предпринимательских занятий, дававших материальное обеспечение всей его коллекционерской деятельности. В письме И. Е. Репину он откровенно признал: «Я менее чем кто-нибудь желал бы бросать деньги и даже не должен сметь этого делать; мне деньги достаются большим трудом, частью физическим, но более нравственным и может быть я не в силах буду долго продолжать торговые дела, а раз кончивши их... я не в состоянии буду тратить на картины ничего» [27].

Постепенно росла известность Павла Михайловича, рос и его авторитет в художественном мире России. Важным было то, что он не просто собирал работы талантливых авторов, руководствуясь высоким эстетическим вкусом, который он развивал всю жизнь, но и то, что оказывал материальную и моральную поддержку и художникам, и целым направлениям в искусстве. Так, живейшее участие он принял в судьбе В. Г. Перова (1833/34—1882), одного из крупнейших художников XIX в. и известного идеолога того демократического и реалистического направления в живописи второй половины прошлого века, которое получило название передвижничества. Выходец из бедной провинциальной семьи, нищий студент Московского училища живописи В. Г. Перов уже в ранних своих работах заявил о себе как о художнике-гражданине. Его остросоциальные работы с первых же шагов вызывали «неудовольствие» и ад-

министративных властей, и консервативного руководства Академии художеств, а его картина «Сельский крестный ход на пасху», выставленная в Петербурге в 1861 г., вызвала настоящий скандал. «У всех, кто видел эту картину,— пишет знаток творчества передвижников Э. П. Гомберг-Вержбицкая,— навсегда останется в памяти пьяный поп в золотых ризах с помутневшими глазами, оплывшим лицом и тяжелым неуклюжим телом, которое его уже не слушается. Движения его неуверенны, он ищет опоры, чтобы не рухнуть наземь, как это уже случилось с его дьячком; тот лежит простертый на пороге избы, с кадилом в руке. Кого-то, мертвецки пьяного, отливает водой хозяйка, старичок в лаптях с трудом несет икону, перевернутую вниз головой. Все, кто еще удерживается на ногах, бредут к виднеющейся вдали церкви»[28]. Подобный сюжет не мог не вызвать раздражение как у «любителей изящного», так и у представителей властей, по распоряжению которых картина с выставки Общества поощрения художеств была снята, и ее тут же приобрел П. М. Третьяков. Художник В. Г. Худяков писал ему из Петербурга, что по циркулировавшим слухам, «Вам от св. Синода скоро сделают запрос, на каком основании Вы покупаете такие безнравственные картины и выставляете публично?»[29]. При огромном влиянии данного ведомства в жизни дореволюционной России его недовольство могло иметь довольно зловещие результаты. Однако подобные угрозы, как и мнение «светских кумушек», мало интересовали собирателя и не производили на него особого впечатления.

Возможное «неудовольствие» власть имущих для Павла Михайловича никогда не имело особого значения. Главным для коллекционера были художественные достоинства произведения. Он, например, приобрел картину И. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 г.», экспонировавшуюся на тринадцатой выставке Товарищества передвижников в 1885 г., увидев которую, царь Александр III «высочайше повелеть соизволил» нигде и никогда ее не выставлять (позднее П. М. Третьякову все-таки было разрешено выставить картину в галерее)[30].

В своем собирательстве он руководствовался исключительно собственными представлениями и эстетическим чувством, которые чаще всего не подводили его и которые он последовательно отстаивал. Даже такой влиятельный и темпераментный художественный критик как

В. В. Стасов, этот страстный пропагандист эстетических концепций реализма, народного характера и демократизма искусства, обладавший во второй половине XIX в. огромным авторитетом в творческой среде, не сумел подчинить Павла Михайловича своим представлениям и взглядам, не смог сделать коллекционера эпигоном своей «направленческой» деятельности. В марте 1878 г. П. М. Третьяков писал ему: «Никак не могу согласиться с Вами, чтобы наши художники должны писать исключительно одни бытовые картины, других же сюжетов не отваживались касаться» [31]. Через некоторое время он вполне определенно сформулировал свое отношение к нему: «Несмотря на то что я иногда не соглашаюсь с Вами, иногда расхожусь совершенно во взглядах, но я всегда глубоко уважал Вас и уважаю» [32]. В 1880 г. в письме писателю и собирателю русской живописи В. М. Жемчужникову П. М. Третьяков заметил: «Я ни на минуту не заблуждаюсь в мнении о себе как знатоке с тонким чутьем и пониманием. Я просто искренний любитель. Никакие статьи ни мнения ни здешние, ни заграничные не имеют на меня никакого влияния» [33]. Это было действительно так. Внимательно выслушивая оценки и суждения других, он в своем коллекционировании руководствовался исключительно собственными представлениями.

Выражал он несогласие даже с «самим Л. Н. Толстым», рекомендовавшим ему, например, приобрести одну из картин Н. Н. Ге, которая оставила собирателя равнодушным. Поясняя свою позицию, он писал Толстому в середине 1890 г.: «Я беру, весьма может быть ошибочно, все только то, что нахожу нужным для полной картины нашей живописи, избегая по возможности неприличного. Что Вы находите нужным, другие находят это ненужным, а нужным то, что для Вас не нужно. ...На моем коротком веку так на многое уже изменились взгляды, что я теряюсь в решении: кто прав? И продолжаю пополнять свое собрание без уверенности в пользе дела» [34].

Павел Михайлович выступал не только как коллекционер-приобретатель, но и как активный организатор художественного процесса. Его стараниями, например, была создана картинная галерея выдающихся представителей русской культуры. По заказам собирателя ведущими мастерами второй половины XIX в. были исполнены портреты И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, И. А. Гончарова, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого, А. Н. Островского, Ф. И. Тютчева,

Н. Г. Рубинштейна, П. И. Чайковского, Т. Г. Шевченко и др. Переписка П. М. Третьякова с И. Н. Крамским, И. Е. Репиным, В. Г. Перовым и другими живописцами показывает, какие большие организационные трудности и другие различные «издержки» часто приходилось преодолевать человеку, стремившемуся сохранить талантливые изображения выдающихся людей России. Замысел П. М. Третьякова, историческое значение его начинания находили отклик в творческой среде. В конце 70-х годов художник Н. Н. Ге писал ему: «Вы двадцать лет собираете портреты лучших людей русских, и это собрание, разумеется, желаете передать обществу, которому одному должно принадлежать такое собрание» [35].

Вера в силу и великую будущность национального искусства двигала собирательство П. М. Третьякова. Еще в 1865 г., обращаясь к художнику А. А. Риццони, он подчеркивал, что «многие положительно не хотят верить в хорошую будущность русского искусства и уверяют, что если иногда какой художник наш напишет недурную вещь, то так как-то случайно, а что он же потом увеличивает собой ряд бездарностей. Вы знаете я иного мнения, иначе я и не собирал бы коллекцию русских картин... и вот всякий успех, каждый шаг вперед мне очень дороги, и очень бы был я счастлив, если бы дождался и на нашей улице праздника» [36]. Время все поставило на свои места, и сейчас никто не оспаривает те высочайшие эстетические, технические и нравственные позиции, которые по праву принадлежат русской школе живописи.

Совершенно иной была ситуация в 50—60-х годах прошлого века, когда П. М. Третьякову приходилось часто самому не только оценивать, но и открывать неведомые никому таланты. Посещая вернисажи, знакомясь с произведениями живописи в мастерских художников, он вел себя крайне сдержанно и деликатно, но подолгу задерживался около понравившейся ему вещи, возвращался к ней и, если сговаривался с автором или владельцем о цене,— немедленно приобретал. Эта внешняя невозмутимость, даже замкнутость, отражавшие внутреннюю сосредоточенность, отмечались всеми очевидцами. Углубленное проникновение в «суть прекрасного» было характерной чертой коллекционера. Путешествуя, проводя много времени в крупнейших музеях и на выставках как в России, так и в Европе, Павел Михайлович чутко улавливал все новое и талантливое, что появлялось в изобразительном искусстве. Особым вниманием коллекцио-

нера, его моральной и материальной поддержкой пользовались передвижники. Работы И. Н. Крамского, В. Г. Перова, И. Е. Репина, В. Е. Маковского, К. А. Савицкого, В. Д. Поленова, В. И. Сурикова, Н. А. Ярошенко и целого ряда других мастеров этого мощного демократического течения в русском изобразительном искусстве второй половины XIX в. составили основную часть третьяковского собрания.

В своем собирательстве П. М. Третьяков не ограничивался работами какого-либо одного направления, а старался пополнять коллекцию лучшими произведениями не только новой школы, но и старых мастеров и приобретал картины А. П. Антропова, И. П. Аргунова, Ф. С. Рокотова, Д. Г. Левицкого и др.

Для молодых живописцев сам факт покупки работы Павлом Михайловичем воспринимался актом общественного признания творчества, что свидетельствовало об огромном авторитете художественного вкуса этого собирателя. В своих воспоминаниях А. Н. Бенуа описал удивление и восторг, которые он испытал, узнав о приобретении П. М. Третьяковым одной из его первых работ [37]. Художник М. В. Нестеров откровенно писал, что «каждого молодого художника (да и старого) заветной мечтой было попасть в его галерею, а моей тем более...» [38] Однако творчество некоторых мастеров, в первую очередь тех, которые не входили в круг им особенно любимых передвижников и «исповедовавших» иные эстетические концепции, «русский Медичи» не смог первоначально оценить по достоинству (например, М. А. Врубеля).

Сам масштаб собирательства свидетельствовал о грандиозности замысла П. М. Третьякова и требовал от него крупных материальных затрат. Финансовая сторона коллекционерства этого московского купца специально не изучалась, хотя несомненно, что его материальные возможности значительно расширились после организации прибыльного промышленного производства. В письмах и документах встречается немало данных о тех суммах, которые платил П. М. Третьяков за отдельные вещи, а иногда и за их коллекции. Диапазон выплат колебался от нескольких десятков рублей до десятков тысяч.

Каковы же были его доходы? Точными данными мы не располагаем, и если подобная информация и сохранилась, то еще не введена в научный оборот. Конечно, он был состоятельным человеком, но по своим финансовым возможностям уступал многим другим предпринимате-

лям, в числе которых были настоящие тузы-миллионеры, в то же время не сделавшие и малой доли того большого общеполезного дела, которое делал П. М. Третьяков. В 1876 г., обращаясь к И. Н. Крамскому, Павел Михайлович заметил: «Кстати о моих средствах. Слово громадные весьма растяжимо: не говоря о фон Мекках и Дервизах, в Москве многие богаче моего брата, а мои средства в шесть раз меньше моего брата; но я никому не завидую, а работаю потому, что не могу не работать» [39]. В одном из писем В. В. Стасову, датируемом 1878 г., он пояснял, что не может заплатить за собрание В. В. Верещагина (20 полотен так называемого «туркестанского цикла») более 75 тыс. руб., так как не имеет тех средств, «какими некоторым могут казаться». И далее писал: «Я не концессионер, не подрядчик, имею на своем попечении школу глухонемых; обязан продолжать начатое дело — собирание русских картин (некоторые вообразили, что с приобретением ташкентской коллекции Верещагина я перестану собирать картины и ошиблись); вот почему я вынужден выставлять денежный вопрос на первый план» [40].

Собирательская деятельность Павла Михайловича, его, многим казавшиеся «сумасшедшими» тысячные, траты порождали в обществе постоянные слухи о баснословном богатстве, которых не разделяли близко знавшие его люди. «Я считаю Вас человеком только со средствами,— писал ему в 1883 г. И. Н. Крамской,— и знаю очень много людей гораздо богаче Вас, которые считают Вас потому богатым, что если Вы тратите на картины, то есть на прихоть (по их мнению) столько денег, то сколько же вы должны тратить в таком случае на свои нужды»[41]. В процитированном выше письме В. В. Стасову П. М. Третьяков указал и еще один важнейший источник своих расходов— содержание Арнольдовского училища для глухонемых детей, которое находилось на его попечении с 1860 г. и для которого на свои средства он выстроил трехэтажное здание на Донской улице.

Конечно, были расходы и на другие цели. Требовались деньги и на содержание собственной семьи. В 1865 г. Павел Михайлович женился на двадцатилетней Вере Николаевне Мамонтовой (двоюродная сестра С. И. Мамонтова). Это была образованная девушка из высококультурной купеческой семьи, о которой ее старшая дочь позднее писала: «С детства у них были гувернантки...

они научили девочек языкам: немецкому, французскому, которым они владели прекрасно; позже был у них учитель английского языка. С самых ранних лет учились играть на пианино» [42]. Жена П. М. Третьякова всю свою жизнь любила и ценила музыку, прекрасно играла на фортепьяно, и ее любимыми композиторами были Бетховен, Бах, Шопен и Лист. Она была дочерью богатого купца Н. Ф. Мамонтова (умер в 1860 г.), сделавшего себе состояние на винных откупах [43]. У него было шесть сыновей и три дочери (вторая дочь, Зинаида, вышла замуж за известного московского «англомана» и крупного капиталиста В. И. Якунчикова). Дети были чрезвычайно музыкально одаренными, а брат Веры Николаевны, Виктор, стал хормейстером в Большом театре.

Младшие Мамонтовы были образованными людьми, разделявшими возвышенные устремления передовых слоев русского общества — служить своему народу, стараться облегчить жизнь обездоленных. Примечательно в этом отношении письмо Зинаиды Николаевны Мамонтовой по поводу только что вышедшего во Франции романа Виктора Гюго «Отверженные». Обращаясь к сестре Вере в августе 1862 г., она писала: «Я очень рада, что ты принялась также читать. Такая книга дает урок из истории философии и примеры такой жизни, которых не прочтешь ни в какой Четьи-Минеи (жизнеописания православных святых.— *А. Б.*). Великая заслуга книги уже в том, что многое, что прежде вызывало одно презрение, теперь вызывает участие и сострадание». Она считала, что эту книгу прочтут «все классы народа» и «каждому стыдно будет сидеть сложа руки, каждый захочет помочь, исправить, залечить раны, страшные больные раны общества. Читая, Вера, моя добрая, вдумывайся, эта книга полезнее десяти других» [44].

П. М. Третьяков и В. Н. Мамонтова венчались в августе 1865 г. и свой «медовый месяц» провели во Франции. Они прожили «в любви и согласии» более тридцати лет, чрезвычайно нежно и уважительно относились друг к другу и ни разу их отношения не были омрачены ссорой. Они были единомышленниками по духовным запросам: театр, музыка, живопись — все это их объединяло. Оперные и драматические спектакли, выставки, концерты, общение с художниками, музыкантами, писателями было неотъемлемым элементом жизни Третьяковых. В семье, вспоминала старшая дочь, «все время говорили о картинах, итальянской опере, о Малом театре, о бале-

те, о симфонических собраниях»[45]. В начале 80-х годов с купеческим миром Третьяковых—Коншиных—Мамонтовых познакомился П. И. Чайковский (его брат, Анатолий, женился в 1881 г. на дочери В. Д. Коншина, племяннице Павла Михайловича,— Прасковье Владимировне), который писал о них: «Люди очень почтенные, образованные, порядочные»[46]. Позднее композитор стал близким человеком семьи Третьяковых, а его ученик и друг, пианист А. И. Зилоти (двоюродный брат С. В. Рахманинова) женился на старшей дочери Павла Михайловича.

Вера Николаевна разделяла коллекционерские интересы своего мужа и через несколько лет после замужества записала в детский семейный альбом: «Я, не понимая почти ничего в этом искусстве, начала в скором времени привыкать к некоторым картинам, а потом и любить их. Слушая разговоры художников, которые так часто приходили к нам, я сама потом стала иначе смотреть на картины...». «В музыке,— продолжала она,— мы всегда сходились в мнении. Как я, так и он особенно любили классическую музыку»[47]. Жена помогала Павлу Михайловичу выполнять благотворительные обязанности и стала членом попечительского совета Арнольдовского училища (много лет она являлась и попечительницей Пятницкого городского училища для девочек).

В гостях у Третьяковых бывали многие известные общественные деятели, писатели, музыканты, ученые: И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, В. В. Стасов, П. И. Чайковский, Ю. Ф. Самарин, Б. Н. Чичерин, И. С. Аксаков и другие; здесь велись оживленные дружеские беседы о литературе, искусстве, истории России, о настоящем и будущем народа. Атмосфера этого дома, открытого и гостеприимного, была лишена налета чопорности и претенциозности, располагала к задушевному, откровенному общению. Принимая гостей, хозяева не старались превращать свой дом в некий светский салон, которых в тогдашней Москве было немало, а естественно тянулись к интересным людям, которые отвечали им взаимностью. О духовных запросах Павла Михайловича можно судить по его библиотеке, включавшей рукописные раритеты, книги по истории искусства, археологии, географии, музейному делу и серии художественных изданий[48].

В семье Третьяковых родилось шестеро детей: Вера (1866 г.), Александра (1867 г.), Любовь (1870 г.), Михаил (1871 г.), Мария (1875 г.) и Иван (1878 г.). Роди-

тели очень любили детей, но при этом отец считал, что они должны «воспитываться в строгости», а мать постоянно баловала и защищала перед отцом за обычные детские шалости и проказы. В доме были гувернантки, приглашались хорошие учителя, и дети получили воспитание и образование, достойные интеллигентных семей. Однако здесь были не только радости и надежды; были и трагедии. Младший сын умер в восьмилетнем возрасте, а сын Михаил был от рождения умственно неполноценным ребенком. Эти печальные события омрачали жизнь родителей и еще теснее привязывали их к дочерям.

Уклад жизни семьи, взгляды Павла Михайловича на воспитание детей часто отражали противоречия самого мировоззрения купца-собирателя, жизнь и деятельность которого протекала на грани двух эпох. С одной стороны, поклонение, даже своего рода культ искусства, а с другой — попытка ограничить интересы детей, втиснуть их в рамки якобы общепризнанных купеческих норм. Старшая дочь вспоминала: «Отец, любивший искусство во всех его проявлениях, доходил, в нашем воспитании до абсурда, граничившего с деспотизмом» [49]. Он воспротивился, например, ее поступлению в консерваторию, хотя она имела несомненные музыкальные способности, оцененные Н. Г. Рубинштейном. Очень долго не соглашался пригласить в дом учителя рисования, считая, что женщина-художник — явление недопустимое.

Категорически возражал Павел Михайлович против участия детей в любительских спектаклях семьи московских фабрикантов Алексеевых, с которыми Третьяковы близко общались многие годы и где издавна было принято устраивать домашние «представления». Для этой цели имелись даже специально приспособленные помещения и в их доме у Красных ворот, и в их подмосковном имении Любимовка. Именно из этих любительских спектаклей, из этого «Алексеевского кружка» вырос всемирно известный К. С. Станиславский (Алексеев).

Свои взгляды имел Павел Михайлович и на брак, полагая, что для детей купцов необходимо искать «подходящую партию» исключительно в купеческой среде. Однако сама социальная действительность России второй половины XIX в. вносила постоянно изменения в эти устоявшиеся представления. Члены крупнейших и старейших купеческих семей, хотя часто и сохраняли тесную связь с деловым миром, продолжали традиционные «купецкие занятия», но по уровню интеллектуальных запро-

сов, по кругу своих знакомств не были уже теми людьми, кругозор которых ограничивался областью «семейного дела» и обычных купеческих корпоративных интересов. Сама духовная атмосфера семьи Третьяковых по сути дела отрицала обычные купеческие ценности. Показателем этого было и решение матримониальных дел: старшая дочь, как уже упоминалось, вышла замуж за пианиста, дирижера, а затем и профессора Московской консерватории А. И. Зилоти, а третья дочь, Люба,— за акварелиста Н. Н. Гриценко, после развода с которым вышла замуж за Л. С. Бакста, представителя зародившегося в конце XIX в. художественного течения — «мирискусстничества».

Две другие дочери, Александра и Мария, стали женами членов «клана Боткиных». Эта известная семья предпринимателей и коллекционеров, о которой вскользь было упомянуто в предыдущей главе, имела как бы две «ветви»: московскую и петербургскую. Первую представляли те, кто жил в Москве и непосредственно руководил двумя крупными семейными фирмами: чаеторговой «Петра Боткина сыновья» и Товариществом Ново-Таволжанского свеклосахарного завода. Из них наибольшей известностью пользовались Петр Петрович (1831—1909) и Дмитрий Петрович (1830—1889). Последний являлся коллекционером работ русских и европейских мастеров и много лет был председателем Московского общества любителей художеств (членом которого был и П. М. Третьяков).

Вторая ветвь связана с Петербургом. Это в первую очередь, конечно, врач Сергей Петрович Боткин, за сына которого, Сергея (1859—1910), вышла замуж Александра Павловна Третьякова. Он был, как и отец, врачом, профессором Военно-медицинской академии и одновременно, что было характерно почти для всех Боткиных, страстным собирателем и знатоком искусства. Позднее, в 1905 г., стал действительным членом Академии художеств. Свое небольшое, но чрезвычайно ценное собрание рисунков и акварелей он завещал Русскому музею. Его брат, лейтенант Александр Сергеевич, женился в 1898 г. на младшей дочери Павла Михайловича — Марии. «Петербургские Боткины» одворянились и сословных связей с купечеством уже не имели. Следует упомянуть и Михаила Петровича Боткина (1839—1914) — художника, академика живописи (выставлял свои работы на академических выставках, участвовал в экспозициях Товарищества передвижников) и крупного финансового дельца (один

из руководителей С.-Петербургского международного банка и ряда других компаний). Он собирал главным образом произведения итальянских мастеров (в его коллекции был бюст работы Леонардо да Винчи — «Голова юноши») [50].

Через своих дочерей собственно с купцами П. М. Третьяков так и не породнился. Надо отдать должное хозяину третьяковского дома: он серьезно и не препятствовал выбору детей и к их мужьям относился всегда с большой симпатией, а с С. С. Боткиным у него вообще установились близкие и даже доверительные отношения. Большую роль играло и то, что при широте духовных интересов в семье Павла Михайловича никогда не было ни культа богатства (о деньгах практически никогда не говорили), ни той всепоглощающей жажды наживы и подчинения всех и вся деловым интересам. Он был аккуратным, даже педантичным человеком и всю свою сознательную жизнь серьезно относился к предпринимательским занятиям. Вставал «с петухами», работал у себя в кабинете, затем отправлялся в контору на Ильинку (до середины 80-х годов контора помещалась на первом этаже того дома, где жили Третьяковы), посещал биржу, находившуюся рядом, или Московский купеческий банк (много лет он был членом совета этого крупнейшего банка Москвы), а после организации фабричного производства по нескольку раз в год ездил в Кострому. Все это он делал как бы по инерции, правда, вполне профессионально, но без того внешнего блеска и размаха, который отличал многих других деловых людей.

Из «формулярного списка о службе», составленного Московской купеческой управой в 1895 г., следует, что Павел Михайлович Третьяков получил потомственное почетное гражданство в 1856 г., но продолжал «выбирать» купеческие свидетельства и до конца своих дней числился купцом первой гильдии [51]. В 1880 г. «за успехи и труды» удостоился «царской милости» — получил почетное звание коммерции-советника. Это был редчайший случай, когда подобное звание было присвоено вопреки воле самого предпринимателя, и вся «операция» была проведена за его спиной руководителями Московского биржевого комитета и купеческого общества. Комментируя этот факт, Павел Михайлович писал с возмущением жене: «Я был в самом хорошем настроении, если бы не неприятное для меня производство в Коммерции Советники, от которого я несколько лет отделывался и не мог отделаться, теперь

меня уж все, кто прочел в газетах, поздравляют и это меня злит. Я разумеется никогда не буду употреблять это звание, но кто поверит, что я говорю искренно?»[52]. Это поразительное признание лишний раз свидетельствует о том, насколько он был далек от всякой мелочной возни в поисках титулов и званий, которых так энергично домогались многие другие.

Выполнял он и различные общественные обязанности. Был членом совета Московского художественного общества (с 1872 г.), совета Московского попечительства о бедных (с 1869 г.), выборным и старшиной Московского биржевого общества, членом советов Московского коммерческого и Александровского коммерческого училищ, Московского отделения Совета торговли и мануфактур[53]. Участие в деятельности предпринимательских организаций свидетельствовало о том, что П. М. Третьяков пользовался в деловой среде несомненным авторитетом.

Одновременно являлся крупным и общепризнанным жертвователем. В 1889 г. М. Е. Салтыков-Щедрин писал редактору либеральной московской газеты «Русские ведомости» В. М. Соболевскому: «...Москва богата сочувственными людьми вроде Солдатёнкова, Третьяковых, Ланина и проч. ...которые, конечно, придут на помощь»[54]. В литературе было справедливо замечено, что «одной из отличительных черт Павла Михайловича была необыкновенная скромность, из-за которой многие из тех дел, какие он делал, мало были известны окружающим»[55]. «Творя добро», он не преследовал никаких скрытых целей, был начисто лишен всяких амбициозных карьерно-престижных желаний и руководствовался исключительно внутренней потребностью своей натуры делать полезное дело.

Отмечая эту важнейшую черту личности мецената, хотелось бы сказать и о следующем. Не должно возникнуть впечатление, что автор данного очерка задался целью создать своего рода «праздничный портрет» П. М. Третьякова, где доминируют одни радостно-восторженные цвета (таких изображений уже существует немало). Конечно, он был капиталистом и человеком своего времени. Его доходы, как и всех остальных дельцов, были результатом труда не только его, но и многих рабочих и служащих, трудившихся по найму на фабриках и в конторах. Никакими «привилегиями» они не пользовались и работали, что называется, «от зари до зари», по 11—12 часов в сутки при довольно скудном материаль-

ном обеспечении. Скажем, в 1897 г. на Новой костромской мануфактуре было 4205 рабочих, которые вместе получали 61,5 тыс. руб. ежемесячно, или в среднем, примерно, по 12 руб. 50 коп.[56]

Часто об этой стороне жизни и деятельности меценатов «говорить не принято».

С точки зрения людей, выросших и воспитанных в совершенно иных общественных условиях, имеющих другое мировоззрение и шкалу социальных ценностей, получение подобных доходов является безусловно безнравственным. Однако, если отказаться от такого подхода, существующих стереотипных социальных схем и попытаться глубже осознать то время и его людей, то картина будет иной. Для людей круга П. М. Третьякова социальное неравенство и деление общества на бедных и богатых существовало как бы всегда и воспринималось большинством как само собой разумеющаяся действительность. Однако, видя конкретную нищету, бесправие и бескультурье, чуткие и отзывчивые люди не могли оставаться равнодушными и стремились в силу своих представлений и в меру возможностей помочь людям. Обладая огромным трудолюбием, он того же требовал и от других. Как вспоминал один из его служащих, «к тем, кто хорошо работал, Третьяков относился с полным доброжелательством. Щедро помогал, когда случалась в семье беда» [57].

Поразмышляем над таким вопросом: мог ли П. М. Третьяков, допустим, отказаться от своего имущества, или вдруг резко повысить заработную плату рабочим, или установить 8-часовой рабочий день, или, скажем, ввести оплаченные отпуска? Возможность подобных действий можно допустить с большим трудом лишь теоретически, и любая подобная попытка вызвала бы трудно предсказуемые последствия, так как здесь таилась известная угроза всему существующему и «освященному» традицией порядку. В качестве ответной реакции могло последовать учреждение опеки «за расточительность», т. е. лишение права распоряжаться имуществом, возможность отстранения от управления в административном порядке, безусловное общественное осуждение, а может быть и своего рода социальный остракизм, который мог распространиться не только на него, но и на членов семьи и т. д. Естественно, что, лишившись средств, П. М. Третьяков потерял бы возможность создавать «храм национального искусства». Вышеприведенный пассаж необходим для понимания того реального положения, при

котором наделенный умом и чувством сострадания капиталист являлся своего рода «заложником» всей общественно-экономической системы, имел право существовать только в ее рамках, согласно сложившимся принципам и канонам.

Однако область благотворительности и меценатства открывала возможности для игнорирования устоявшихся норм, и именно здесь Павел Михайлович как бы преодолел свое классовое происхождение и социальное положение. Он тратил свои силы и огромные средства не на себя и не на нужды определенного социального круга (классовый эгоизм — отличительная черта буржуазии вообще). Им двигало глубокое и вполне осознанное стремление культурного развития народа и страны. Обращаясь к В. В. Стасову в 1883 г., он заметил: «Я не имею вовсе никакого чина и звания, дающего право на какой-нибудь титул и думаю, что и иметь не буду...» [58] Утверждение, верное по существу, но с одной лишь оговоркой: став коммерции-советником, он одновременно превратился и в «благородие», но не придавал этому никакого значения. Он ни разу даже, что называется, не заикнулся о желании получить какой-либо чин или иметь другое выражение «высочайшего признания» заслуг. Все, чем его награждали, он имел как бы «автоматически» и часто вопреки его воле.

Главным делом всей жизни, основным ее смыслом было стремление создать очаг национального искусства в виде общедоступной галереи. Уже в начале 70-х годов ему принадлежало около двухсот полотен, висевших скученно в жилых помещениях и сплошь покрывая некоторые стены. Подобная «экспозиция», конечно, мешала воспринимать живопись. Возникали большие неудобства и в силу того, что к П. М. Третьякову стали обращаться с просьбами разрешить ознакомиться с собранием и каждое такое посещение стесняло жизнь семьи. Появилась необходимость построить специальное помещение. Это начинание и было осуществлено архитектором А. С. Каминским в 1872—1874 гг. (он был родственником Павла Михайловича, женатым на его сестре Софье) и обошлось в несколько десятков тысяч рублей. Под строительство двухэтажного здания был выделен участок всеми любимого сада. С весны 1874 г. и можно вести отсчет истории общественной галереи, так как ранее это собрание все-таки «обслуживало» главным образом семью.

Первые годы посетители допускались к осмотру кар-

тин только по разрешению Павла Михайловича, а с 1881 г. галерея стала доступна всем желающим. Поток публики неумолимо рос. По заданию владельца служащие галереи вели учет посетителей, и эти данные П. М. Третьяков привел в одном из писем В. В. Стасову: в 1881 г. побывало 8368 человек, 1882 – 8416, 1883 – 13 761, 1884 – 15 646, 1885 – 28 749, 1886 – 40 018, 1887 – 42 688, 1888 – 42 335, 1889 – 41 054, 1890 г.– 50 070 человек [59]. За эти десять лет с коллекцией ознакомились почти 300 тыс. человек. Собрание П. М. Третьякова постоянно пополнялось и расширялось и уже в 80-е годы превратилось в крупнейшее собрание национального искусства. В 1885 г. И. Е. Репин писал коллекционеру: «Нельзя не сочувствовать этой колоссальной, благородной страсти, которая развивалась в Вас до настоящих размеров» [60]. Когда в галерее были посетители, П. М. Третьяков там старался не появляться. Не изменял он этому правилу и тогда, когда приезжали смотреть картины высокопоставленные лица, включая и членов царской фамилии, а служащих наставлял: «Если предупредят заранее, что сейчас будут высочайшие особы,– говорить, что Павел Михайлович выехал из города. Если приедут без предупреждения и будут спрашивать меня,– говорить, что выехал из дома неизвестно куда» [61].

Это удивительное безразличие и даже неприязнь к «праздничной суете» и игнорирование амбициозного «общественного функционирования» отмечалось многими. Возможности использовать представившийся случай или деньги для общественного самоутверждения он полностью отвергал. Он, например, категорически возражал против желания жены приобрести имение, что считалось «хорошим тоном» в купеческой среде, и многие предприниматели обзаводились собственными усадьбами часто исключительно из престижных соображений. Главной цели своей жизни Павел Михайлович посвящал основную часть получаемых средств и строго лимитировал родных в любых, даже незначительных тратах «на прихоти». В письме жене в 1892 г. недвусмысленно говорилось: «Я трачу на картины, тут цель серьезная, может она исполняется недостаточно умело, это другое дело, да к тому же деньги идут трудящимся художникам, которых жизнь не особенно балует, но когда тратится не нужным образом, хотя бы рубль – мне это досадно и это раздражает меня...» [62]

Скромность в быту и простота в общении отличали Павла Михайловича. Он никогда не пил вина, не курил,

был чрезвычайно неприхотлив в еде, регулярно посещал церковь (это было скорее данью семейной традиции — особой религиозностью он не отличался), был одет постоянно в темный сюртук, довольно старомодного покроя, в котором он изображен на сохранившихся фотографиях и на двух прижизненных портретах: И. Н. Крамского (1876 г.) и И. Е. Репина (1883 г.). Лишь несколько раз в жизни надевал фрак, так как ему приходилось участвовать в больших общественных собраниях.

В их ряду — пушкинский праздник в Москве в 1880 г. Торжества начались 6 июня открытием памятника А. С. Пушкину, созданного скульптором А. М. Опекушиным и сооруженного на народные деньги, собранные по подписке (Третьяковы были в числе жертвователей). В здании Благородного собрания, где была открыта большая пушкинская выставка, и в Московском университете в течение трех дней проводились пушкинские вечера[63]. Произносились речи. Дань уважения и восхищения великому сыну России отдали писатели и общественные деятели: Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, И. С. Аксаков и др. Такого общенародного праздника национальной культуры в России еще не было. Городское управление Москвы, которое возглавлял брат Павла Михайловича — Сергей Михайлович, было в числе главных организаторов празднеств, на которых присутствовали почти все члены семей Третьяковых. На одном из «парадных» думских обедов (остальные он пропустил, сославшись на болезнь) Павел Михайлович лично познакомился с Ф. М. Достоевским. Через несколько дней они обменялись письмами.

Вот что писал великий писатель русскому коллекционеру 14 июня 1880 г.: «Милостивый государь Павел Михайлович. Простите великодушно и меня, что был в Москве, не заехал к Вам, воспользовавшись добрым случаем к ближайшему между нами знакомству. Вчера я только что отправил письмо глубокоуважаемой супруге Вашей, чтоб поблагодарить ее за прекрасное впечатление, произведенное на меня ее теплым, симпатичным ко мне участием в день Думского обеда. Я объяснил в письме к ней причины, по которым я, несмотря на все желание, не мог исполнить твердого намерения моего посетить Ваш дом. Прекрасное письмо Ваше ко мне вдвое заставляет меня сожалеть о неудавшемся моем намерении. Будьте уверены, что теплый привет Ваш останется в моем сердце одним из лучших воспоминаний дней, проведенных в Москве — дней прекрасных не для одного меня; всеобщий

подъем духа, всеобщее близкое ожидание чего-то лучшего в грядущем, и Пушкин, воздвигшийся как знамя единения, как подтверждение возможности и правды этих лучших ожиданий,— все это произвело (и еще произведет) на наше тоскующее общество самое благотворное влияние и брошенное семя не погибнет, а возрастет. Хорошие люди должны единиться и подавать друг другу руки в виду близких ожиданий. Крепко жму Вам руку за Ваш привет и горячо благодарю Вас. Искренно преданный Вам и глубоко Вас уважающий Федор Достоевский»[64]. Если учесть то огромное уважение и авторитет, которым пользовался этот человек в семье Третьякова (он был любимым писателем и Павла Михайловича, и Веры Николаевны, книги которого они постоянно читали и перечитывали)[65], то дружеское обращение писателя к нему как к единомышленнику оставило глубокий след в душе Павла Михайловича. Потрясенный смертью Ф. М. Достоевского, он счел своим долгом поехать на его похороны в Петербург.

Отрешенность П. М. Третьякова от «мирской суеты» резко контрастировала с той жизнью, которую вел его «любезный брат Сергей», что не мешало братьям сохранять между собою всегда близкие и уважительные отношения. Об этом человеке известно довольно мало, хотя его материальная и моральная поддержка дела Павла Михайловича сыграла весьма значительную роль.

Сергей Михайлович женился в 1856 г. на молоденькой купеческой дочери Елизавете Сергеевне Мазуриной, происходившей из хорошо известной в Москве фамилии, имевшей многочисленные родственные связи с купеческими семьями Алексеевых, Боткиных, Прохоровых и др. (ее родная сестра, например, была женой Дмитрия Петровича Боткина). Молодожены поселились в третьяковском доме, в Толмачах, который перед свадьбой был перестроен, заново отделан и обставлен «стильной» мебелью (ранее Третьяковы пользовались обстановкой, перешедшей к ним от Шестовых). У Сергея от брака с Е. С. Мазуриной умершей в 1860 г., был сын Николай (1857—1896), окончивший юридический факультет Московского университета (детям уже давали правильное систематическое образование), который серьезно увлекался живописью, писал маслом. Заметим попутно, что его сын Сергей был одним из известных отечественных либеральных промышленников уже в XX в., состоял председателем Экономического совета при Временном правительстве,

а после эмиграции из России играл заметную роль в русском «деловом зарубежье» [66].

В 1868 г. Сергей Михайлович женился на Е. А. Матвеевой, от брака с которой детей не было. (Она изображена на картине И. Н. Крамского «Лунная ночь», находящейся ныне в Третьяковской галерее.) Образ жизни этой семьи существенно отличался от того, который был принят ранее у Третьяковых. Балы, приемы, выезды, званые вечера («суаре») — все это влекло молодую жену Сергея Михайловича, соответствовало и его собственным желаниям. Человек он был, как говорилось, «вполне светский»: необычайно веселый, обходительный, остроумный, наделенный известным музыкальным дарованием (учился даже пению у композитора и педагога П. П. Булахова). Уклад жизни семьи С. М. Третьякова, тяга к высшему обществу его жены, у которой к тому же не сложились отношения ни со свекровью, ни с золовкой, заставили Сергея Михайловича подыскать себе более престижное место жительства. В 1870 г. он приобретает на аристократическом Пречистенском бульваре барский особняк, построенный еще в начале XIX в. Дом был полностью перестроен и заново отделан архитектором А. С. Каминским, и в 1871 г. Сергей Михайлович и его красавица жена поселились в нем. (Позднее этим особняком владел известный делец и политический деятель П. П. Рябушинский. В настоящее время здесь размещается правление Советского фонда культуры. Гоголевский бульвар, 6.)

Сергей Михайлович принимал несравненно более активное участие, чем его старший брат, в общественной жизни. В 1863—1867 гг. он был старшиной купеческого сословия, с 1868 г.— член Московского совета торговли и мануфактур и выборный Московского биржевого общества. В 1875 г. награжден званием коммерции-советника (к потомственному почетному гражданству причислен еще в 1856 г.) [67]. Особенно много работал в городском управлении: с 1866 г. в качестве гласного, а затем и как его руководитель. Обязанности Московского городского головы исполнял с 7 января 1877 г. до конца ноября 1881 г.[68] Для занятия такой должности надо было иметь не только большой авторитет в среде «отцов города» (в число гласных входили в основном видные общественные деятели, крупнейшие домовладельцы и предприниматели), но и пользоваться расположением «правительственных сфер», так как подобное избрание подлежало обязательному ут-

верждению царя. Сергей Михайлович вызывал уважение не только у купечества, но и у дворянства. Хорошо знавший его по совместной работе в городском управлении, князь В. М. Голицын (московский городской голова в 1901—1905 гг.) писал, что это «умный, культурно-образованный, обладавший прекрасным, но очень твердым характером» человек[69].

В 1878 г. Сергею Михайловичу, как сказано в «послужном списке», «государь-император, по представлению Московского генерал-губернатора, всемилостивейше соизволил пожаловать за отличную и усердную службу чин статского советника»[70]. Эта желанная награда была отмечена пышным банкетом в доме на Пречистенском бульваре. Через несколько лет, в 1883 г., «за труды» по организации и проведению в Москве в 1882 г. Всероссийской промышленно-художественной выставки и «полезную деятельность на поприще отечественной промышленности» был «высочайше пожалован чином действительного статского советника»[71]. В роду Третьяковых появился статский генерал. Вот бы удивился «батюшка Михаил Захарович», во времена которого такая награда для купца была просто немыслима. Его же сын имел не только высокие чины, но и ордена Анны и Станислава 1-й степени и Владимира 3-й.

О деятельности Сергея Михайловича на пользу города Москвы можно говорить много, но здесь упомянем лишь один примечательный факт. Для улучшения транспортного сообщения в центре города он на участке собственной земли совместно со старшим братом осуществил в 1871 г. по проекту все того же архитектора А. С. Каминского прокладку нового проезда между Никольской улицей (улица 25 Октября) и Театральным проездом (Проспект Маркса), получившего название Третьяковского и которым пользуются москвичи до сих пор.

Обязательной была для Сергея Михайловича и благотворительность. Много лет он состоял попечителем Московских мещанских училищ, членом Московского попечительства о бедных, попечителем Арнольдовского, Московского и Александровского училищ. Был членом и субсидировал деятельность Московского художественного и Русского музыкального обществ, переводил средства Московской консерватории и Московскому училищу живописи, ваяния и зодчества.

Собирал он и произведения искусства, однако был скорее любителем, чем профессионалом и таких глубоких

знаний, как старший брат, в области живописи не имел. Однако вкус и чутье у него несомненно были, и его небольшая, но чрезвычайно ценная коллекция включала главным образом работы французских мастеров XIX в. К началу 1891 г. у него имелось 69 картин, в их числе: три пейзажа Т. Руссо, четыре полотна К. Коро, работы Г. Курбе, Ж. Ф. Милле, Ф. Добиньи, Э. Делакруа, Ж. Энгра, Ж. Л. Давида, О. Ренуара — ныне всемирно признанных мастеров. Покупка этих картин обошлась Сергею Михайловичу почти в миллион франков [72]. (В переводе на рубли по официальному курсу это составляло около 400 тыс.) Он покупал и картины русских художников, которые передавал в галерею Павла Михайловича. Именно им приобретены такие шедевры национальной школы, как «Ночь в Малороссии» А. И. Куинджи, «Птицелов» В. Г. Перова, «Деловой визит» В. Е. Маковского, «Сад ночью» И. Н. Крамского, «Гробница» В. В. Верещагина. (За эти работы было заплачено 12 700 рублей [73].)

После смерти С. М. Третьякова его собрание включало 75 картин, 8 рисунков и 5 статуэток европейской работы, оцененных почти в 1,3 млн франков. (Только пять картин К. Коро «Пейзаж», «Замок Пьерфон», «Порыв ветра», «Женщина с коровой» и «Купальщица» стоили 81 тыс. франков [74].) В собрание входило несколько французских гобеленов на сюжет Троянской войны, а также живописные и скульптурные работы русских мастеров стоимостью почти в 50 тыс. руб. Самым дорогим произведением здесь была скульптура М. М. Антокольского «Иван Грозный», обошедшаяся коллекционеру в 10 тыс. руб.[75] Общая стоимость собрания Сергея Михайловича была определена в 516 тыс. руб. (учитывались только цены при покупке).

Умер Сергей Михайлович 25 июля 1892 г. в Петербурге. Его скоропостижная смерть потрясла близких и самым неожиданным образом ускорила изменение статуса галереи Павла Михайловича. Этому обстоятельству обычно не уделяется должного внимания. В своем завещании С. М. Третьяков распорядился, помимо отчислений родственникам, выделить крупную сумму на общественные нужды: 120 тыс. рублей Московской городской управе, на проценты с которых должны были выдаваться стипендии в Московских мещанских училищах, Александровском коммерческом училище, Московской консерватории, Московском университете и Школе живописи, ваяния и

зодчества (в год это должно было составить приличную сумму — почти 10 тыс. руб.).

В третьем пункте завещания говорилось: «Так как брат мой Павел Михайлович Третьяков выразил мне свое намерение пожертвовать городу Москве свою художественную коллекцию и ввиду сего представить в собственность московской городской думе свою часть дома, обще нам принадлежащего, состоящего Якиманской части, в приходе Святого Николая, что в Толмачах, где помещается его художественная коллекция, то и я часть этого дома, мне принадлежащую, предоставляю в собственность московской городской думе, но с тем, чтобы дума приняла те условия, на которых брат мой будет предоставлять ей свое пожертвование. Из художественных произведений, т. е. живописи и скульптуры, находившихся в моем доме на Пречистенском бульваре, прошу брата моего Павла Михайловича Третьякова взять для присоединения к своей коллекции, что найдет нужным, дабы в ней были образцы произведений и иностранных художников». Галерее был посвящен и еще один абзац, в котором С. М. Третьяков распоряжался «в том случае, если московская городская дума согласится принять на условиях моего брата вышеобъявленное пожертвование, прошу душеприказчиков (ими были П. М. Третьяков и городской голова Н. А. Алексеев.— *А. Б.*) в течение двух лет со дня моей смерти... внести еще 100 тысяч рублей, проценты с которых должны быть употребляемы на приобретение живописных или скульптурных произведений русских художников» [76].

Сергей Михайлович не только являлся конфидентом Павла Михайловича, которому тот доверял свои мысли, делился планами, но и человеком, горячо поддерживавшим начинание старшего брата. В общей сложности его взнос в дело организации галереи произведениями искусства, недвижимостью и ценными бумагами достигал примерно 800 тыс. руб. Если же учесть, что и ранее некоторые покупки осуществлялись братьями совместно (например, собрание В. В. Верещагина), то финансовый вклад будет еще большим.

Свое завещание С. М. Третьяков составил в 1888 г., но после вскрытия его выяснилось, что в некоторых местах позднее он сделал карандашные пометки, свидетельствовавшие о желании изменить размеры некоторых отчислений со своего имущества. Однако они не были нотариально заверенными и никакой юридической силы

иметь не могли. Тем не менее сын Николай счел необходимым обратиться в городскую думу с письмом, в котором указал, что эти изменения «очевидно отражают его последнюю волю. Считаю для себя священной обязанностью,— продолжал Н. С. Третьяков,— исполнить вполне точно волю покойного дорогого отца моего» [77]. Были увеличены все отчисления на указанные благотворительные цели и добавлены новые: Обществу любителей художеств — 10 тыс. рублей и двум церквам также по 10 тыс. Но что особенно важно: сумма для фонда приобретения новых произведений галереи возрастала до 125 тыс. руб.

Смерть Сергея Михайловича и его завещательное распоряжение побудили Павла Михайловича предпринять конкретные действия для передачи городу собрания, так как ранее он никак не мог решиться расстаться со своим детищем. Чтобы сделать возможным утверждение завещания брата (распределялось совместное имущество), он 31 августа 1892 г. обратился с заявлением в московскую городскую думу, которое огласил по его просьбе на заседании думской «Комиссии о нуждах общественных» историк, публицист, общественный деятель и гласный В. И. Герье. В обращении говорилось: «Озабочиваясь, с одной стороны, скорейшим выполнением воли моего любезнейшего брата, а с другой — желая способствовать устройству в дорогом для меня городе полезных учреждений, содействовать процветанию искусства в России и вместе с тем сохранить на вечное время собранную мною коллекцию, ныне же приношу в дар московской городской думе всю мою картинную галерею... и передаю в собственность города принадлежащую половину дома» [78]. Павел Михайлович выдвигал и несколько условий, основными среди которых были: 1) он и его жена сохраняют право пользоваться пожизненно жилыми помещениями; 2) галерея должна быть «открыта на вечное время для бесплатного обозрения всеми желающими» не менее четырех дней в неделю; 3) попечителем остается Павел Михайлович, а после его смерти племянник Николай, а в случае его смерти попечителя избирает городская дума.

Обсудив заявление П. М. Третьякова, городская дума 15 сентября единогласно приняла дар на условиях жертвователя и выразила глубокую благодарность [79]. Городской голова Н. А. Алексеев прислал ему благодарственное письмо, в котором говорилось: «Движимый желанием способствовать устройству в первопрестольной столице полезных учреждений и содействовать процветанию ис-

кусства в России, Вы принесли в дар московской городской думе Вашу художественную коллекцию, на которую Вы потратили столько нравственных забот и материальных затрат и которая издавна была гордостью и украшением не только города Москвы, но и всей нашей родины» [80]. Подобное единодушие было довольно редким для руководителей города, тем более, что возникала необходимость изыскивать средства для содержания нового городского учреждения. При хронической нехватке денег в городской кассе это сделать было непросто. Однако дума в данном уникальном случае даже «раскошелилась» и решила ежегодно выделять 5 тыс. руб. на приобретение новых работ (позднее эта сумма была увеличена до 10 тыс. руб.).

Известие о передаче третьяковского собрания Москве быстро облетело буквально всю страну. Реакция людей независимо от их социального положения и убеждений была повсеместно положительной, а иногда даже восторженной. Многие хотели выразить свое восхищение и одобрение самому дарителю, но он, как всегда чуравшийся всяких словословий, срочно уехал 16 сентября за границу.

Трудно найти в истории России конца XIX — начала XX в. примеры подобного однозначного восприятия общественностью какого-либо события, такого совпадения взглядов и консерваторов, и либералов, и представителей радикальных кругов. Акция московского купца буквально объединила всю Россию. Дело Третьяковых славили кто как мог. Приведем одно из посвящений того времени:

Московские купцы, деловики-магнаты,
Они картин коллекции свои —
Шедевры русской школы, дом-палаты
И капитал Москве в дар принесли [81].

Павел Михайлович возвратился в Москву в середине ноября и сразу же принялся составлять опись своего собрания, которая была издана как первый каталог галереи в 1893 г.[82] Эта работа требовала напряженных усилий Павла Михайловича и нескольких его служащих, так как точных данных о числе картин не знал никто. Коллекционер практически отходит от всякой иной деятельности и в марте 1893 г., сославшись «на расстроенное здоровье», отказывается от должности члена совета «почти родного» Московского художественного общества и состоявшего при нем Училища живописи, ваяния и зодче-

ства, и слагает с себя выполняемые много лет обязанности казначея [83].

Составление описи было необходимо, во-первых, для передачи собрания новому владельцу (Городской Думе); а, во-вторых, для страхования. Павел Михайлович всю жизнь страшно боялся пожара, но так свою коллекцию сам и не застраховал. Это произошло лишь при новом владельце, причем в описании оценщика было сказано, что «имущество очень ценное» и его стоимость была определена в 1,5 млн руб.[84]

Согласно составленному перечню, коллекция включала 1276 картин, 471 рисунок и 9 скульптур русских мастеров. Были представлены все школы и направления национального изобразительного искусства XVIII и XIX в. и все сколько-нибудь значительные имена. Здесь были работы А. П. Антропова, И. П. Аргунова, Ф. С. Рокотова, Д. Г. Левицкого, В. Л. Боровиковского, В. А. Тропинина, А. Г. Венецианова, О. А. Кипренского, К. П. Брюллова, П. А. Федотова, В. Г. Перова, М. В. Нестерова, А. К. Саврасова, А. И. Куинджи, И. Н. Крамского, В. М. Васнецова, И. И. Левитана, И. Е. Репина, В. А. Серова, Н. Н. Ге, В. Д. Поленова и многих, многих др. Кроме того, в его собрание входили и 62 русские иконы [85]. Как заметил один из современников, коллекция Павла Михайловича — «это не только собрание картин. Это целый пантеон русской духовной жизни в благородных ее стремлениях и порывах» [86]. По характеристике художника С. Т. Коненкова, «Третьяковская галерея объединила, открыла миру недюжинные художественные силы России» [87].

Можно ли выразить в рублях стоимость пожертвования Третьяковых? Выступая в думе, В. И. Герье заметил: «Оценивать ее (т. е. коллекцию.— *А. Б.*) нам не представляется возможным. Павел Михайлович, ввиду его прирожденной, всем известной скромности, не называет цифры. Не опасаясь быть нескромным скажу, что общее пожертвование Третьяковых городу, с недвижимостью, конечно, достигает 2 000 000 рублей серебром» [88]. Конечно, любая цена применительно к произведениям искусства всегда является величиной довольно условной. Как оценить уникальный шедевр? Исходной величиной при оценке у П. М. Третьякова служили покупные цены. Однако в большинстве случаев они возникали под влиянием сиюминутных ситуаций, картины иногда приобретались по случаю и часто скорее отражали материаль-

ную необеспеченность самого художника, чем реальную художественную ценность. Кроме того, в силу авторитета собирателя многие мастера значительно снижали заявленные цены только для того, чтобы их работы попали именно в галерею Павла Михайловича. Так, например, И. Е. Репин оценил в 20 тыс. руб свое полотно «Иван Грозный и его сын Иван 16 ноября 1581 г.», но уступил его П. М. Третьякову менее чем за 15 тыс.[89] Таких примеров было немало. Учитывая это, нельзя не признать, что оценка художественных произведений в 1 428 929 руб.[90] была ниже действительной. Общий же размер пожертвования, включая недвижимость (250 тыс. руб.) и капитал С. М. Третьякова, достигал почти 2 млн.

Одобрение действий Павла Михайловича в своей социальной среде отражало изменение умонастроений в купеческих кругах, подчеркивало эволюцию представлений о роли предпринимателя в жизни страны. Большинство «деловых людей» вполне осознавало историческое и культурное значение начинания Павла Михайловича и хотело выразить ему свое признание.

Хотя сам даритель не выдвигал условий о названии картинной галереи, городская дума сочла необходимым «возбудить ходатайство» о присвоении ей имени братьев Третьяковых и обратилась с этой просьбой «по назначению». Этот маленький штрих наглядно демонстрирует тот всепроникающий дух административного контроля, которым были пропитаны различные стороны общественной жизни в самодержавной России. Сами хозяева галереи в лице городской думы не могли решить этот частный вопрос, здесь требовалась «высочайшая санкция». Несколько месяцев продолжалась переписка между думой, московским генерал-губернатором и Министерством внутренних дел, пока, как было сказано в уведомлении, «государь-император по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел в 30 день апреля (1893 г.— *А. Б.*) соизволил выразить согласие на присвоение помещению, в котором будет находиться пожертвованная г. Москве бр. Третьяковыми художественная коллекция, наименования „Городская художественная галерея Павла и Сергея Третьяковых“»[91]. (В 1918 г. получила название «Государственная Третьяковская галерея».)

Крупнейший музей национального искусства был открыт для публики 16 мая 1893 г. Это событие стало праздником национальной культуры, и уже в первый год в галерее побывало рекордное число посетителей —

111 215 человек [92]. Были «сиятельные особы», чиновники, рабочие, художники, студенты и т. д., люди всех возрастов и разного социального положения. Молодой В. И. Вернадский внес в свой дневник такие слова: «Я глубоко убежден, — писал он в январе 1894 г., — что одна Третьяковская галерея сделает больше для развития свободного человека, чем тысячи людей» [93]. Известный журналист и беллетрист, издатель влиятельной газеты «Новое время» восторгался: «Был в Третьяковской галерее. Какая прелесть! Какой подарок городу! Вся русская жизнь современная и прошедшая в картинах. Сколько поучительного, художественного, прекрасного» [94].

Критик В. В. Стасов опубликовал в журнале «Русская старина» статью, в которой впервые было достаточно подробно рассказано о собирательской деятельности П. М. Третьякова. «Трубадур национальной школы» адресовал коллекционеру много лестных слов и в заключение писал: «Остается желать только одного: чтобы чудная галерея эта еще долго оставалась в руках и под распоряжением П. М. Третьякова и чтоб многие еще сокровища русского искусства, все новых и новых русских талантливых художников обогащали залы созданного Третьяковым великого народного памятника» [95].

В конце 1896 г. в среде «именитого купечества» возникло предложение добиться награждения Павла Михайловича чрезвычайно редким званием — почетного гражданина города Москвы. В декабре 17 гласных обратились к думе с письменным заявлением, в котором говорилось: «В Москве мыслью и средствами частного человека создано учреждение, подобного которому нет почти ни в одном из больших европейских городов и которое там, где оно есть, создавалось на средства правительства...— это галерея национального художества». По словам заявителей, она имеет двоякое значение для города Москвы. С одной стороны, «представляет собой замечательный по богатству и достоинству содержания художественный музей», а с другой, «служит единственным в России и полным Историческим музеем современной русской живописи. За эту выдающуюся услугу населению Москвы и грядущим его поколениям, за это великое содействие славе Москвы и ее значению как притягательного и образовательного центра русского художества — жители Москвы исполнены глубокой признательности к Павлу Михайловичу Третьякову, и для выражения этой признательности мы предлагаем московской городской думе

избрать Павла Михайловича Третьякова почетным гражданином города Москвы» [96].

Под заявлением поставили подписи представители известных и старейших купеческих семей: И. Е. Гучков, А. А. Бухрушин, Н. Н. Щепкин, С. И. Лямин, В. С. Вишняков, М. В. Живаго, В. А. Абрикосов, С. И. Мамонтов, Н. А. Найденов и др. На своем заседании 17 декабря, выслушав указанное заявление, «отцы города» единогласно постановили «Ходатайствовать о Высочайшем Его Императорского Величества соизволении на присвоение Павлу Михайловичу Третьякову звания почетного гражданина города Москвы» [97]. Удивительно быстро по российским меркам, уже 23 января 1897 г., царь «соизволил дать согласие». Городской голова, друг и родственник Третьяковых (он был женат на сестре Веры Николаевны) К. В. Рукавишников обратился с просьбой к художнику В. М. Васнецову оформить именной диплом, и тот с радостью согласился. Указанный документ городской голова вручил П. М. Третьякову 28 апреля 1897 г.[98] Это была единственная официальная награда, которую коллекционер охотно и искренне принял. Будучи москвичом и по рождению и, что называется, «по духу», П. М. Третьяков ценил свой город и всегда с любовью о нем говорил, хотя видел на своем веку множество других.

Готовясь к передаче галереи, Павел Михайлович полностью ее отремонтировал, сделал пристройки для произведений Сергея Михайловича. Несмотря на изменение статуса коллекции, П. М. Третьяков как и раньше продолжал заботливо относиться к ней и пополнял ее за свой счет. В 1894 г. он пожертвовал картин и рисунков на 37 050, а в 1895 г.— на 7040 руб.[99] Всего с 1893 по 1898 г. он потратил на новые приобретения приблизительно 60 тыс. руб. Галерея получила сотни новых живописных и графических произведений [100]. За две недели до смерти он уведомил городского голову, что им куплена для галереи картина В. М. Васнецова «Богатыри» [101]. Павел Михайлович скончался утром 4 декабря 1898 г. и, как свидетельствовал очевидец, последними его словами были: «Берегите галерею и будьте здоровы» [102]. Был похоронен на Даниловом кладбище (в 1948 г. захоронения Павла Михайловича и Веры Николаевны были перенесены на кладбище Новодевичьего монастыря). В здании городской думы была отслужена траурная панихида, а затем было принято единогласное решение выразить семье покойного глубокое и искреннее соболезнование и

в знак заслуг поместить в зале думы портрет, а в самой галерее портрет или бюст Павла Михайловича [103].

Павел Михайлович оставил завещание, составленное 6 сентября 1896 г. и опубликованное в книге его дочери Александры [104]. История этого документа достаточно интересна и до сих пор не освещена. «Русский Медичи» умер богатым человеком. Ему принадлежало несколько домов в Москве, ценные бумаги, художественные произведения, а все имущество (включая и долговые обязательства) было оценено в 4 420 498 руб.[105] Согласно воле завещателя, вдове предназначалось 500 тыс. руб., четырем дочерям —1 156 240 руб., сыну — в пожизненное владение 200 тыс. руб. (после его смерти деньги переходили Городскому управлению). Лица, не состоявшие с Павлом Михайловичем в родстве, получали более 100 тыс. руб.: рабочие и мастера на фабрике, служащие в торговом доме, служащие в галерее (в конце 1898 г. там работало 18 человек, получавших по 300 руб. в год), прислуга Третьяковых (в доме было 35 человек, получавших вместе в год 6024 руб.) и ряд др.

Остальные средства предназначались на благотворительные нужды. Городская управа получала 885 099 руб. 17 коп., в эту сумму входили: 200 тыс. для Арнольдовского училища, 100 тыс.— для ремонта галереи, 125 тыс.— для приобретения художественных произведений, 150 тыс.— для дома бесплатных квартир вдов и сирот русских художников (был открыт в 1912 г.) и т. д. Пяти учреждениям выделялось по 15 тысяч: Московскому университету, Московской консерватории, Московскому и Александровскому коммерческим и Московскому мещанскому училищам. Для строительства мужского и женского приютов Московскому купеческому обществу переходило более 400 тыс. руб. Были и другие выплаты.

Городская картинная галерея должна была получить солидное материальное обеспечение. Кроме того, к ней переходили картины, рисунки, иконы, остававшиеся у Павла Михайловича. В мае 1898 г. П. М. Третьяков сделал приписку к завещанию, согласно которой он переадресовал деньги, выделенные ранее на приобретение новых работ (125 тысяч), «на ремонт и содержание» [106]. Трудно понять, почему коллекционер решил законсервировать собрание (он считал невозможным даже перевеску картин) и находил расширение его «неполезным и нежелательным». Может быть, он опасался, что у людей, которые возглавят попечительство над галереей, не будет

достаточно высокого художественного вкуса? Однако в совет вошли те, кто разделял взгляды Павла Михайловича и был духовно ему близок при жизни: дочь А. П. Боткина, художник В. А. Серов, художник и собиратель И. С. Остроухов, коллекционер И. Е. Цветков. (Указанное пожелание П. М. Третьякова никогда не выполнялось и собрание непрестанно пополнялось в дальнейшем.)

Душеприказчиками своими, отвечавшими за выполнение воли завещателя, П. М. Третьяков назначил (с их согласия) К. В. Рукавишникова, С. С. Боткина и «друга дома» В. Г. Сапожникова (мануфактур-советник, владелец шелкоткацкой фабрики в Москве, крупный предприниматель). Сама процедура оформления завещания отразила в известной степени черты «ветхозаветности» мировоззрения и привычек Павла Михайловича. Боясь возможной огласки, он не пригласил нотариуса и составил этот важнейший документ без него, дома. После его смерти родственники несколько дней не могли найти завещание, которое было спрятано в совершенно необычном для таких бумаг месте — под ящиками письменного стола. Существовавшие юридические нормы неукоснительно требовали свидетельских подтверждений того, что завещатель находился «в здравом уме и твердой памяти». В данном случае этот факт засвидетельствовали купец В. Т. Гуняев, московский мещанин Р. В. Кормилицын и тульский мещанин М. К. Шныгин. Однако недостаточная осведомленность с нюансами гражданского права привела к тому, что Московский окружной суд, куда душеприказчики представили завещание для утверждения, 15 марта 1899 г. признал этот документ недействительным [107].

Ввиду этого все распоряжения Павла Михайловича должны были потерять силу. Основная часть наследства переходила к душевнобольному сыну Михаилу Павловичу (умер в 1912 г.) [108], жена получала седьмую часть, а дочери — по одной четырнадцатой. Галерея, общественные и благотворительные учреждения в этом случае не получали ничего, ибо по закону наследниками не являлись.

Решение суда объяснялось допущенной юридической ошибкой. Закон однозначно требовал привлекать в качестве свидетелей лишь тех, кто лично не был заинтересован. Между тем все три указанных свидетеля были служащими Павла Михайловича, в пользу которых он тоже сделал отчисления. Как вспоминала дочь К. В. Рукавишникова, Е. К. Дмитриева, «единственный выход из этого ужасного положения оказался — подать на Высочайшее

имя»[109]. Душеприказчики решили использовать эту возможность и несколько месяцев «деятельно работали» и в Москве, и в Петербурге. Адресовались они в различные инстанции. Их просьба была поддержана московским генерал-губернатором, великим князем Сергеем Александровичем, обращаясь к которому они писали: «Что Павел Михайлович обладал свободой воли, это всем хорошо известно в Москве и не подлежит никакому сомнению»[110]. Одновременно было проведено медицинское освидетельствование сына Михаила, который был «признан Врачебным управлением слабоумным»[111] (ранее официального заключения не было).

Все эти хлопоты принесли желаемый результат, и по докладу министра юстиции Н. В. Муравьева царь «высочайше повелел» 28 июля 1899 г. Московскому окружному суду разрешить, «не стесняясь определением 15 марта 1899 г.», вновь «войти в рассмотрение вопроса, причем не считать препятствием к утверждению завещания допущенное при его составлении нарушение»[112]. Желание монарха было быстро учтено, и 24 августа суд утвердил завещание.

Павел Михайлович Третьяков несомненно относился к числу крупнейших жертвователей. Однако его главная заслуга, конечно, состояла не в том, что он передал на благотворительные цели несколько миллионов — таких примеров было немало. Это коллекционер-меценат своей целенаправленной деятельностью способствовал развитию важного направления национальной культуры. По оценке И. Е. Репина, «он довел свое дело до грандиозных, беспримерных размеров и вынес один на своих плечах вопрос существования целой русской школы живописи. Колоссальный, необыкновенный подвиг»[113]. В свою очередь, А. П. Бахрушин заметил, что такие люди, как П. М. Третьяков — «это — соль земли, это лучшие люди нации»[114]. В таких высказываниях нет преувеличения. Начиная как собиратель-любитель, составляя первоначально небольшую, довольно камерную коллекцию, он постепенно осознает большие социальные задачи искусства, решению которых отдает свой ум и свое сердце; не считается с огромными материальными затратами. Его деятельность способствовала не только развитию изобразительного искусства, но и непосредственно влияла на изменение отношения к нему в обществе, что отражалось в создании новых музеев[115]. Триумф начинания П. М. Третьякова обессмертил имя этого русского купца.

Глава 3. Социальный парадокс

Одним из наиболее известных русских предпринимателей несомненно являлся Савва Тимофеевич Морозов. Этот человек не только олицетворял крупного инициативного капиталиста и выдающегося филантропа. Ему были присущи такие черты характера и поступки, которые делали его изгоем в собственной среде и вызывали уважение к нему в передовых кругах русского общества. Он весь был как бы «соткан» из противоречий и более, чем кто-либо другой подходил под определение «одинокая душа». Именно А. М. Горький, поддерживавший близкие дружеские отношения с С. Т. Морозовым, назвал его «социальным парадоксом» [1]. Имя этого предпринимателя встречается в различных мемуарах и исследованиях, мелькает на страницах газет и журналов (было упомянуто даже с трибуны XIX Всесоюзной партийной конференции [2]), однако до сих пор существует лишь одна работа, в которой очерчены основные «сюжетные линии» его биографии — документальная повесть советского писателя, его внука [3]. Может быть, замечание А. С. Пушкина о том, «что мы ленивы и нелюбопытны» [4], относится к нам не в меньшей (а может и в большей) степени, чем к людям первой трети XIX в.?

Происходил С. Т. Морозов из семьи известнейших текстильных фабрикантов Морозовых, владевших несколькими крупнейшими предприятиями по производству хлопчатобумажных тканей. Данная область текстильного производства относилась к числу ведущих отраслей российской промышленности, работавшей на широкий рынок. Основателем нескольких морозовских династий был С. В. Морозов — Савва Первый (1770—1862). В своей работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин писал: «Может быть, одним из наиболее рельефных проявлений тесной и непосредственной связи между последовательными формами промышленности служит тот факт, что целый ряд крупных и крупнейших фабрикантов сами были мелкими из мелких промышленников и прошли через все ступени от „народного производства“ до „капита-

лизма“»[5]. В качестве характерного подобного примера В. И. Ленин привел историю С. В. Морозова.

Родился «Савва сын Васильев» (свою фамилию он получил в XIX в.)[6] крепостным. Уже в конце XVIII в. этот предприимчивый крестьянин открыл первую мастерскую в с. Зуево Богородского уезда Владимирской губернии, где производил шелковые кружева и ленты. Работал сам на единственном станке и сам же поставлял пешком этот товар на продажу в Москву (около 100 верст)[7]. Позднее стал производить суконные и хлопчатобумажные изделия. Война 1812 г. и разорение французами Москвы способствовали расширению морозовского дела, так как «стал повсеместно ощущаться громадный спрос на льняные и бумажные изделия: требования на миткаль и ситец были просто изумительны, фабрики росли день и ночь, и капиталы фабрик росли»[8]. Увеличивались и доходы. В 1820 г. С. В. Морозов за огромные по тем временам деньги — 17 тыс. руб. получил «вольную» от дворян Рюминых. С этого времени бывший неграмотный крестьянин числится «богородским первой гильдии купцом»[9]. В 1842 г. Морозовы получают потомственное почетное гражданство[10]. А родоначальник морозовского клана имел уже дом в Москве, в Николоямском переулке (район Рогожской заставы) стоимостью в 12 285 руб. серебром[11].

Морозовы, как и многие другие семьи текстильных фабрикантов, принадлежали к расколу, т. е. являлись старообрядцами, не признававшими церковные реформы XVII в. и находившимися в оппозиции к официальной православной церкви, аппарат которой тесно сросся с государственной системой самодержавия. Необходимо оттенить этот момент для понимания того, что критическое отношение к существовавшим порядкам, широко распространенное среди капиталистов-старообрядцев, было следствием определенной исторической традиции.

У С. В. Морозова было пять сыновей: Елисей, Захар, Абрам, Иван и Тимофей, ставших крупными предпринимателями и родоначальниками отдельных многочисленных ветвей морозовского дома («елисеевичи», или «викуловичи», «захаровичи», «абрамовичи», «тимофеевичи»). Ими было основано несколько фабрик в Московской, Владимирской и Тверской губерниях. Во второй половине XIX в. предприятия Морозовых сгруппировались в четыре самостоятельные фирмы: Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°», Товарищество

мануфактур «Викула Морозов с сыновьями», Компания Богородско-Глуховской мануфактуры и Товарищество Тверской мануфактуры. В 1890 г. на морозовских фабриках было занято 39 тыс. рабочих, производивших изделий на 35 млн руб.[12] В начале XX в. совокупный капитал четырех морозовских товариществ (основной, запасной, резервный, погашения) составлял почти 140 млн руб., и на них работало около 60 тыс. рабочих[13].

Крупнейшей и «коренной» морозовской фирмой была Никольская мануфактура, возникшая на основе той фабрики, которую С. В. Морозов еще в конце XVIII в. основал в Покровском уезде Владимирской губернии (в настоящее время — Хлопчатобумажный комбинат им. К. И. Николаевой в Орехово-Зуево Московской области). Делами здесь до середины 40-х годов XIX в. заправлял сам Савва Первый, а затем все большую роль стал играть его младший сын, Тимофей (1823—1889). При его непосредственном участии эта фирма стала первой, целиком оснащенной новейшим оборудованием, импортированным при посредничестве известного торгового дома «Л. Кноп» из Англии.

Жесточайшая эксплуатация на производстве и ужасные жилищные условия в фабричных казармах отличали труд и быт рабочих и на Никольской мануфактуре, и на других капиталистических предприятиях. Такое положение было очевидным для всех. Его констатировали не только те, кто искренне сочувствовал рабочим, но и те, кто находился по «другую сторону». Вот что писал, например, начальник Московского губернского жандармского управления в 1886 г. о положении наемных тружеников: «Имея возможность близко наблюдать жизнь фабричного рабочего, я мало нахожу разницы в его положении и положении бывшего крепостного; та же нужда, то же угнетение прав человека, то же презрение к его духовным потребностям, в одном случае человек был вьючным животным, в другом — он бессмысленная машина, мало чем отличающаяся от станка, у которого работает; прежде личность оскорблялась во имя сильного, и протест был немыслим во имя того же права, теперь личность оскорбляется тоже во имя сильного, потому что богатого, и протест немыслим ввиду перспективы потерять место и умереть с голоду...»[14]

Власть Тимофея Саввича распространялась не только на рабочих, но и на местную администрацию, а полицию в селе Никольском он вообще содержал за свой счет.

Этот район был похож на удельное княжество, где безраздельно правил фабрикант, отмеченный за заслуги званием мануфактур-советника. Говоря о морозовских владениях, «Владимирские губернские ведомости» писали в 1888 г.: «Никольское состоит исключительно из построек, принадлежащих фабрикантам Морозовым... здесь вы не найдете ни одного гвоздя, ни одной щепки, которые бы не принадлежали Морозовым. Минимальная цифра народонаселения в местечке простирается до 15 000 человек и состоит из людей, пришлых сюда ради куска насущного хлеба» [15]. Владелец мануфактуры пользовался несомненным авторитетом в предпринимательской среде. Причислился он к московскому купечеству в 1861 г. С 1866 г. избирается гласным городской думы, а в 1868 г. — председателем Московского биржевого комитета [16]. В дневнике известного предпринимателя из дворян, банкира и грюндера Ф. В. Чижова он фигурирует среди деятельных членов московского кружка крупных предпринимателей, регулярно обсуждавших текущие проблемы экономической действительности [17], основатель Московского отделения Общества для содействия русской промышленности и торговли [18]. В 60—70-е годы входил в число инициаторов и учредителей ряда крупных предприятий (Купеческого банка, Московско-Курской железной дороги и др.), и по отзывам других капиталистов пользовался «расположением» всесильного министра финансов М. Х. Рейтерна [19].

Хотя Т. С. Морозов не получил систематического образования, учился дома, но был вполне грамотным человеком и прекрасно понимал значение просвещения. Часто жертвовал иногда довольно крупные суммы на Московский университет и другие учебные заведения. Его взносы были столь значительными, что вызвали желание у начальства отметить эту деятельность высокой наградой (сам капиталист об этом не просил). В начале 1889 г. попечитель Московского учебного округа предложил присвоить фабриканту чин действительного статского советника. Однако кандидат, отошедший к этому времени от дел, проявил полное безразличие к такому пожалованию и на запрос полиции об уже имеющихся у него наградах ответил довольно своеобразно. Он писал: «Имею честь сообщить Управлению 3-го участка Мясницкой части, что в настоящее время за отсутствием свободного времени и неимением под руками необходимых бумаг я не могу дать точные сведения о том, какие, когда и за что получены мною знаки отличия. Если буду распола-

гать свободным временем после праздника Пасхи и отыщу необходимые бумаги, то не замедлю дать вышеозначенные сведения»[20]. Данное письмо — свидетельство того, что миллионы позволяли капиталисту по-хозяйски разговаривать с властями. Управляющий канцелярией московского полицмейстера с недоумением доносил Московскому генерал-губернатору, что сведения о знаках отличия мануфактур-советник «дать отказался»[21]. Такая позиция была сама по себе просто беспрецедентной. Нельзя сказать, что Т. С. Морозов принципиально противился получению наград и, скажем, орден Анны, пожалованный ему по ходатайству Министра финансов «за особые труды по Всероссийской промышленно-художественной выставке в Москве в 1882 г.», он принял.

Этот жестокий, не терпящий никаких возражений человек считал, что такому миллионеру «все дозволено». Однако действительность опровергла взгляды самоуверенного купца. Истинным потрясением его жизни были дни так называемой «Морозовской стачки» в январе 1885 г., когда почти 8 тыс. рабочих Никольской мануфактуры, доведенные до отчаяния нищетой, бесправием и жесточайшими условиями, объявили забастовку, выдвинув ряд требований к капиталисту. Первоначально он категорически их отверг, но под напором рабочих выступлений все-таки вынужден был пойти на некоторые уступки. Не только владелец Никольской мануфактуры, но вся Россия увидели в этом первом организованном и сплоченном выступлении пролетариата ту грозную силу, которую он представляет. Власти затеяли судебный процесс над «зачинщиками», который вылился по сути дела в суд над самим хозяином и теми порядками, которые он установил. Его сын, Савва, позднее откровенно признавал, что «настоящим-то подсудимым оказался отец. Вызвали его давать показания. Зала полнешенька народу. В бинокли на него смотрят, как в цирке... Кричат: «Изверг!», «Кровосос!». Растерялся родитель. Пошел на свидетельское место, засуетился, запнулся на гладком паркете — и затылком об пол. И, как нарочно, перед самой скамьей подсудимых! Такой в зале поднялся шум, что председателю пришлось прервать заседание»[22]. Капиталист после всех переживаний тяжело заболел и все дела на фабрике передал родственникам. Умер он в октябре 1889 г. В своем завещании фабрикант выделил несколько сот тысяч рублей на благотворительные цели, в том числе 100 тыс. «для призрения душевнобольных» в Москве[23]. (Стои-

мость его имущества оценивалась в 6,1 млн руб.[24])

Никольская мануфактура с 1873 г. действовала как паевое предприятие с основным капиталом 5 млн руб., разделенным на именные паи по тысяче рублей каждый. Согласно протоколу первого собрания совладельцев, в начале 1874 г. самому хозяину принадлежало 3512, а его жене — 1095 паев фирмы, или более 90% [25]. Остальные были распределены среди родственников и некоторых других, близких Морозовым лиц [26]. Перестав быть единоличным владением и превратившись в паевое (или акционерное) предприятие, действовавшее на основании «высочайше утвержденного» устава, Никольская мануфактура оставалась в руках морозовской семьи вплоть до ее национализации в 1918 г. Хотя высшим органом стало считаться собрание пайщиков, где все решения принимались большинством голосов (10 паев давало право на один голос), однако сам хозяин, а затем его жена — Мария Федоровна Морозова, сохраняли полный контроль над ходом дел, так как являлись крупнейшими совладельцами.

По сумме годового производства уже в середине 80-х годов фирма занимала третье место в России [27]. По данным на 1892 г., на Никольской мануфактуре работало более 17 тыс. рабочих; здесь было почти 159 тыс. веретен и 34 паровые машины [28]. Выпускались различные хлопчатобумажные ткани, пряжа, нитки. Используя новейшее оборудование, высококачественный привозной американский хлопок, эффективные иностранные красители, хозяевам удалось добиться того, что продукция Никольской мануфактуры отвечала самым высоким стандартам и пользовалась заслуженным уважением среди потребителей в России. Экспортировалась она и за границу. Это была одна из самых прибыльных российских компаний, приносившая миллионы рублей дохода. Был очень высоким и дивиденд. Так, в 90-е годы он составлял ежегодно 20—25%, т. е. единожды вложенный рубль давал 20—25 коп.[29] Среди заинтересованных в делах Никольской мануфактуры капиталистов (помимо самих Морозовых) было несколько крупных предпринимателей: коммерции-советник К. Т. Солдатёнков; мануфактур-советник, совладелец стеариново-мыловаренного завода в Казани и фабрики по обработке хлопка в Московской губернии, один из руководителей Московского купеческого банка Г. А. Крестовников (зять Т. С. Морозова); директор ряда крупнейших текстильных фирм

(в их числе «Э. Циндель» и Кренгольмская мануфактура) и распорядитель торгового дома «Л. Кноп», барон А. Л. Кноп.

В одном из документов Министерства финансов, относящемся к началу XX в., о морозовской фирме говорится: «Правильное и успешное действие причин, вызвавших цветущее состояние дел Товарищества, облегчалось в немаловажной степени семейным характером последнего, состоящего из ограниченного круга лиц, связанных между собой общностью не только экономических, но и родственных интересов: между тем сохранение надолго такого характера и впредь, едва ли может иметь место, ибо с течением времени, по естественному ходу событий, паи товарищества должны распределяться среди большего числа участников, которые, по мере удаления от основателей и первых руководителей предприятия, будут терять непосредственную связь с ним» [30]. Действительно, «по мере удаления от основателей» происходил своего рода «размыв» состава владельцев, и среди пайщиков появлялись лица, не связанные с Т. С. Морозовым первыми степенями родства. Однако этот процесс не привел к потере контроля над фирмой Морозовыми, как это, например, произошло с основанной З. С. Морозовым Богородско-Глузовской мануфактурой, откуда его наследников вытеснили в XX в. другие дельцы.

У Тимофея Саввича было восемь человек детей: четыре дочери: Анна (1849), Алевтина (1850), Александра (1854), Юлия (1858) и четверо сыновей — Иван (1855), Арсений (1856), Савва (1862) и Сергей (1863). Иван и Арсений умерли в детстве. Савва, родившийся 3 февраля 1862 года, и стал, пожалуй, наиболее известным представителем клана Морозовых. А. М. Горький характеризовал его как человека «исключительного по уму, социальной прозорливости и резко революционному настроению» [31]. Эта яркая и самобытная натура послужила писателю прообразом ряда персонажей (например, Егора Булычова).

Капиталист, миллионер и вдруг — «революционное настроение»! Возможно ли такое? Не является ли это утверждение лишь писательским преувеличением? Конечно, С. Т. Морозов не был революционером в полном смысле этого слова, т. е. человеком, главной целью жизни которого было радикальное изменение основ общества, и он не боролся открыто с существовавшей систе-

мой. Однако этот предприниматель острее, чем большинство других, ощущал потребность изменить общественные порядки и в меру своих сил и средств оказывал значительную финансовую помощь революционному движению. При его материальной поддержке издавалась ленинская «Искра», именно на его средства были учреждены первые легальные большевистские газеты: «Новая жизнь» в Петербурге и «Борьба» в Москве. Один из «столпов» царской бюрократии, министр финансов и председатель совета министров С. Ю. Витте с негодованием заметил, что такие, как С. Т. Морозов, «питали революцию своими миллионами» [32]. Конечно же, царский сановник сгустил краски. «Стимулировать» революцию деньгами просто нельзя. Она вызывается объективными причинами и развивается по своим законам. Однако помощь делу революции Савва Тимофеевич действительно оказывал и немалую, причем не только деньгами. Что касается финансовой поддержки, то, хотя точных данных и нет, она, во всяком случае, исчислялась десятками, если не сотнями тысяч рублей. «Материальная помощь, оказываемая Морозовым революционному движению, была существенна и своевременна»,— констатирует исследователь [33].

Его заслуги перед потомками измеряются не только этим. Велики они и в области национальной культуры. Он оказал неоценимую поддержку Московскому Художественному театру, всемерно и бескорыстно помогал величайшему начинанию в самый тяжелый период его становления и развития. Откровенно говоря, трудно представить судьбу театра без Саввы Тимофеевича Морозова. Много лестных слов относится к этому человеку и щедрому меценату в воспоминаниях организаторов и руководителей Художественного театра К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, а К. С. Станиславский счел своим долгом даже почтить память этого друга театра на торжественном заседании, посвященном тридцатилетию МХАТа в октябре 1928 г. в присутствии членов советского правительства [34].

Как сформировался этот удивительный человек? Какие причины сделали его столь непримиримым и к самодержавию, и к собственной социальной среде? Тут, как и во всех других случаях, когда речь заходит о неординарных личностях, однозначных ответов быть не может. Здесь необходимо учитывать не только природный ум, интеллект, но и совокупность нравственных черт. К со-

жалению, проследить развитие их практически нельзя, так как достоверных свидетельств сохранилось очень мало. Это относится в первую очередь к годам детства и юности, что является вообще типичным для биографий всех предпринимателей. Однако немногочисленны документальные данные и о последующем периоде, в значительной степени в силу того, что до нас не дошел личный архив С. Т. Морозова. В распоряжении исследователей находятся в первую очередь источники мемуарного характера, большинство которых возникло через десятилетия после смерти Саввы Тимофеевича. Однако общий «контур жизни» этого, по словам Л. Б. Красина, «интереснейшего человека» [35] они очертить позволяют. Имеются и некоторые другие материалы.

Вернемся к семье Саввы Тимофеевича. Его отец в 1848 г. женился на дочери богатого московского купца, фабриканта и домовладельца Ф. И. Симонова — Марии Федоровне [36]. Предки этой фамилии происходили из казанских татар, принявших православие (отсюда, очевидно, и тот «отпечаток Азии» в облике детей этой ветви морозовского рода). С 1849 г. в семье пошли дети, и первой родилась дочь Анна. Савва был седьмым ребенком, а через полтора года после него родился Сергей. К этому времени Морозовы имели уже собственный особняк в Москве, в Большом Трехсвятительском переулке, перекупленный у известного откупщика В. А. Кокорева, где прошли детские и юношеские годы Саввы. (Здание сохранилось. Современный адрес — Большой вузовский переулок, 1. Примечательно оно и тем, что здесь в июле 1918 г. был штаб левоэсеровского мятежа.) Двухэтажный дом с мезонином насчитывал двадцать комнат; имелась своя молельня и зимняя оранжерея. Дом был окружен довольно обширным садом, где были беседки и цветники.

Рядом же, через переулок, размещалось весьма мрачное трехэтажное здание правления Никольской мануфактуры. Очевидец так описывал этот «оплот» крупного капитала: «Церковная тишина в комнатах, по которым я проходил, давала понять о том, что здесь знают, что такое дисциплина. Никто не курил. Паркетный пол блестел, как лакированный. Широкие зеркальные окна закрыты снизу зелеными занавесками, чтобы служащие не глазели на улицу. За дубовым барьером — шведские столы, как в заграничных банках. Странно только, что за такими столами сидело много людей с допетровскими

бородами, одетых в поддевки и кафтаны. Тут я вспомнил, что фирма Морозовых старообрядческая...» [37] Уместно добавить, что в описываемый период (речь идет о начале XX в.) деление компаний по конфессиональному (вероисповедному) признаку вряд ли уместно. Любое крупное предприятие действовало в соответствии с универсальными законами капиталистического производства и распределения. Другое дело, что хозяева Никольской мануфактуры придерживались определенных религиозно-мировоззренческих принципов, в соответствии с которыми подбирался персонал и устанавливался внутренний распорядок. Получалось своеобразное смешение «французского с нижегородским», что не могло не бросаться в глаза.

В старообрядческих семьях детей воспитывали по древнему уставу благочиния — в строгости, беспрекословном послушании, в духе религиозного аскетизма. Однако и новое неумолимо вторгалось в жизнь. В морозовской семье уже были гувернантки и гувернеры, детей обучали светским манерам, музыке, иностранным языкам. Вместе с тем применялись и традиционные купеческие «формы воспитания» и, как вспоминал Савва, «за плохие успехи в английском языке драли...» [38] В четырнадцать лет старшего сына определяют в Четвертую гимназию, которая находилась недалеко от «родового гнезда», у Покровских ворот, в хорошо известном москвичам «доме-комоде». В этом дворце графов Апраксиных, построенном в стиле рококо еще в 60-х годах XVIII в., с 1861 г. размещалось указанное учебное заведение (в настоящее время — ул. Чернышевского, 22). Имена братьев Саввы и Сергея Морозовых значатся среди выпускников 1881 г. [39] (Заметим, кстати, что одновременно несколько месяцев здесь же учился и К. С. Станиславский, который курса тут не кончил, но оставил описание мрачных порядков в этой гимназии [40].)

По соседству с «дворцом Апраксиных» существовало одно из старейших и крупнейших учебных заведений, созданное на средства «именитого московского купечества» еще в начале XIX в.,— Практическая академия коммерческих наук, выпускники которой получали полный курс среднего учебного заведения, и этих знаний было бы вполне достаточно для ведения «семейного дела» (современный адрес — Покровский бульвар, 11). Много лет отец Саввы входил здесь в число действительных членов Общества любителей коммерческих знаний.

Однако Морозовы своего сына туда не определяют и решают, учитывая его склонности к естественным наукам, дать полное университетское образование. В 1881 г. Савва Второй поступает на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. В студенческие годы его интересы не ограничиваются только естественными науками; с большим интересом изучает он политэкономию и философию, регулярно посещает блестящие лекции одного из крупнейших русских историков В. О. Ключевского. Заканчивает он университет в 1885 г. со званием «действительного студента», которое присваивалось тем, кто кончил курс, сдал все экзамены, но не защитил диплома (для тех, кто не собирался делать служебную карьеру, имели значение сами знания, а не свидетельства).

Еще в гимназии, вспоминал С. Т. Морозов, «я научился курить и не веровать в бога»[41]. Из такого признания следует, что у этого внука и сына купца неприятие семейных и корпоративных традиций проявилось довольно рано. Позднее это неосознанное чувство перерастет в убеждение и приведет к целенаправленному отрицанию многих «общепринятых» норм и канонов.

К 80-м годам относится и еще одно событие в биографии Саввы Тимофеевича, наложившее заметный отпечаток на многое в последующей жизни. Он влюбляется в молодую, умную и красивую жену своего родственника С. В. Морозова — Зинаиду (Зиновию) Григорьевну (1867—1947). Злые языки утверждали, что ранее она была простой работницей на одной из морозовских фабрик («присучальщицей», «ткачихой» и т. д.). Такую версию можно встретить в мемуарах[42]. Об этом же, правда, с оговоркой пишет в своем очерке «Савва Морозов» А. М. Горький[43]. Подобные утверждения никогда не были документальными и являлись лишь очередной расхожей сплетней, которые так охотно плодили многочисленные недоброжелатели Саввы Тимофеевича и которую приняли на веру даже симпатизировавшие ему мемуаристы. Трудно вообразить, чтобы добропорядочный двоюродный племянник, Сергей Викулович, мог позволить себе брак с девицей «без роду и племени». Ее внук, прекрасно осведомленный в вопросах семейной генеалогии, определенно говорит о том, что бабка происходила из купеческого рода Зиминых[44]. Она дочь богородского купца второй гильдии Г. Е. Зимина, который был родом из с. Зуева, где и начал торговать мануфак-

турой. В 1874 г. он причисляется к московскому купечеству и ведет уже мануфактурную торговлю в Москве, в Зеркальном ряду [45]. От брака с Зинаидой Григорьевной у Саввы Тимофеевича было четверо детей: Тимофей (1888 г.), Мария (1890 г.), Елена, Савва (1903 г.). (Точную дату рождения Елены установить не удалось [46].)

Мы не знаем, как происходил бракоразводный процесс. «Оформить развод» в условиях России, где не было официального гражданского брака, было чрезвычайно трудно (достаточно вспомнить пьесу «Живой труп» Л. Н. Толстого). Доподлинно известно другое: женившись на «разводке» (венчались они в марте 1888 г.), С. Т. Морозов, что называется, «прославился на всю Россию». По тогдашним купеческим меркам это был скандал. Отец невесты якобы даже заявил, что ему было бы легче видеть свою дочь в гробу, «чем такой позор терпеть» [47]. Самого же С. Т. Морозова эта шумиха не смутила, хотя почти вся родня была настроена против новой родственницы. В конце концов родители смирились с браком старшего сына.

После окончания университета он уезжает в Англию. Здесь изучает химию в Кембриджском университете, собирается защищать диссертацию. Одновременно знакомится с постановкой текстильного дела на английских фабриках. Необходимость возглавить семейное дело заставляет уехать в Россию. Трудно определить, когда точно вернулся из Англии, но уже в марте 1887 г. он фигурирует в числе тех, кто представил ценные бумаги к собранию пайщиков [48]. Савва становится руководителем Никольской мануфактуры, однако лишь номинально. Большинство паев, как уже говорилось, а следовательно, и голосов на собраниях совладельцев принадлежало отцу и матери, а после смерти Т. С. Морозова его вдова — главный и основной пайщик товарищества. Это важно подчеркнуть, так как в своей деятельности он всецело зависел от воли своей матери, которая оставалась и формально директором-распорядителем, т. е. совмещала в своем лице должности и председателя правления, и директора [49]. Ее же старший сын по сути дела стал совладельцем-управляющим, но не полноправным хозяином.

В числе предъявителей ценных бумаг впервые имя Саввы Тимофеевича появляется в начале 1883 г., когда он представил 37 паев (менее 1% общего числа) [50]. В таких фирмах, как морозовская, на детей почти обя-

зательно переводили определенную часть бумаг, иногда сразу же после их рождения. В 1885 г. его пакет увеличивается до 157 паев, а после смерти отца в его распоряжение поступает еще 500 штук, и общая численность пакета с конца 80-х годов составила 657 паев [51]. Эта доля остается неизменной вплоть до 1903 г., когда основной капитал Никольской мануфактуры увеличивается на 2,5 млн руб. и, соответственно, на 2500 паев, распределенных среди прежних совладельцев. Максимальное количество паев, принадлежавших С. Т. Морозову, не превышало 985 штук. Для сравнения отметим, что его мать представила к собранию пайщиков в марте 1890 г. 3165, а в марте 1904 г.— 3580 дивидендных бумаг фирмы [52].

Здесь уместно затронуть вопрос о реальных доходах этого директора Никольской мануфактуры. В обществе циркулировали слухи о баснословных суммах, однако размеры их никогда не документировались. Со слов самого Саввы Тимофеевича, А. М. Горький заметил, что его годовой доход «не достигал ста тысяч» [53]. Попробуем в этом разобраться, опираясь на финансовую документацию правления морозовской фирмы. Поступления С. Т. Морозова состояли из директорского жалованья (сумма колебалась от 10 до 12 тыс. руб.), наградных (процент отчислений с общей суммы чистой прибыли) и дивиденда (процент дохода с каждого пая). За десять лет, с 1895 по 1904 г., он получил 112 тыс. руб. в качестве директорского содержания, примерно, 1 млн наградных и не менее 1,3 млн дивиденда, а всего около 2,5 млн руб.[54] Учитывая, что ему принадлежала еще и городская недвижимость, сдававшаяся в аренду, а также и земельные владения вне черты городских поселений (имения), как и должности в других фирмах (много лет он был директором высокодоходного Трехгорного пивоваренного товарищества в Москве), не будет преувеличением считать, что его личные доходы в этот период достигали в среднем 250 тыс. руб. в год.

Это было в условиях России очень много. Приведем такое сравнение. По данным на 1900 г., крупнейшие царские сановники имели годовое денежное содержание: Председатель Комитета министров, член Государственного совета, сенатор И. Н. Дурново — 30 тыс. руб., министр финансов С. Ю. Витте, министр путей сообщения, князь М. И. Хилков, член Государственного совета, сенатор, обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победо-

носцев — по 22 тыс. руб. и т. д.[55] На фоне доходов Саввы Тимофеевича финансовое обеспечение высокооплачиваемых чиновников выглядит довольно жалким. Кстати, это была одна из главных причин зависти, перераставшей часто в ненависть к миллионерам-нуворишам со стороны бюрократически-дворянских кругов.

Однако деньги, как таковые, Савву Тимофеевича интересовали мало, что его принципиально отличало от других дельцов. Наблюдая жизнь купца-миллионера, А. М. Горький писал, что «личные его потребности были весьма скромны, можно даже сказать, что по отношению к себе он был скуп, дома ходил в стоптанных туфлях, на улице я его видел в заплатанных ботинках»[56]. Он был лишен тех амбиций, которые заставляли многих предпринимателей вкладывать большие средства в произведения искусства и козырять перед другими своими собраниями. К числу коллекционеров он не принадлежал и хотя приобретал значительные живописные работы (в их числе «Голова старушки» Н. А. Касаткина и «Венеция» И. И. Левитана), но сколько-нибудь заметной коллекции не составил[57]. Его непритязательность в жизни отмечалась многими. За этим, насколько можно судить, стояла не жадность, не всепоглощающая алчность, и он не был эдаким «русским Гобсеком». Просто не придавал особого значения ни самим деньгам, ни тем возможностям, которые они открывали для удовлетворения эгоистических желаний. У него были другие цели и интересы, а большие материальные возможности не сделали его счастливым человеком. «Легко в России богатеть, а жить трудно»,— с горечью заметил он однажды[58].

Однако его жена, Зинаида Григорьевна, придерживалась прямо противоположных взглядов, и Савва Тимофеевич часто, что называется, шел у нее на поводу. Она была умной, но и чрезвычайно амбициозной женщиной и старалась удовлетворять свое честолюбие именно тем путем, которым шли другие представители купеческого мира. Деньги, по ее представлениям, позволяли утвердить себя в обществе. Немыслимые туалеты, невероятной ценности украшения, модные и самые дорогие курорты, собственный выезд, ложа в театре и т. д., и т. п.— все было подчинено амбициозным целям. Есть основания утверждать, что и строительство претенциозного морозовского «палаццо» в центре Москвы — результат ее устремлений.

После возвращения из Англии С. Т. Морозов приобретает довольно скромный дом на Большой Никитской, однако такой уклад жизни вряд ли мог устроить З. Г. Морозову. В начале 90-х годов С. Т. Морозов покупает на тихой аристократической улице Спиридоновке барский особняк с садом. Купчая была оформлена на имя жены, и она же стала числиться владелицей. Ранее эта усадьба принадлежала Н. Т. Аксакову (брату С. Т. Аксакова), а до середины XIX в. тут жил поэт и государственный деятель И. И. Дмитриев, у которого в гостях бывали А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь и многие др. Поэт и друг А. С. Пушкина П. А. Вяземский написал об этом «приюте Муз» [59]:

Я помню этот дом, я помню этот сад;
Хозяин их всегда гостям был рад,
И ждали каждого с радушьем теплой встречи
Улыбка теплая и прелесть умной речи...

В 1893 г. обветшалый дом был сломан и на его месте началось строительство роскошного особняка по проекту молодого архитектора Ф. О. Шехтеля (друг и ученик архитектора А. С. Каминского, зятя П. М. Третьякова). Это была первая крупная самостоятельная работа известного представителя стиля «модерн», который только-только начинал входить в моду. Постройка была завершена в 1896 г. (современный адрес — ул. А. Толстого, 17). В оформлении интерьеров принимал участие художник М. А. Врубель, имелись работы В. М. Васнецова, М. М. Антокольского, М. В. Якунчиковой и др. Выросший в центре Москвы и решенный в необычном стиле — сочетании готических и мавританских архитектурных элементов, «спаянных» воедино пластикой модерна, особняк сразу же стал одной из московских достопримечательностей. Таких вычурных, бросающих вызов «родовых замков» купечество себе еще не позволяло. Все это было ново, необычно, вызывало толки и пересуды. Актер М. П. Садовский откликнулся эпиграммой [60]:

Сей замок навевает много дум,
Мне прошлого невольно стало жалко:
Там, где царил когда то русский ум,
Царит теперь фабричная смекалка.

Открытие этого московского «чуда» было обставлено весьма помпезно. Очевидец этого события, князь С. А. Щербатов, вспоминал: «На этот вечер собралось все именитое купечество. Хозяйка, Зинаида Григорьевна

Морозова... женщина большого ума, ловкая, с вкрадчивым выражением черных умных глаз на некрасивом (как свидетельствуют сохранившиеся фотографии, утверждение более чем спорное.— *А. Б.*), но значительном лице, вся увешанная дивными жемчугами, принимала гостей с поистине королевским величием. Тут я увидел и услышал впервые Шаляпина и Врубеля, исполнившего в готическом холле отличную скульптуру из темного дуба и большое витро, изображавшее Фауста с Маргаритой в саду» [61]. Неоднократно бывал в этом доме и А. М. Горький, который писал о нем: «Внешний вид... напоминал мне скучный и огромный мавзолей, зачем-то построенный не на кладбище, а на улице. Дверь отворял большой усатый человек в костюме черкеса, с кинжалом у пояса; он казался совершенно лишним или случайным среди тяжелой московской роскоши и обширного вестибюля» [62].

Об архитектурных достоинствах морозовского особняка, конечно, возможны различные суждения. Бесспорным является другое. Хозяйка дома всячески старалась превратить его в один из известнейших светских салонов Москвы: здесь устраивались вечера, балы, приемы. Причем, З. Г. Морозова старалась, чтобы непременно присутствовала «аристократическая элита», что должно было повысить престиж. В 1902 г. жена А. П. Чехова О. Л. Книппер, писала мужу, что на одном из таких балов ей представили графа Шереметева, графа Олсуфьева, графа Орлова-Давыдова, которые, по ее словам, «все скучные и неинтересные». В ответ Антон Павлович со свойственной ему прозорливостью заметил: «Зачем, зачем Морозов Савва пускает к себе аристократов? Ведь они наедятся, а потом, выйдя от него, хохочут над ним, как над якутом» [63].

«Игра в светскость» продолжалась довольно долго и требовала не только времени, сил, но и больших расходов. Приобретается обширное имение Покровское-Рубцово около Нового Иерусалима, строится дача во Владимирской губернии. Со стороны людей, мало знакомых с самим хозяином, такая «пляска миллионов» не находила понимания. Профессор Московского университета И. В. Цветаев писал в 1899 г. архитектору Р. И. Клейну: «Пусть будет Саввам Морозовым стыдно: пропивают и проедают чудовищные деньги, а на цель просветительскую жаль и пятиалтынного. Оделись в бархат, настроили палат, засели в них— а внутри грубы, как носоро-

ги...»[64] Вряд ли с И. В. Цветаевым можно согласиться, хотя обида его и понятна: С. Т. Морозов не дал ни копейки на создаваемый по инициативе и при деятельном участии Ивана Владимировича Музей изящных искусств имени императора Александра III. Однако дело тут было не в жадности и не в непонимании значения искусства, а скорее в том, что сооружение этого огромного здания в центре Москвы и в силу его названия, и по причине «высочайшего покровительства» воспринималось многими как памятник романовской династии, а такие начинания С. Т. Морозов никогда не поддерживал. Истинные цели, задачи и назначение музея стали для всех очевидными позднее.

Чем дальше, тем больше С. Т. Морозову претят светские устремления жены. По всей вероятности, именно в конце 90-х годов начинается охлаждение между супругами, которое со временем приводит к сильному отчуждению. «Мадам Морозова» сверкала в обществе, на благотворительных базарах, в театрах, на вернисажах; принимала у себя родовую знать, «золотую» светскую молодежь, офицеров. У нее «запросто» бывала даже сестра царицы и жена московского генерал-губернатора великая княгиня Елизавета Федоровна. Красочное описание личных апартаментов этой «светской львицы» оставил А. М. Горький, которого в спальне З. Г. Морозовой поразило «устрашающее количество севрского фарфора: фарфором украшена широкая кровать, из фарфора рамы зеркал, фарфоровые вазы и фигурки на туалетном столе и по стенам на кронштейнах. Это немного напоминало магазин посуды»[65]. Резко контрастировала с этим обстановка комнат, занимаемых самим хозяином. «В кабинете Саввы — все скромно и просто, только на книжном шкафе стояла бронзовая голова Ивана Грозного, работы Антокольского. За кабинетом — спальня; обе комнаты своей неуютностью вызывали впечатление жилища холостяка»[66].

Уместно здесь сказать и о следующем. Особым вниманием хозяйки пользовался все чаще и чаще бывавший в доме блестящий офицер, выпускник Николаевской академии Генерального штаба, потомственный дворянин А. А. Рейнбот. Это была довольно заметная фигура в «иерархическом ареопаге» самодержавия: в 1905 г. он исполнял обязанности Казанского губернатора, а в 1906—1907 гг. был Московским градоначальником, т. е. возглавлял полицию в первопрестольной. Через два с лишним года

после смерти С. Т. Морозова, в августе 1907 г., он обвенчался с его вдовой, и З. Г. Морозова стала женой генерала и потомственной дворянкой, «госпожой Рейнбот». Так как он был зачислен в «императорскую свиту», то обязан был получить «высочайшее согласие» на брак, однако не уверенный в этом, А. А. Рейнбот и вдова мануфактур-советника З. Г. Морозова венчались тайно. После этого он обращается к царю с ходатайством о прощении; получает прощение и заверение, что «его поступок последствий иметь не будет»[67]. Казалось бы, что все амбициозные желания этой женщины удовлетворены, однако через несколько месяцев наступил крах. В результате ревизии сенатора Н. П. Гарина, вскрывшей в деятельности московского градоначальника множество финансовых и административных злоупотреблений, генерал-майор А. А. Рейнбот в декабре 1907 г. был уволен от должности, исключен из свиты и предан суду.

Охлаждение между С. Т. Морозовым и его женой наступало постепенно, вызывалось различными причинами, но в значительной степени было результатом несоответствия духовных запросов и разного понимания жизненных ценностей. Савва Тимофеевич, что называется, задыхался в «золотой клетке», которую сам и построил. Его тянуло к интересным людям, к простому искреннему человеческому общению, и эта деятельная, и даже стихийная натура (за неукротимый нрав отец называл его «бизоном»[68]) с трудом переносила всякие светские условности, фальшь и пустоту аристократического мира. Хотя, конечно, и среди родовитого барства встречались интересные одаренные люди, с которыми С. Т. Морозов охотно общался. Например, упоминавшийся князь и художник С. А. Щербатов, назвавший Савву Второго умнейшим из купцов[69].

Вообще же к аристократам его не тянуло, и он проявлял поразительную независимость и строптивость характера даже тогда, когда дело касалось представителей царской фамилии. В своих воспоминаниях В. И. Немирович-Данченко приводит показательный в этом смысле эпизод, касающийся посещения особняка на Спиридоновке генерал-губернатором Москвы, великим князем Сергеем Александровичем. Наместник царя, наслышанный о необычном доме, решил лично его осмотреть. Адъютант уведомил об этом желании С. Т. Морозова, который дал согласие и лишь уточнил: «Ему угодно осмотреть мой дом?» — получил однозначный ответ. Далее произошло

СУКОННАЯ ФАБРИКА

ТОВАРИЩЕСТВА

АЛЕКСѢЯ БАХРУШИНА СЫНОВЕЙ

ВЪ МОСКВѢ

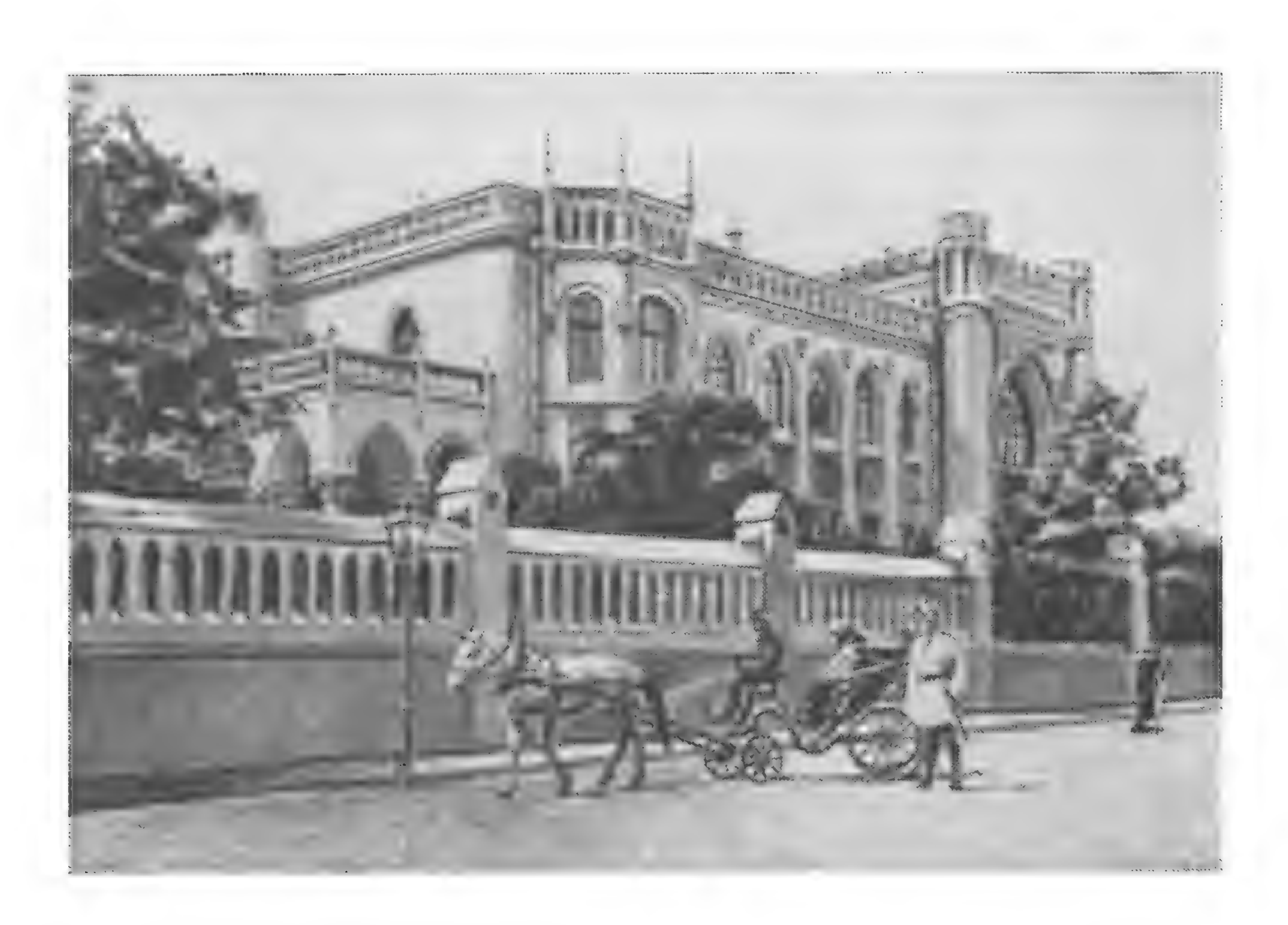
Суконная фабрика Бахрушиных

Бахрушинская больница на Сокольническом поле

Музей П. И. Щукина

Театр Г. Г. Солодовникова

Особняк Морозовых на Спиридоновке

Дом Третьяковых

Парадная лестница морозовского особняка

следующее: «На другой день приехал великий князь с адъютантом, но их встретил мажордом, а хозяина дома не было» (как это похоже на поведение П. М. Третьякова!). Мемуарист справедливо заметил, что это «было очень тонким щелчком: мол, вы хотите мой дом посмотреть, не то, чтобы ко мне приехать,— сделайте одолжение, но не думайте, что я буду вас приниженно встречать» [70].

Этого представителя «именитого купечества» отличало широкое видение окружающего мира, понимание исторической перспективы и он, как, пожалуй, никто в предпринимательской среде, сознавал, что действительное развитие России, превращение ее в мощное современное государство возможно лишь через радикальное изменение коренных основ жизни. К такому убеждению он пришел не сразу. Вначале была вера в то, что улучшений можно добиться путем реформ, политикой «мелких шагов», каждый из которых необходимо делать «с высочайшего согласия».

Савва Тимофеевич имел влияние в предпринимательских кругах, ряд лет возглавлял Ярмарочный комитет на крупнейшем российском «торжище» в Нижнем Новгороде. Именно его в 1896 г. выдвинуло купечество для приветствия и поднесения хлеба-соли на Всероссийской промышленной выставке государю-императору. Как представитель одной из крупнейших отечественных фирм купец С. Т. Морозов получал и некоторые знаки «монаршей милости»: ему было присвоено звание мануфактур-советника, он состоял членом «высочайше утверждаемого» Московского отделения Совета торговли и мануфактур. Смело брался за новые начинания: им, например, было основано крупное химическое акционерное общество «С. Т. Морозов, Крель и Оттман», зарегистрированное в Германии, но имевшее предприятия в России и специализировавшееся на производстве красителей. «Я ведь специалист по краскам»,— говорил о себе С. Т. Морозов [71].

Пользовался в начале XX в. известностью и в среде лидеров либерального движения а в его особняке происходили даже полулегальные заседания земцев-конституционалистов в конце 1904 г. [72] Однако особых симпатий, насколько известно, к этим деятелям С. Т. Морозов не питал. Его интересовали другие люди. «Не знаю,— писал А. М. Горький,— были ли у Морозова друзья из людей его круга,— я его встречал только в компании студентов,

серьезно занимающихся наукой или вопросами революционного движения. Но раза два, три, наблюдая его среди купечества, я видел, что он относится к людям неприязненно, иронически, говорит с ними командующим тоном, а они, видимо, тоже не очень любили его и как будто немножно побаивались. Но слушали — внимательно» [73]. Друзей этого круга действительно не было, а купечество он называл презрительно «волчьей стаей» [74].

Задолго до первой российской революции С. Т. Морозов почувствовал ее приближение, в чем проявилась его удивительная социальная прозорливость. Помогая революционерам, он не стремился, так сказать, подстраховаться на всякий случай и мыслил другими категориями. «Вы считаете революцию неизбежной?» — спросил у него А. М. Горький. «Конечно,— ответил Савва Тимофеевич.— Только этим путем и достижима европеизация России, пробуждение ее сил. Необходимо всей стране перешагнуть из будничных драм к трагедии. Это нас сделает другими людьми» [75]. Ответ просто поразительный, если принять во внимание, что такие слова произносил крупнейший капиталист, человек, который, казалось бы, имел все основания быть довольным. Прекрасно отдавал себе отчет в том, что революция могла смести таких, как он, но его интересовала в первую очередь судьба страны, а не собственные интересы. Помогал делу большевиков вполне осознанно и деньгами, и даже личным участием: нелегально провозил типографские шрифты, прятал от полиции известного большевика Н. Э. Баумана и даже доставлял запрещенную литературу на свою фабрику. Читал с интересом работы В. И. Ленина, высоко оценивал исторические перспективы большевизма, считал, что это течение в русском освободительном движении сыграет «огромную роль» [76].

Что это? Человек, потерявший свои социальные ориентиры или увидевший то, что другим было не дано увидеть? Очевидно, и то, и другое. Превращаясь в чужого «среди своих», он пытался обрести опору в иной среде, но это сделать не удавалось. По словам А. М. Горького, «он упорно искал людей, которые стремились так или иначе осмыслить жизнь, но, встречаясь и беседуя с ними, Савва не находил слов, чтоб понятно рассказать себя, и люди уходили от него, унося впечатление темной спутанности» [77]. Пожалуй, только А. М. Горький, которого С. Т. Морозов ценил и искренне любил (лично по-

знакомились они в конце 1900 г.), отвечал ему взаимной симпатией и называл его своим близким другом [78].

С другой стороны, отношения, скажем, с А. П. Чеховым не сложились. Великий писатель много раз встречался с Саввой Тимофеевичем, бывал у него в гостях в Покровском [79], в доме на Спиридоновке, ездил даже с ним летом 1902 г. в пермское имение Морозовых Всеволодово-Вильву, где Савва построил школу его имени. Однако никакой душевной близости между ними не было, и деловая и импульсивная натура С. Т. Морозова не вызывала симпатий у А. П. Чехова. Имея в виду Савву Тимофеевича, он однажды язвительно заметил: «Дай им волю, они купят всю интеллигенцию поштучно» [80].

Искренние чувства и даже восторженное преклонение испытывал С. Т. Морозов к актрисе М. Ф. Андреевой, с которой он близко общался последние годы своей жизни, что не составляло секрета и для окружающих. Деликатнейший Константин Сергеевич Станиславский в феврале 1902 г. писал М. Ф. Андреевой: «Отношение Саввы Тимофеевича к Вам — исключительное. Это те отношения, ради которых ломают жизнь, приносят себя в жертву, и Вы это знаете и относитесь к ним бережно, почтительно...» [81] Через много лет сама Мария Федоровна свидетельствовала: «Мы любили друг друга крепко хорошей любовью долголетних друзей, и я горжусь такими отношениями с одним из благороднейших людей, встретившихся мне в жизни, считаю незаслуженным с моей стороны счастьем» [82].

В разговоре с А. М. Горьким С. Т. Морозов однажды сказал, что есть люди, «очень заинтересованные в том, чтоб я ушел или издох...» [83] Такая резкая оценка не была лишена известных оснований. Чем больше Савва отрывался от своего круга, чем дальше отходил от обычных купеческих «чудачеств» и все сильнее связывал себя с людьми и делами, враждебными существовавшим порядкам, тем ощутимее было недоброжелательное отношение к нему и со стороны властей, и со стороны родственников.

Вообще с родней он сколько-нибудь тесных отношений не поддерживал. Клан «тимофеевичей» имел к началу XX в. широкие матримониальные связи, и некоторые из родственников Саввы Тимофеевича были довольно заметными фигурами и в деловой среде, и вне ее. Сестра Юлия была замужем за крупным предпринимателем

и известным общественным деятелем Г. А. Крестовниковым, который в 1905 г. возглавил мощную представительную организацию буржуазии — Московский биржевой комитет, был членом Государственного совета. В 1910 г. Крестовниковы получили потомственное дворянство [84]. Их старшая дочь Софья вышла замуж за представителя одной из известнейших купеческих семей в России — Д. И. Стахеева, а вторая дочь Мария — за заводчика и инженера Н. Г. Листа, директора крупного машиностроительного общества «Густав Лист» в Москве.

Сестра Анна вопреки воле родителей стала женой приват-доцента Московского университета Г. Ф. Карпова («сын станового пристава»), который в 1870 г. защитил диссертацию и «был утвержден в степени доктора русской истории» [85]. Читал курсы лекций в Харьковском и Московском университетах, был другом В. О. Ключевского. После его смерти, в 1891 г., в Московском университете была учреждена на морозовские деньги премия имени Г. Ф. Карпова, присуждавшаяся за лучшие исторические работы, а вдова была избрана почетным членом Общества истории и древностей российских [86]. Эта ветвь морозовского рода тоже одворянилась. Их старший сын А. Г. Карпов стал крупным предпринимателем, «сподвижником» известного капиталиста П. П. Рябушинского, входил в совет Московского банка, состоял директором Товарищества Окуловских писчебумажных фабрик и, естественно, пайщиком морозовской мануфактуры. Его брат, Ф. Г. Карпов, занимал директорский пост в Никольской мануфактуре. Их сестра, Е. Г. Карпова, была женой известного деятеля А. В. Кривошеина [86а].

Необходимо сказать и о младшем сыне Тимофея Саввича — Сергее. Он окончил юридический факультет Московского университета, имел звание «кандидат прав». Активного участия в деловой жизни не принимал, больше интересовался музыкой и изобразительным искусством, сам писал пейзажи. Оказывал поддержку И. И. Левитану, мастерская которого одно время находилась в морозовском доме; давал деньги на известный журнал «Мир искусства». Много времени проводил за границей и в своем имении Успенское под Звенигородом, где у него жил и работал И. И. Левитан, гостил А. П. Чехов. Старший брат называл Сергея «ипохондриком», а А. П. Чехов писал, что это «скучнейший из джентльменов» [87]. Однако этот «ипохондрик» основал в Москве Музей кустарных промыслов, выстроил для него спе-

циальное здание в Леонтьевском переулке и передал городу Москве. (Здание сохранилось. В настоящее время его частично занимает Музей народного искусства, ул. Станиславского, 7.) Женился на сестре крупного чиновника А. В. Кривошеина (занимал различные посты и был в XX в. членом Государственного совета). В сентябре 1905 г. Сергей Тимофеевич был избран, а по сути дела назначен «матушкой», директором-распорядителем Никольской мануфактуры [88].

К началу XX в. признанным «патриархом» морозовского рода была Мария Федоровна Морозова, которая умерла в 1911 г. (ей было более 80 лет). Причем оказалось, что она относилась к числу крупнейших собственников в России, а общая сумма принадлежавшего ей имущества достигала колоссальной цифры — 30 млн руб.[89] Миллионерша была далека от духовных запросов своих сыновей, и ее жизнь на протяжении десятилетий почти не менялась. Чрезвычайно набожная, окруженная многочисленными приживалками, она не пользовалась электрическим освещением, не читала газет и журналов, не интересовалась литературой, театром, музыкой и даже не решалась «из боязни простуды мыться горячей водой с мылом, предпочитала всевозможные одеколоны» [90]. Такому истинному представителю «темного царства», конечно, были чужды и окружение старшего сына, и образ его мыслей. Однако она довольно долго мирилась с этим, так как, во-первых, Савву практически некем было заменить (его деловые качества были вне конкуренции), а во-вторых, отстранить его от управления было нельзя без широкой огласки. По неписаной же купеческой традиции все происходившее в семье не должно было становиться известным посторонним. Мы не знаем и, наверное, никогда не узнаем, как увещевала мать своего сына, но, учитывая косвенные свидетельства, можно заключить, что попытки «наставить на путь истинный» предпринимались многократно. Общение с «неблагонадежными» и вообще большой интерес Саввы Тимофеевича к политическим и социальным вопросам особенно были неприятны набожной старухе. В конце концов между ними произошел полный разрыв.

В начале 1905 г. Россия содрогнулась от кровавой бойни, устроенной 9 января царскими сатрапами в Петербурге. Савва Тимофеевич вместе с А. М. Горьким был очевидцем Кровавого воскресенья и не мог оставаться безучастным. Он посетил председателя Комитета минист-

ров, который так описал этот визит: «Я его принял, и он мне начал говорить самые крайние речи о необходимости покончить с самодержавием, об установке парламентарной системы со всеобщими прямыми и проч. выборами, о том, что так жить нельзя далее и т. д.»[91]. Конечно, эти речи не произвели на сановника никакого впечатления.

Вернувшись в Москву, он на несколько дней уединяется на втором этаже своего особняка и составляет программу срочных социальных и политических реформ в стране. Этот документ чрезвычайно интересен для характеристики общественных воззрений С. Т. Морозова и заслуживает того, чтобы на нем остановиться подробней. «В числе событий, переживаемых Россией за последнее время,— писал он,— наибольшее внимание общества привлекли к себе возникшие в январе повсеместные забастовки рабочих, сопровождавшиеся серьезными народными волнениями... Обращаясь к исследованию причин последних забастовок, мы наталкиваемся на то в высшей степени характерное явление, что рабочие, приостановив работу под предлогом различных недовольств экономического свойства, объединяются затем в группы вне пределов фабрик и предъявляют целый ряд других, но уже политических требований». И далее, продолжая свой анализ, С. Т. Морозов заметил: «Действительно — отсутствие в стране прочного закона, опека бюрократии, распространенная на все области русской жизни, выработка законов в мертвых канцеляриях, далеких от всего того, что происходит в жизни.., невежество народа, усиленно охраняемого теми препятствиями, коими обставлено открытие школ, библиотек, читален, словом, всего, что могло бы поднять культурное развитие народа, худшее положение, в котором находится народ сравнительно с другими перед судом и властью,— все это задерживает развитие хозяйственной жизни в стране и порождает в народе глухой протест против того, что его гнетет и давит»[92].

После констатации положения автор выдвинул конкретные предложения: 1) предоставить право свободно создавать союзы; 2) исключить карательные меры за проведение забастовок. Однако он понимал, что прогресс невозможен без изменения политических условий в стране, и выдвинул ряд предложений общеполитического характера, в их числе: введение всеобщего равноправия перед «прочным законом, сила и святость которого не могла бы быть ничем и никем поколеблена», неприкосно-

венность личности и жилища, свобода слова и печати, введение обязательного школьного обучения, привлечение к разработке любых законопроектов представителей всех классов и общественный контроль за бюджетом [93]. По сути дела Савва Тимофеевич ставил вопрос о введении в России конституционной формы правления. Призыв к такому принципиальному решению буквально в первые дни революции лишний раз свидетельствует о том, насколько в своем миропонимании он опередил всех остальных капиталистов. Отдавая себе отчет в том, что заявленная программа будет иметь вес лишь как коллективная акция, он обращается к другим капиталистам, надеясь на их поддержку. Однако этого не произошло. Основная часть «бизнесменов» еще не доросла до такого радикализма, и записку, да и то с оговорками, приняли лишь некоторые оппозиционно настроенные деятели в либерально-буржуазной среде [94].

Обсуждению этого документа посвящено и заседание правления Никольской мануфактуры, и в протоколе было зафиксировано, что директора от подписи отказались, предоставив С. Т. Морозову право, «если он найдет нужным, подписать записку за его личную ответственность» [95].

В феврале 1905 г. забастовочная волна докатилась и до Никольской мануфактуры. В этой связи хотелось бы сказать вот о чем. После «Морозовской стачки» 1885 г., когда к управлению пришел Савва Тимофеевич, положение рабочих улучшилось: были отменены штрафы, изменены расценки, построены новые спальни для рабочих, учреждены стипендии для учащихся и т. д. Однако коренного улучшения условий труда и быта на фабриках С. Т. Морозов добиться не мог, так как любые нововведения, финансовые расходы надо было утверждать на правлении, где он не располагал большинством голосов. Рабочие же видели в нем хозяина, и у многих он пользовался в отличие от своего отца и матери уважением. Когда вспыхнула забастовка и рабочие выдвинули ряд требований, в том числе установление 8-часового рабочего дня и повышение заработной платы, С. Т. Морозов выполнить их отказался, так как не в силах был принять такие решения. Реальным хозяином, как уже упоминалось, была М. Ф. Морозова, которая категорически воспротивилась желанию сына пойти навстречу рабочим. Сын потребовал у матери права полного распоряжения на фабриках; в ответ на это он был в начале марта

отстранен от управления, и М. Ф. Морозова пригрозила учреждением над ним опеки [96].

Для такой деятельной натуры, как Савва Тимофеевич, это было непереносимо и воспринималось им как крах всей жизни. Положение усугублялось личным одиночеством, отсутствием взаимопонимания с женой. Он начинает избегать людей, много времени проводит в полном уединении, не желая никого видеть. Изоляции способствовала и Зинаида Григорьевна, бдительно следившая за тем, чтобы к нему никто не приходил, и изымавшая всю поступавшую на его имя корреспонденцию.

По Москве поползли слухи о сумасшествии известного предпринимателя. Очевидно, появление их не обошлось без участия власть имущих и кое-кого из родственников, которым была удобна именно такая версия, объясняющая неожиданный отход его от общественной деятельности. Сохранилось коротенькое деловое письмо, датированное 26 марта, т. е. как раз периодом полного уединения, и адресованное в Петербург инженеру А. Н. Тихонову, который работал у Саввы Тимофеевича. Обращаясь к нему, С. Т. Морозов писал: «Я решил прекратить разведки (речь идет о геологических изысканиях на Урале.— *А. Б.*) ввиду соображений, которые сообщу Вам впоследствии. Когда будете проезжать Москву, заезжайте ко мне. Мне хотелось бы пристроить Вас куда-нибудь на место» [97]. Нет нужды доказывать, что письмо написано вполне здравомыслящим человеком, ощущающим нравственную ответственность за судьбу тех, кто был с ним связан.

И тем не менее, по настоянию жены и матери созывается медицинский консилиум в составе известного невропатолога Г. И. Россолимо и врачей Ф. А. Гриневского и Н. Н. Селивановского, констатировавший 15 апреля 1905 г., что у мануфактур-советника С. Т. Морозова «тяжелое общее нервное расстройство, выражавшееся то в чрезмерном возбуждении, беспокойстве, бессоннице, то в подавленном состоянии, приступах тоски и прочее», и рекомендовавший направить его для лечения за границу [98]. Через несколько дней в сопровождении жены и Н. Н. Селивановского С. Т. Морозов выехал сначала в Берлин, а затем на юг Франции, в город Канн. Здесь, на берегу Средиземного моря, в шикарном номере фешенебельного «Ройяль-Отеля» 13(26) мая 1905 г. он выстрелом из пистолета покончил с собой.

Многие обстоятельства этого рокового шага до сих пор

неясны. Власти считали, что виновниками его гибели были революционеры, которых поддерживал Савва Тимофеевич и которые якобы начали его шантажировать, требовать новых денег и под давлением этих угроз и произошло самоубийство. Такую версию изложил в донесении в Департамент полиции московский градоначальник. Подобное объяснение получило распространение и встречается в мемуарах С. Ю. Витте. «Он попался в Москве,— писал бывший премьер,— чтобы не делать скандала, полицейская власть предложила ему выехать за границу. Там он окончательно попал в сети революционеров и кончил самоубийством» [99]. Его внук, основательно изучивший многие перипетии судьбы деда, задает в своей книге вполне уместный вопрос: зачем вообще революционерам надо было угрожать Морозову? [100] В подтверждение таких заявлений никогда не приводилось никаких доказательств.

Истинные причины трагического решения этого сравнительно молодого человека, отца четверых детей, были иные, лежали значительно глубже и их верно уловили хорошо знавшие С. Т. Морозова люди. «Но когда я получил телеграмму о его смерти,— писал А. М. Горький,— и пережил час острой боли, я невольно подумал, что из угла, в который условия затискали этого человека, был только один выход — в смерть. Он был недостаточно силен для того, чтобы уйти в дело революции, но он шел путем, опасным для людей его семьи и круга» [101]. В свою очередь, В. И. Немирович-Данченко заметил: «Купец не смеет увлекаться. Он должен быть верен своей стихии выдержки и расчета. Измена неминуемо поведет к трагическому конфликту» [102].

Смерть примирила Савву Тимофеевича с родственниками. Согласно христианским канонам, самоубийцу нельзя хоронить по церковным обрядам (старообрядческие нормы в этом смысле не были исключением). Морозовский клан объединяется и, используя и связи, и деньги, начинает добиваться разрешения на похороны. Необходимо было получить разрешение от властей. Были представлены путаные и довольно разноречивые свидетельства врачей, в которых утверждалось, что вроде бы смерть была результатом «внезапно наступившего аффекта» (следовательно, нельзя ее рассматривать как обычное самоубийство), но в то же время Савву Тимофеевича нельзя считать и душевнобольным (признание его таковым было нежелательно для престижа семьи). Вот какое заключение дал, например, личный врач,

Ф. А. Гриневский: «Главной и вероятней всего единственной причиной нервного расстройства было переутомление, вызванное как общественными, так и специально фабричными делами и связанным с ними рабочим вопросом. К началу марта после продолжительных забастовок рабочих на фабрике наступил резкий упадок физических и нравственных сил» [103]. «Знал я Морозова,— продолжает этот эскулап,— более двадцати лет и состоял последние десять лет его личным врачом, я могу засвидетельствовать, что предотвратить этот печальный исход не было никакой возможности. С одной стороны, он не был психически болен какой-либо определенной психической болезнью, которая давала бы право ограничивать его право и самостоятельность; с другой — при врожденной непреклонности и упорстве в достижении ранее намеченной цели — он не поддавался никаким убеждениям и доводам. Признавая свои поступки в рабочем вопросе во многом ошибочными и ошибки эти непоправимыми — он видел один выход в самоубийстве» [104].

Получая морозовские деньги, этот врач знал, что делал и писал то, что было нужно и самим хозяевам, и государственным чиновникам. Оказывается, «ошибочное» отношение к рабочим привело С. Т. Морозова к самоубийству. Поразительный по своей циничности документ. Однако такие, с позволения сказать, свидетельства власть имущих вполне устраивали, и 28 мая исполняющий обязанности московского генерал-губернатора в секретном рапорте доносил в Петербург: «Усматривая из свидетельств врачей Селивановского и Гриневского, что мануфактур-советник Савва Тимофеевич Морозов лишил себя жизни в припадке психического расстройства, предложил Градоначальнику сделать распоряжение о выдаче удостоверения о неимении препятствий к преданию тела Морозова земле по христианскому обряду» [105]. На Рогожском кладбище 29 мая были организованы пышные похороны, а затем поминальный обед на 900 персон.

Незадолго до смерти С. Т. Морозов застраховал свою жизнь на 100 тыс. руб. Страховой полис «на предъявителя» вручил своему другу, актрисе и революционерке М. Ф. Андреевой, которая передала значительную часть средств в фонд большевистской партии [106]. Этот факт подчеркивает и то, что С. Т. Морозов до конца оставался верен делу революционного переустройства своей родины, и то, что его уход из жизни не был результатом «состояния аффекта», а был продуманным шагом. Сохра-

нилась предсмертная записка, которая была переслана из Франции по каналам русского Министерства иностранных дел московскому губернатору. На клочке простой бумаги всего несколько строк — и вся жизнь Саввы Тимофеевича: «В моей смерти прошу никого не винить» [107]. Действительно, кого-то конкретно винить нельзя. Он оторвался от своего класса и оказался в разладе не только с социальной средой, но и с самим собой, что и предопределило трагический исход.

Савва Тимофеевич оставил духовное завещание, утвержденное к исполнению Московским окружным судом 21 июля 1905 г. Хотя этот документ обнаружить не удалось, есть основания считать, что его вдова получила основную часть наследства. К ней перешла и недвижимость, и ценные бумаги, однако она продает основную часть дивидендных бумаг Никольской мануфактуры, и к 1914 г. в распоряжении З. Г. Рейнбот остается лишь 120 паев фирмы [107а].

Яркая и короткая жизнь С. Т. Морозова, его трагическая судьба представляют интерес сами по себе. Однако фигура этого предпринимателя примечательна и в ряду щедрых филантропов. Он помогал много и часто и отдельным лицам, и различным учреждениям, и организациям. Иногда его пожертвования были весьма значительными. Только в начале XX в. он выделил несколько десятков тысяч рублей на строительство родильного приюта при Староекатерининской больнице [108] (ныне Московский областной научно-исследовательский клинический институт им. М. Ф. Владимирова) и 100 тыс. руб. «на дело призрения душевнобольных в Москве» [109].

Особняком же стоит его поддержка Московского Художественного театра. Нет нужды подробно говорить об этом крупном начинании в культурной и духовной жизни России, так как история театра много раз излагалась и в специальных исследованиях, и в мемуарах; опубликовано и большое число различных материалов и документов. Обратимся лишь к тем эпизодам становления театра, которые неразрывно связаны с именем московского купца-мецената С. Т. Морозова.

Летом 1897 г. после восемнадцатичасового оживленного обсуждения молодой педагог и драматург В. И. Немирович-Данченко и режиссер, актер и «купеческий сын» К. С. Алексеев (Станиславский) пришли к решению создать новый театр, цели и задачи которого существенно отличались от существовавших в то время. Задуманное

начинание требовало крупных средств, которых у инициаторов не было. Казалось бы, что один из них, К. С. Станиславский, совладелец и директор (с начала XX в.— директор-распорядитель) солидного паевого товарищества «В. А. Алексеев, П. Вишняков и А. Шамшин» был богатым человеком [110]. Однако, как справедливо заметил В. И. Немирович-Данченко, он был «человек со средствами, но не богач. Его капитал был в «деле» (золотая канитель и хлопок), он получал дивиденд и директорское жалованье, что позволяло ему жить хорошо, но не давало право тратить много на „прихоти". Был у него и отдельный капитал, но отложенный для детей, он не смел его трогать» [111]. Сын коммерции-советника С. В. Алексеева [112], потомственный почетный гражданин К. С. Станиславский (Алексеев) не имел возможности финансировать единолично новое начинание. Он внес лишь десять тысяч и вместе с женой, актрисой М. П. Лилиной, навсегда отказался от жалованья в театре. «Стесненность в средствах» объяснялась и тем, что у К. С. Станиславского были значительные долги от прошлых «театральных затей», которые, как он сам признавал, сильно подорвали финансовое положение [113].

Начинается поиск меценатов. Родственники в помощи отказали. Желание учредить городской театр — это было уже больше, чем прихоть, и о сыне степенного Сергея Владимировича в купеческой среде злословили, что «Кокоша (шутливое прозвище К. С. Станиславского.— *А. Б.*) разводит канитель». Под канителью подразумевалась его любовь к театру [114]. На просьбу о субсидии не откликнулась и Городская дума. Речь стала идти вообще о возможности осуществить задуманное, так как, по словам В. И. Немировича-Данченко, «кардинальнейший вопрос нашего дела — денежный — висел в воздухе» [115]. Владимир Иванович, который вел административно-финансовую часть нового театра, решил обратиться за помощью к предпринимателям, состоявшим «директорами-попечителями» Филармонического общества (их имена перечислены в первой главе). Сравнительно небольшие денежные взносы позволяли этим дельцам на концертах «занимать места в первых рядах» и «перед всей Москвой щеголять своим меценатством» [116]. Как велись переговоры, мы не знаем, но известно, что миллионер-виноторговец К. К. Ушков обещал четыре тысячи, а остальные — и того меньше: по одной-две тысяче рублей. Конечно, таких средств хватить не могло и требовалась более

солидная поддержка, так как театр не мыслился коммерческим предприятием. Он должен был быть «общедоступным» (с очень умеренными ценами на билеты) и особых доходов приносить не мог.

И здесь происходит событие, которое очень продвинуло дело создания нового театра. Или в конце 1897, или в самом начале 1898 г. (точную дату установить не удалось) К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко обращаются за помощью к С. Т. Морозову, который сразу же согласился оказать поддержку, внес десять тысяч и поставил лишь одно, чрезвычайно примечательное условие: театр не должен иметь никакого «высочайшего покровительства» [117].

Этот купец любил театр страстно и постоянно посещал спектакли в Москве, Петербурге и Нижнем Новгороде, куда летом на время ярмарки съезжались труппы со всей России. Сохранились свидетельства, что Савва Тимофеевич оказывал и раньше поддержку театральным начинаниям. Так, еще в начале 90-х годов он выделял средства Московскому частному театру (недолговечная антреприза В. В. Чарского). Актер В. П. Далматов вспоминал, что, передав деньги, С. Т. Морозов настоятельно просил сохранить это в тайне, так как боялся, что его «не поймут». В ответ на недоуменные вопросы говорил: «Понимаете, коммерция руководствуется собственным катехизисом. И потому я буду просить Вас и Ваших товарищей ничего обо мне не говорить...» [118] К моменту создания Художественного театра он уже не боится никаких пересудов, открыто и щедро поддерживает новое театральное предприятие.

В марте 1898 г. возникает «Товарищество для учреждения в Москве Общедоступного театра», распорядителями которого становятся К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко. В прошении на имя Московского генерал-губернатора (один из первых сохранившихся документов нового товарищества) учредители писали 11 мая 1898 г.: «Согласно проекту учреждения в Москве Общедоступного театра, поданному нами Вашему Императорскому Высочеству [119], образовалось товарищество, в состав которого вошли следующие лица: К. С. Алексеев, Д. Р. Востряков, А. И. Геннерт, К. А. Гутхейль, Н. А. Лукутин, Сав. Т. Морозов, Серг. Т. Морозов, К. В. Осипов, И. А. Прокофьев, К. К. Ушков. В первый год существования театр, по ценам на места, еще не может носить вполне характер общедоступного. Стрем-

ление Товарищества заключается пока в создании репертуара и дружно сформировавшейся труппы. Для этой цели нами снят театр в Каретном ряду.

Сообщая об этом, имеем честь обратиться к Вашему Императорскому Высочеству с почтительной просьбой оказать нам содействие в разрешении к постановке трагедии гр. А. Толстого „Царь Федор Иоаннович", каковая трагедия уже разрешена к постановке на сцене Театра литературно-артистического кружка в Петербурге (театр А. С. Суворина.— *А. Б.*)» [120].

Итак, уже с самого основания С. Т. Морозов оказывал помощь новому культурному начинанию, и его взнос, как и взнос К. С. Станиславского, был наиболее значительным. Очевидно именно он привлек к участию и своего брата Сергея. В общей сложности на «дело театра» удалось собрать 28 тыс. руб.[121] Причем, на остальных капиталистов приходилось всего несколько тысяч пожертвований. Им, конечно же, был нужен не театр, как таковой, а причастность собственного имени к делу, которое вызывало значительный интерес. Показательно в этом смысле поведение купца К. К. Ушкова. Еще ранее, пожертвовав всего 500 рублей Музыкально-драматическому училищу, он неоднократно требовал, чтобы об этом «благодеянии» обязательно было сообщено «высочайшей покровительнице» — Елизавете Федоровне. Точно так же он не раз просил В. И. Немировича-Данченко подчеркивать, что был первым жертвователем и на театр [122]. Другие дельцы ассигновали еще меньше, хотя учредители подробно излагали каждому из них свой замысел и убедительно его аргументировали. Однако тратить деньги на неведомое начинание капиталисты не спешили и часто не по причине своего невежества, а просто в силу обычной предпринимательской скаредности. Вот, например, выпускник Московского университета («кандидат прав»), дворянин, меломан, эстет и богатый директор Московско-Киево-Воронежской железной дороги (одно из крупнейших железнодорожных обществ в России) А. И. Геннерт «рискнул» всего несколькими сотнями рублей.

Собранных средств хватило на первое время. За несколько тысяч товарищество арендовало у купца Я. В. Щукина театр «Эрмитаж» в Каретном ряду. Всего в театре было 852 места, но, по признанию организаторов, они «могли располагать лишь 815 местами», а остальные предоставлялись разным лицам (ложа гене-

рал-губернатора, «кресло» обер-полицмейстера и т. д.)[123]. Здесь 14(26) октября 1898 г. и состоялся первый спектакль — «Царь Федор Иоаннович». Как писал В. И. Немирович-Данченко, «Художественный общедоступный театр был открыт, но театр еще не родился»[124]. Продолжался поиск своего репертуара и новых сценических приемов. Истинное рождение началось с постановок пьес А. П. Чехова и А. М. Горького. Условия, в которых приходилось работать труппе, красочно описаны К. С. Станиславским. «В самом деле, театр „Эрмитаж" ... был в то время в ужасном виде: грязный, пыльный, неблагоустроенный, холодный, нетопленый, с запахом пива и какой-то кислоты, оставшимся еще от летних попоек и увеселений, происходивших здесь... Особенно неблагополучно было с отоплением театра, так как все трубы оказались испорченными, и нам пришлось чинить их на ходу... Помню, в один из спектаклей мне пришлось отдирать от стены своей уборной примерзший к ней костюм, который предстояло тут же надеть на себя»[125]. Достойны истинного восхищения то, прямо скажем, мужество и творческая одержимость людей этого театра, которые, преодолевая бесконечные трудности и преграды, преданно служили Мельпомене.

После первых спектаклей, из которых лишь «Царь Федор» имел сдержанный успех, а остальные сборов вообще не делали, выяснилось, что угроза краха всего начинания не исчезла и, как заметил В. И. Немирович-Данченко, наступили «наши черные денечки»[126]. Катастрофически не хватало денег, приходилось залезать в долги. Дело несколько улучшилось после триумфальной постановки чеховской «Чайки» в декабре, однако сезон был закончен с убытком, и дефицит составил 46 тыс. руб. Меценаты не проявляли желания продолжать выделять деньги. На помощь опять приходит С. Т. Морозов, который уже серьезно увлекся новым театральным предприятием. В сентябре 1899 г. О. Л. Книппер писала А. П. Чехову: «Савва Морозов повадился к нам в театр, ходит на все репетиции, сидит до ночи, волнуется страшно... Я думаю, что он скоро будет дебютировать, только не знаю в чем»[127].

Он действительно «дебютировал» в роли преданного и бескорыстного друга театра, что признавалось и организаторами. В письме В. И. Немировичу-Данченко в феврале 1900 г., говоря о Савве Тимофеевиче, К. С. Станиславский заметил: «Не сомневаюсь в том, что такого по-

мощника и деятеля баловница судьба посылает раз в жизни... такого именно человека я жду с самого начала моей театральной деятельности (как ждал и Вас)» и подчеркивал, что в отличие от других меценатов в порядочность Морозова слепо верит [128]. Для ликвидации дефицита и финансового оздоровления С. Т. Морозов предлагает «долг погасить и паевой взнос дублировать», что и было сделано [129]. Уже в первый год существования Художественного театра С. Т. Морозов затратил на него почти 60 тыс. руб., и постепенно его пожертвования становятся важнейшим финансовым источником, питавшим новое культурное и художественное начинание. Однако на первом этапе он старался сохранить коллективную форму финансирования и убеждал вносить деньги и других предпринимателей, хотя их сравнительно небольшие взносы существенной роли не играли.

Искреннее и заинтересованное служение делу театра свидетельствует о высоких культурных запросах этого мецената, отражает понимание им огромной эстетической и общественной роли театрального искусства. Осенью 1900 г. А. М. Горький писал А. П. Чехову: «И когда я вижу Морозова за кулисами театра, в пыли и трепете за успех пьесы — я ему готов простить все его фабрики,— в чем он впрочем не нуждается,— я его люблю, ибо он бескорыстно любит искусство, что я почти осязаю в его мужицкой, купеческой, стяжательной душе» [130]. Купец-меценат в полной мере осознавал, что «этот театр сыграет решающую роль в развитии сценического искусства» [131].

Постепенно Художественный театр начинает завоевывать признание у знатоков и успех у публики. Дефицит был погашен, долги выплачены, новые спектакли делали неплохие сборы, и «в воздухе стала носиться идея» о «собственном доме» для театра. Популярная в Москве газета «Новости дня» писала в ноябре 1901 г.: «Художественный театр мечтает о новом помещении. Нынешнее его положение в Каретном ряду не особенно удобно: каждый год приходится на пост и лето перевозить все громадное имущество» [132]. Вопрос о «постоянном пристанище» был окончательно решен в конце 1901 г.

Практическое осуществление этого замысла было бы невозможно без участия С. Т. Морозова. Его выбор останавливается на доме в Камергерском переулке, принадлежавшем миллионеру-нефтепромышленнику Г. М. Ли-

анозову. Здесь еще в 1880 г. был оборудован специальный театральный зал, сдаваемый внаем. Ранее его уже арендовала драматическая труппа Ф. А. Корша и Частная опера С. И. Мамонтова. С середины 90-х годов тут обосновался театр-буфф и ресторан Шарля Омона. Всю организационно-финансовую часть предприятия взял на себя Савва Тимофеевич и проявил в этом деле и настоящий размах, и большие организаторские способности. Он вел все переговоры с владельцем, в результате которых был заключен договор об аренде сроком на двенадцать лет.

Меценат разрабатывает план создания паевого товарищества, соучастниками которого должны были стать ведущие актеры, руководители и некоторые близкие театру лица. Согласно проекту устава, составленному в декабре 1901 — январе 1902 гг., в число совладельцев входили К. С. Алексеев (Станиславский), М. П. Алексеева (Лилина), Н. Г. Александров, А. Л. Вишневский, М. Ф. Желябужская (Андреева), В. И. Качалов, В. В. Лужский, С. Т. Морозов, И. М. Москвин, В. И. Немирович-Данченко, М. А. Самарова, В. А. Симов, А. А. Стахович, А. П. Чехов, О. Л. Чехова (Книппер), А. Р. Артем [133]. Капитал нового товарищества должен был составить 50 тыс. руб., причем большинству привлеченных, включая и К. С. Станиславского, С. Т. Морозов открывал кредит под векселя, который должен был погашаться из будущих театральных доходов. Взнос самого Саввы Тимофеевича в конечном итоге составил приблизительно 15 тыс. руб [134]

Большое значение инициатор организации товарищества (все пункты подробно оговаривались с К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко) придавал привлечению А. П. Чехова, которому 28 мая 1902 г. послал письмо и проект устава. Он писал: «...переговорив с Владимиром Ивановичем и Ольгой Леонардовной, я решил обратиться к Вам, не войдете ли Вы [в] состав товарищества, которое будет держать театр» [135]. Предложение было принято, и писатель решил внести 10 тыс. руб.[136] О реакции мецената сохранилось интересное свидетельство О. Л. Книппер, заметившей, что, узнав об этом, «Савва так и прыгал от восторга» [137].

Показательно, что в числе пайщиков нет ни одного «любителя искусств» из предпринимательской среды, кроме самого С. Т. Морозова. Это, конечно, не было случайностью. Предстоящие реформы требовали крупных за-

трат и смелых решений, на которые вряд ли были способны люди и для которых участие в делах театра было по сути дела лишь одной из форм самоутверждения в том обществе, где стоимость бриллиантов жены или личная ложа определяли принадлежность к кругу «избранных». Преданно и бескорыстно служить самому искусству — на такое были способны лишь немногие. И не случайно среди пайщиков, например, фигурирует А. А. Стахович. Этот представитель старинной дворянской фамилии полковник и адъютант великого князя Сергея Александровича всей душой полюбил Художественный театр, вошел в число пайщиков, а затем, отказавшись от блестящей служебной карьеры, вышел в отставку и стал членом труппы.

Устав был утвержден на общем собрании совладельцев в начале февраля 1902 г.[138] Обязанности распределились следующим образом: главный режиссер — К. С. Станиславский, заведующий труппой и текущим репертуаром — В. В. Лужский, председатель правления — С. Т. Морозов, художественный директор и председатель репертуарного совета — В. И. Немирович-Данченко [139].

Чрезвычайно важны и показательны основные принципы деятельности Художественного театра, которые были сформулированы С. Т. Морозовым и зафиксированы в уставе товарищества. Театр должен обязательно сохранять характер общедоступного, с ценами на билеты более низкими, чем в большинстве других драматических театров, а «репертуар театра должен придерживаться пьес, имеющих общественный интерес» [140]. Не погоня за коммерческими доходами любой ценой, а именно общественная значимость спектаклей ставилась в центр деятельности.

Товарищество создавалось на три года, в течение которых С. Т. Морозов брал на себя все финансовые расходы, связанные с этим заботы и тем самым освобождал руководителей труппы от изматывающих хлопот, позволяя им сконцентрироваться на творческом процессе. Летом 1902 г., обращаясь к труппе, В. И. Немирович-Данченко констатировал: «Самая трудная сторона дела — материальная — устроена как только можно хорошо заботами человека, искренне привязавшегося к нашему делу» [141]. Однако организационная структура театра и та роль, которую играл здесь С. Т. Морозов, не находили понимания в литературно-театральных кругах. «Король

фельетонистов», известный театральный критик и редактор газеты «Русское слово» В. М. Дорошевич поместил в этом издании гневную статью под характерным названием: «Искусство на содержании». В ней он однозначно осуждал ту большую роль, которую в Художественном театре играл «ситцевый фабрикант» [142]. Между тем Савва Тимофеевич не преследовал никаких корыстных целей и даже полностью отказался от возмещения ему затрат, передав право распоряжения будущими доходами труппе.

Указанные 50 тыс. рублей товарищеских взносов — это был лишь оборотный капитал, и таких средств не могло хватить для задуманной полной реконструкции лианозовского театра. Савва Тимофеевич по собственной инициативе взял на себя обязанность произвести полную перестройку здания. Он же приглашает архитектора Ф. О. Шехтеля, который согласился бесплатно подготовить проект и осуществить все необходимые строительные работы [143]. Реконструкция, а по сути дела новое строительство, началась в апреле 1902 г. и продолжалась до осени (25 октября здесь состоялся первый спектакль). Купец-меценат сам все это время проводил на стройке, лично вникал во все детали и часто даже ночевал тут же, в маленькой комнатке рядом с конторой, хотя его «палаццо» и находился совсем недалеко. Характерную сценку описал А. М. Горький: «Стоя на сцене с рулеткой в руках, в сюртуке, выпачканном известью, Морозов, пиная ногой какую-то раму, досадно говорил столярам: „Разве это работа?“» [144]. Он не просто платил по счетам, но и относился к этому строительству как к своему кровному делу и, что уже совсем было необычно для «покровителя искусств», сам «пилил, забивал, красил» и даже разработал особую технику световых сценических эффектов.

За границей были заказаны многие новейшие технические приспособления для сцены и усовершенствованное электрическое оборудование. Именно энергией и усилиями мецената за короткий срок в центре Москвы было построено первоклассное театральное помещение со зрительным залом на 1300 мест, прекрасно оборудованное, со вкусом оформленное, где были созданы все условия для работы актеров, для осуществления любых, даже самых сложных сценических постановок.

Только само строительство обошлось С. Т. Морозову в 300 тыс. руб.[145] Общие же его расходы на Художест-

венный театр в 1898—1903 гг. составили приблизительно 500 тыс. руб. Огромные, просто немыслимые средства, особенно если учесть, что подобных расходов не делали даже те меценаты, доходы которых были выше, чем у него (особняком стоит деятельность С. И. Мамонтова, о котором речь пойдет ниже). Как надо было любить сценическое искусство, любить людей театра, верить в силу новых театральных идей, чтобы несколько лет преданно служить делу, огромное значение которого раскрылось далеко не сразу. После завершения строительства, обращаясь к С. Т. Морозову, К. С. Станиславский говорил: «Для общества Вы выстроили себе рукотворный памятник, но для нас, свидетелей Вашей деятельности, Вы завершили сегодня памятник нерукотворный. В сегодняшний день, радостный для нас и искусства, я приветствую Вас как щедрого русского мецената, избравшего область искусства для идейного служения обществу. Я радуюсь и тому, что русский театр нашел своего Морозова, подобно тому как художество дождалось своего Третьякова» [146]. Сколько в этих словах великого режиссера и актера благодарности и признания!

Весной 1904 г. Савва Тимофеевич слагает с себя звание председателя правления товарищества и в силу ряда причин отходит от близкого участия в делах Художественного театра, но свой паевой взнос оставляет. К этому времени театр стоял крепко, стал признанным авторитетом и в финансовом отношении превратился в полностью платежеспособное предприятие. В силу этого он больше уже и не нуждался ни в каких субсидиях. Под влиянием А. М. Горького и М. Ф. Андреевой меценат увлекается замыслом создания еще одного театра, однако обстоятельства не позволили осуществиться этому проекту.

Есть все основания утверждать, что только поддержка С. Т. Морозова помогла Художественному театру пережить «черные денечки», встать, что называется, на ноги и обрести собственный дом. О судьбаносном значении помощи мецената всегда помнили инициаторы создания и бессменные руководители театра. В 1910 г. К. С. Станиславский писал: «Он не только поддержал дело материально, но он встал в ряды его деятелей, не боясь самой трудной, неблагодарной и черной работы» и добавлял, что без Саввы Тимофеевича дело не выдержало бы и полгода [147]. В свою очередь, на тридцатипятилетнем юбилее Московского Художественного академическо-

го театра им. А. М. Горького в 1932 г. (это название театр получил в 1919 г.) В. И. Немирович-Данченко говорил: «Если бы не С. Т. Морозов (мимо имени которого нельзя здесь пройти), мы бы, может быть, уже давно-давно перестали существовать» [148].

Выдающаяся роль купца-мецената в деле поддержки Художественного театра ставит имя Саввы Тимофеевича Морозова в один ряд с теми, кто беззаветно служил национальной культуре, оказывал развитию русской духовной традиции реальную помощь и такие неоценимые услуги, о которых нельзя забывать.

Глава 4. Подвижник прогресса

В русском языке существует довольно редко теперь употребляемое понятие «подвижник», смысл которого выдающийся русский лексикограф и писатель Владимир Иванович Даль объясняет так: человек, «славный великими делами на каком-либо поприще; доблестный деятель» [1]. Именно такой личностью и был русский купец Савва Иванович Мамонтов (1841—1918). Он прожил большую, яркую и сложную жизнь: родился в глухом «медвежьем углу» российской глубинки в мрачную эпоху «Николая Палкина» (Николая I), пережил четырех царей, крушение самодержавия и умер уже при Советской власти в «красной Москве». Был одним из выдающихся отечественных предпринимателей, и с его именем связано создание нескольких крупных предприятий. Однако, если бы его биография ограничивалась только этим, то вряд ли она представляла значительный интерес для тех, кто не является историком-профессионалом. Бескорыстное служение отечественной культуре, делу развития новых ее направлений, неустанный поиск оригинальных художественных форм в театре, музыке, изобразительном искусстве и всемерная поддержка новых дарований — именно это обессмертило имя С. И. Мамонтова.

Без преувеличения можно сказать, что если в любой аудитории задать вопрос о том, кто относится к числу известных покровителей искусства в России, то почти наверняка одним из первых (если не самым первым) будет назван С. И. Мамонтов. Такой ответ вполне закономерен. Творческая судьба С. В. Рахманинова, К. А. Коровина, Н. А. Римского-Корсакова, М. А. Врубеля, И. Е. Репина, Ф. И. Шаляпина, И. И. Левитана, М. М. Ипполитова-Иванова и ряда других ярких и самобытных представителей национальной культуры в большей или меньшей степени связана с этим меценатом. О его «жизни в искусстве» написаны специальные исследования [2]. О нем много говорится и в работах, посвященных как общим процессам художественного творчества второй половины XIX в., так и в тех, где рассматриваются биографии от-

дельных художников, композиторов, артистов. Причем, С. И. Мамонтов был одним из немногих меценатов в России, который не только понимал прекрасное, стремился культивировать и пропагандировать его, но и имел определенные творческие данные: неплохо пел (учился пению в Италии), писал музыку, сочинял стихи и пьесы, разрабатывал новую технологию изготовления керамики, создавал скульптурные произведения. По справедливому замечанию К. С. Станиславского, «трудно охватить и оценить его многогранный талант, сложную природу, красивую жизнь, многостороннюю деятельность» [3].

В отдельном очерке невозможно обрисовать даже наиболее примечательные страницы жизни этого разностороннего человека. Учитывая, что «мамонтоведением» уже многое изучено и описано, обратимся в первую очередь к тем страницам его жизни, о которых известно немного или которые не освящены совсем. В данном случае исследователям чрезвычайно повезло: в их распоряжении имеется личный фонд С. И. Мамонтова, находящийся в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ. Ф. 799), включающий письма Саввы Ивановича и различных его корреспондентов, собственные биографические заметки, воспоминания некоторых близких ему лиц, альбомы семейных фотографий и т. д. Это вообще большая удача, особенно если учесть, что аналогичных собраний документов, отражающих жизнь и деятельность многих других предпринимателей-меценатов почти не сохранилось. Кроме того, о Савве Ивановиче писали мемуаристы, его деятельность обсуждалась и освещалась в прессе, о нем говорится и в других источниках. Все это позволяет надежно документировать почти все важнейшие вехи его биографии.

Происходил С. И. Мамонтов из старинного торгового рода, и купцом уже в конце XVIII в. был его дед Федор Иванович Мамонтов, похороненный в Звенигороде под Москвой [4]. У него было три сына: Николай, Иван и Михаил. От братьев Николая и Ивана (у Михаила детей не было) и пошли две ветви предпринимателей Мамонтовых. Федор Иванович своим сыновьям состояния не осставил и умер, когда они были еще детьми (Иван имел всего девять лет от роду). Круглых сирот (мать умерла еще раньше) взял на воспитание их дядя, купец Аристарх Иванович Мамонтов, занимавший должность управляющего откупом в городке Мосальске Смоленской губернии. Здесь же, при откупной конторе, и началась

трудовая деятельность Николая и Ивана Федоровичей. Позднее Иван Федорович Мамонтов (1796—1869) женился на дочери мосальского купца — Марии Тихоновне Лахтиной. С начала 30-х годов XIX в. Николай и Иван занимаются винным откупным промыслом самостоятельно, но об этой деятельности конкретных сведений почти не сохранилось[5]. В 40-х годах Николай Федорович уже жил в Москве, где открыл фабрику сургуча, лаков и красок, которая в 1854 г. приобретает форму товарищества под фирмой «Братья А. и Н. Мамонтовы» (сыновья Н. Ф. Мамонтова). Им же принадлежал и пивной завод на Пресне.

Иван Федорович занимался откупом в Сибири. Сначала в городке Шадринске, а затем в небольшом уездном центре Тобольской губернии — Ялуторовске, расположенном на старинном Сибирском тракте, где у него и появился четвертый ребенок — сын Савва. В выписке из метрической книги местной Вознесенской церкви говорится: «Сего 1841 года, месяца октября... записан Савва, рожденный второго и крещенный девятого числа означенного месяца. Родители: в городе купец Иван Федоров Мамонтов, законная жена Мария Тихоновна, оба вероисповедания православного...»[6] В этой купеческой семье родилось еще семь детей: Александра, Федор, Анатолий, Николай, Ольга, Мария, Софья (две последние дочери умерли в детстве).

Ялуторовск был тихим провинциальным городком, о котором известно немного. Примечателен же он стал тем, что здесь с конца 20-х годов XIX в. власти разрешили проживать декабристам, отбывшим срок каторги. В этом, самом западном из доступных для них пунктов Сибири возникла небольшая колония ссыльных-поселенцев, лишенных прав состояния дворян из числа известных деятелей декабристского движения. Первым в 1829 г. прибыл сюда участник многих военных кампаний, бывший полковник и командир Полтавского пехотного полка В. К. Тизенгаузен (1779—1857). Годом позже сюда же перебрались бывшие полковники А. В. Ентальцев (1788—1845) и В. И. Браницкий (1785—1832). Оба они умерли и похоронены в Ялуторовске. Позднее там же жили барон А. И. Черкасов (1799—1855), отставной капитан И. Д. Якушкин (1793—1857), отставной подполковник М. И. Муравьев-Апостол (1793—1886), князь Е. П. Оболенский (1795—1865), поручик Н. В. Басаргин (1800—1861). Ялуторовск связан и с именем декабриста, одно-

кашника по Царскосельскому лицею и близкого друга А. С. Пушкина — Ивана Ивановича Пущина (1797—1859), который с 1843 по 1856 г. (с небольшими перерывами) проживал там [7].

Появление в этом «богом забытом» месте высокообразованных, благородных и сострадательных людей не могло не отразиться благоприятно на жизни ялуторовских обывателей. Почти каждый из декабристов являл собой пример небывалой и непонятной жизни, где главным были возвышенные цели и устремления. Они непосредственно способствовали развитию просвещения, учили грамоте всех желающих, а по инициативе и при непосредственном участии, например, И. Д. Якушкина в Ялуторовске было учреждено училище для мальчиков и девочек.

Общением с этими людьми дорожил занимавший достаточно видное положение И. Ф. Мамонтов, который не боялся принимать у себя дома этих «государственных преступников». Очевидец жизни декабристов в Сибири свидетельствует: «В начале 1840-х годов лучшее общество маленького невзрачного города Тобольской губернии Ялуторовска составляли государственные и политические преступники, но как те, так и другие жили особняком от местных чиновников, показываясь только изредка у местного протоиерея Знаменского, человека почти святой жизни, у исправника Меньковича, славившегося в тогдашнее время по всей губернии своим бескорыстием, у купцов И. Ф. Мамонтова, впоследствии известного московского богача, а тогда управляющего местным откупом, у Н. Я. Балакшина и у некоторых из молодых учителей уездного училища» [8].

Савва Иванович в своей «Автобиографии» писал, что отец был «близок и как будто родственно связан с некоторыми из декабристов. К сожалению, связь эта была покрыта строгой тайной» [9]. Вряд ли можно теперь установить степень и характер этих отношений, которые как будто бы имели даже родственную окраску, но не менее важно и другое. Сам факт близкого общения купца первой гильдии (с 1843 г.) И. Ф. Мамонтова с «людьми 14 декабря» подчеркивает то, что в доме богатого откупщика знали цену настоящим, высокообразованным и просвещенным людям. Такая атмосфера семьи безусловно оказала влияние на формирование личности Саввы Ивановича.

В конце 40-х годов И. Ф. Мамонтов перебирается в Москву. Очевидно, откупной промысел был удачным.

и семья Мамонтовых устраивается в древней столице буквально «по-барски»: арендуется роскошный особняк на Первой Мещанской, принадлежавший ранее графам Толстым, где даются званые вечера и балы. Среди гостей было много влиятельных «сановно-сиятельных» лиц, включая известного самодура и солдафона николаевской эпохи московского генерал-губернатора А. А. Закревского. Мы не знаем, насколько такой уклад отвечал жизненным представлениям хозяина дома, однако сам род его занятий ко многому обязывал. Он приехал в Москву не за тем, чтобы «прожигать жизнь», но с целью возглавить обширное откупное хозяйство в Московской губернии. Для занятия такой должности в столь важном районе надо было иметь безупречную деловую репутацию и, что особенно важно, пользоваться доверием петербургских «правительственных сфер», от которых зависело такое назначение, и расположением местной администрации.

В это время Мамонтовы прочных связей в среде московского купечества еще не имели. На богатых откупщиков местные торговцы и промышленники смотрели косо, как на «чужаков»; им завидовали, не любили и не доверяли. Однако и сами братья Мамонтовы вначале и не стремились завоевать расположение в этой среде и даже не причислялись к местному купеческому обществу. Николай Федорович числился «мосальским купцом», а Иван Федорович приехал в Москву и прожил здесь первые годы в звании «чистопольского первой гильдии купца» и в качестве такового был в 1853 г. возведен в потомственное почетное гражданство [10]. В дальнейшем род Мамонтовых завоевал видное место в московском купеческом мире, а его представители породнились (что являлось одной из форм общественного признания) со многими старинными и влиятельнейшими фамилиями. И уже в 60-х годах, например, Иван Николаевич Мамонтов играл значительную роль в купеческом обществе и городском управлении и даже баллотировался на должность городского головы [11].

В Москве изменяется и характер воспитания детей в семье Ивана Федоровича. Вместо добрых, но малограмотных нянек у старших сыновей (Федора, Анатолия, Саввы) появляется гувернер, выпускник Дерптского университета Ф. Б. Шпехт, который обучает их европейским манерам и иностранным языкам. Но, как и в других купеческих семьях, новое здесь соседствовало со старым, и за непослушание и нерадивость, как вспоминал Сав-

ва Иванович, «меня клали на кровать и секли». Экзекуции выполнял сам гувернер, «страстный любитель певчих птиц», причем постоянно «розги в аккуратных пучках висели в спальне» и «справно действовали» [12].

В конце 1852 г. в доме на Мещанской умирает мать. В семье надолго воцаряется траур. Иван Федорович продает особняк Толстых известному московскому миллионеру А. И. Хлудову и переезжает с детьми в более простой дом на Новой Басманной. Он серьезно озабочен будущим детей и стремится дать им систематическое образование. Анатолия и Савву определяет во Вторую московскую гимназию на Елоховской улице: старшего в четвертый класс, а младшего — во второй. Ни особого старания, ни прилежания Савва в гимназии не проявлял, и через год отец решает определить сына в Институт Корпуса гражданских инженеров (Горный корпус), который давал выпускникам инженерное образование. В этом выборе сказалась прозорливость Ивана Федоровича, который на заре железнодорожного строительства и индустриализации осознал важность инженерной профессии.

Для поступления в Корпус надо было держать экзамены, и все лето 1854 г. Савва и его двоюродные братья Анатолий и Валерьян (младшие сыновья Николая Федоровича, который в это время был уже серьезно болен, и заботу о них взял на себя Иван Федорович) провели в Петербурге, на квартире одного из преподавателей, усиленно готовясь к испытанию. Они его выдержали, и 18 августа того же года были зачислены в Горный корпус. Это было казенное военизированное учебное заведение, питомцы которого получали не только общие и специальные знания, но и военную подготовку, а выпускникам присваивался военный чин. Вспоминая об этом периоде своей жизни, Савва Иванович писал: «Странно и чудно мне было попасть в строгий режим военной жизни: маршировки, ружейные приемы и вообще строгое обращение офицеров с детьми» [13]. Из общеобразовательных предметов преподавали русский, французский и немецкий языки, рисование, географию, древнюю историю, арифметику, алгебру, геометрию, чистописание и «закон божий». Проучился здесь Савва полтора года до января 1856 г. и, как явствует из свидетельства, «был поведения хорошего» [14].

Сложнее было с прилежанием. Вообще, для понимания личности Саввы Ивановича необходимо учитывать то, что он был чрезвычайно увлекающимся человеком,

страстно и целиком посвящавшим себя заинтересовавшим его предметам и делам. В то время часто забывал и игнорировал многое другое, что казалось ему несущественным. «Увлеченность интересным» проявилась у него уже в детстве. Он, например, очень быстро и прекрасно изучил немецкий язык и всегда имел по этому предмету только высшие оценки, но не мог осилить латынь и получал одни лишь двойки и тройки.

Трудно сказать, как отразилось почти двухлетнее пребывание Саввы Ивановича в Петербурге на формировании личности. В его воспоминаниях лишь сказано, что в свободное время он посещал дом своей старшей сестры Александры, которая, выйдя замуж за дворянина К. Карповича, «довольно шикарно жила в Петербурге» [15]. Однако о том, с кем дружил, что читал, чем еще интересовался, как открывал для себя разные стороны жизни «Северной Пальмиры» — об этом сведений не сохранилось. Вместе с тем известно, что успехами в учебе он не отличался, о чем и сообщал Ивану Федоровичу его зять. В апреле 1855 г. отец обращается к четырнадцатилетнему сыну с письмом-наставлением, где высказывает свое недовольство и в конце замечает: «Я благословляю тебя, прошу и приказываю бросить лень, учиться хорошо и баллами в успехах показать мне, что ты послушный и заботливый к исполнению отцовских приказаний сын» [16].

До нас дошли десятки писем Ивана Федоровича Савве и несколько его — отцу. Эта переписка, охватывающая период с середины 50-х годов до конца 60-х,— ценнейший источник как для понимания роли отца в становлении личности Саввы, так и для выяснения вообще характера отношений между различными поколениями в среде крупного купечества применительно к середине XIX в. Насколько известно, подобных материалов, относящихся к другим купеческим фамилиям, не сохранилось, что придает этим документам особое значение. Корреспонденты питали глубокое взаимное уважение. Лаконичные по форме и сдержанные по тону письма Ивана Федоровича проникнуты заботой о сыне, его здоровье и благополучии. Обращается к нему всегда как к равному. Вместе с тем ненавязчиво, но последовательно старший Мамонтов старается объяснить те жизненные принципы, которые представляются важнейшими: физическое и нравственное здоровье и трудолюбие. Приведем некоторые характерные выдержки: «Не будь излишне праздным, временем располагай разумно, помни, что праздность есть мать всех

пороков»; «внимание к самому себе и трудолюбие есть твердый оплот в жизни»; «без труда и забот жизнь пуста»; «надобно трудиться правильно, как трудится каждый добрый гражданин, добросовестно, не надеясь на чужие силы» [17] и т. д. Подобные наставления оказывали свое влияние далеко не сразу. Пройдут годы, и, превратившись уже во взрослого человека, Савва Иванович найдет приемлемую «формулу жизни», сочетающую серьезные занятия предпринимательством и потребности души в некоммерческих занятиях.

Обучение в Горном корпусе оборвалось внезапно: от эпидемии скарлатины скоропостижно умирает кузен Валерьян, и отец забирает сына в Москву, где определяет его в четвертый класс все той же Второй гимназии. В этом учебном заведении он находится несколько лет, вплоть до выпускного седьмого класса. Успехами в учебе он опять не отличался. Скажем, за 1856 г. он имел такие оценки: Закон божий — 5, русский — 2, география — 2, история — 3, математика — 4, естественная история — 3, немецкий — 5, французский — 4, латинский — 3 [18]. В седьмом классе в 1860 г. он не выдержал выпускной экзамен по латинскому языку и должен был остаться на второй год. Это был, что называется, конфуз. Взрослый, почти девятнадцатилетний молодой человек не получал свидетельства и зачислялся во второгодники. И отец, и сын тяжело переживали случившееся. Однако нашлись догадливые люди, порекомендовавшие «удачную комбинацию»: Савва поехал поступать в Петербургский университет (свидетельство об окончании гимназии было необязательно), а латынь за него сдавал другой человек. Этот «маленький подлог» помог молодому Мамонтову стать студентом Петербургского университета, а затем перевестись на юридический факультет Московского университета. Осенью 1860 г. С. И. Мамонтов приступил к занятиям и, как позднее вспоминал, «посещал лекции с большим интересом и с большим вольнодумством» [19].

В это время он уже серьезно увлекается сценическим искусством. Интерес к удивительному миру «чувств, образов и звуков» проявлял он и раньше. Его дневник за 1858 г. содержит множество записей о посещении театральных спектаклей. Юный гимназист-театрал в своей заветной тетрадке не только перечисляет постановки и ведущих актеров, но, что особенно примечательно, дает собственную оценку пьесам и уровню исполнительского мастерства актеров. Посетив в Малом театре 13 января

1858 г. бенефисный спектакль великого М. С. Щепкина (давались четыре одноактные пьесы), С. И. Мамонтов замечает: «Спектакль был не особенно хорош, меня удивляет, неужели Щепкин не умеет выбрать себе пьесу для бенефиса; достаточно всеми уважения то, что он больше обращает внимания на политические обстоятельства времени и большее соображается с духом его, но принимают его пьесы очень хладнокровно, даже одну совсем ошикали... Роли были исполнены великолепно, об этом и говорить нечего, главное, чувствителен самый недостаток пьесы» [20].

Много в дневниковых записях наивных, юношески-максималистских суждений, но они показывают, что театр стал важной и непременной частью жизни молодого человека. Он посещает спектакли охотно и регулярно: только в январе восемь раз. Интересуют его разные жанры: опера, балет, водевиль, драма. Насколько можно судить, батюшка не возражал против этого (заядлыми театралами были и старшие братья, особенно Анатолий), давал деньги на билеты, да и вообще в доме Мамонтовых не было принято прибегать к запретительным мерам (за редкими исключениями). Пытаясь добиться нужных результатов и «отвратить от опасных соблазнов», отец действовал убеждением, а не запретом.

Дневниковые записи позволяют судить о духовных запросах и времяпрепровождении юноши-гимназиста. Автор меньше всего уделяет внимания собственно гимназическим делам и обычно ограничивается однотипной фразой: «в гимназии ничего интересного не было». Однако вне стен учебного заведения интересы были самые разнообразные и не ограничивались только горячо любимым театром. Подробно описывались регулярные вечера в кругу многочисленной родни, происходившие и в своем доме, и у дядюшки Николая Федоровича на Пресне. Дружеские разговоры, музицирование, пение, обсуждение спектаклей и книг было обязательным на таких встречах. Много содержится в дневнике и других примечательных штрихов жизни молодого Саввы Ивановича. Скажем, 31 января он записывает: «Сегодня утром ходил к Александру на фабрику (речь идет о двоюродном брате Александре Николаевиче.— *А. Б.*), у него был Булахов, он пробовал мой голос, говорит, что у меня баритон и может образоваться хороший голос, если мне им заниматься» [21].

Будущий меценат уже в описываемый период был в курсе современной литературы, читал популярные демо-

кратические журналы «Отечественные записки» и «Современник», а ознакомившись с первой частью только что опубликованного романа А. Ф. Писемского «Тысяча душ», заключает: «Очень хорошо по-моему, характеры очень сильные... я не ожидал этого от Писемского». Выясняется, что в это время гимназист сам уже пишет комедию [22]. Посетив службу в церкви Практической академии, заметил: «Надо принять к сведению, что там хороший тенор» [23]. Из дневника следует, что Савва Иванович регулярно брал уроки фехтования и, по его мнению, «скоро можно будет и, не краснея, драться при других» [24]. Указанные дневниковые записи, охватывающие несколько месяцев 1858 г., рисуют портрет достаточно образованного человека. Вместе с тем автор собой недоволен, считает, что много времени «пропадает зря», и, например, 19 февраля писал: «Я чувствую, мне совесть говорит, „занимайся, делай дело, после будешь раскаиваться", но все проклятая лень и беспечность разоряют все хорошие и благонамеренные планы, и мне даже самому на себя досадно, как это у меня не достает твердости переломить себя» [25].

Несомненно, очень большую роль в формировании личности Саввы Ивановича играли его близкие, духовная атмосфера той части общества, к которой принадлежали Мамонтовы и которую было принято называть «образованными кругами». К этому времени семья Ивана Федоровича переехала с Басманной в новый дом на Воронцово поле (улица Обуха). Одновременно приобретается имение Киреево около Химок под Московй. Это место становится «родовым гнездом» Мамонтовых на многие годы. В семье царила открытая, доброжелательная атмосфера, нелишенная и общественных интересов. Бурные события российской действительности 50-х — начала 60-х годов XIX в.; Крымская война, смерть Николая I и воцарение Александра II, подготовка «великих реформ» и отмена в 1861 г. крепостного права — все это способствовало пробуждению общественной жизни, вызывало живейший интерес в различных слоях общества. В 1856 г. получили амнистию декабристы, и некоторые из них по прибытии в Москву останавливались в доме Ивана Федоровича [26].

Время николаевской мертвечины, всеобщей муштры и мелочной регламентации уходило в прошлое. Тон начинали задавать новые люди и идеи. Менялись и экономические условия. Раскрепощалась частная инициатива,

и наиболее дальновидные и предприимчивые представители купечества смелее стали браться за большие начинания, осуществление смелых проектов. В это число входил и И. Ф. Мамонтов, который уже давно имел дружеские и близкие деловые отношения с крупнейшим предпринимателем середины XIX в. Василием Александровичем Кокоревым (1817—1889), занимавшимся винным откупом сначала в Сибири, а затем возглавившим откупное дело в Петербургской губернии. Еще в конце 40-х годов В. А. Кокорев начал вести торговые операции с Персией и был одним из «пионеров» промышленного освоения Закавказья (по его инициативе в Баку в 1859 г. был выстроен первый нефтеперегонный завод). Два крупнейших откупщика — В. А. Кокорев и И. Ф. Мамонтов — основали в 1857 г. в Москве Закаспийское торговое товарищество, специализировавшееся первоначально на экспортно-импортных операциях, главным образом с шелком. Это был экзотический товар в России, спрос на который постоянно рос, и промысел давал хорошую прибыль. Некоторые купеческие семьи: Веденисовы, Сапожниковы, Зензиновы, Щенковы начали вкладывать деньги в это занятие и сделали себе на нем состояния.

Однако деловые интересы Ивана Федоровича не ограничивались только этим. Накопив значительный капитал на откупах, он помещал средства в городскую недвижимость (строительство Лоскутной гостиницы на Тверской и Мамонтовской на Москворецкой набережной) и в железнодорожное строительство. При его деятельном личном и финансовом участии была построена одна из первых железнодорожных линий в России — Троицкая железная дорога, связавшая Москву с древним Троице-Сергиевым посадом протяженностью 66 верст. Концессия была получена в конце 1859 г., а летом 1862 г. началось регулярное движение. Старший Мамонтов вложил в это общество 460 тыс. руб. и был избран членом правления [27]. С самого начала дело оказалось очень прибыльным, и Иван Федорович справедливо считал, что у железнодорожного строительства в России большое будущее.

Многочисленные деловые обязанности часто отрывали отца от детей и ему приходилось отсутствовать по нескольку дней. Жизнь же Саввы текла размеренно и неторопливо. Не обременяя себя усердными занятиями в гимназии, а затем в университете, он все больше увлекался тем, что, казалось бы, никогда не будет иметь никакого отношения к предпринимательским занятиям —

театром. В студенческое двухлетие он не только, как и раньше, остается усердным зрителем, но увлекается и театральным любительством. В то время частные труппы еще не были разрешены, но существовали различные кружки, самым известным из которых был Секретаревский драматический (по имени владельца дома, где устраивались спектакли). Возглавляли его А. Н. Островский и А. Ф. Писемский. «Почтенные литераторы,— вспоминал Савва Иванович,—очень нас любили, да и было за что, ибо мы из сил рвались и играли очень забавно» [28]. С головой ушел в эти занятия Савва и в начале августа 1862 г. дебютировал в пьесе «Гроза» в роли Кудряша, причем Дикого играл сам Александр Николаевич Островский. На спектакль пришел Иван Федорович, и молодой дебютант видел, как «он вытирал слезу в последнем акте» [29].

Однако сентиментальная слеза не могла поколебать деловую натуру отца, который был серьезно обеспокоен и будущим Саввы, и всего семейного дела. Старшие сыновья, Федор и Анатолий, склонности к предпринимательству не проявляли. Что же касается младшего, то Иван Федорович, конечно, не мог даже представить, что любовь к театру и участие в спектаклях может стать судьбой. Такое купцу вообразить было невозможно. Однако, до поры не препятствуя театральным увлечениям, он с тревогой видел и другое: «несерьезные» интересы и, как казалось, праздное времяпрепровождение все больше и больше увлекали третьего сына. Улетучивались и надежды на успешное завершение им университета. Отец решает прибегнуть к радикальным мерам и непосредственно начать приобщать его к предпринимательским занятиям. Вскоре после указанного спектакля отец объявляет Савве, что ему необходимо по делам Закаспийского товарищества отправиться в Баку, куда тот через Нижний Новгород, Казань и Астрахань и прибыл 4 сентября 1862 г. Главная цель всей этой затеи состояла в том, чтобы отвратить наследника от «непозволительных столичных удовольствий».

После Петербурга и Москвы маленький (около 10 тыс. жителей), пыльный, прокаленный солнцем Баку, где не было ни друзей, ни знакомых, произвел на Савву Ивановича гнетущее впечатление. Сразу стало ясно, что деловой надобности в его прибытии не было, и сын совладельца фирмы был устроен простым служащим под началом директора бакинского отделения товарищества.

Менее чем через три недели, 21 сентября, молодой «негоциант» посылает отцу письмо, в котором выражает свои сетования на собственное положение, просит соизволения вернуться и считает, что и в Москве сможет найти работу своей голове и рукам. В ответном письме Иван Федорович откровенно объясняет необходимость подобного шага, продиктованного заботой о его будущем. «Что там жить-то не весело, тяжело и нудно, в этом я совершенно согласен, но такая жизнь не сделает тебе вреда, а на практике тебе укажет, как нелегко добывать то количество денег своими трудами, которое нужно для жизни в довольстве. Обдумывай это заботливо,— писал отец,— милый Савва, будь терпелив и тверд, пробивай себе дорогу собственными заботами о себе, стерпится — слюбится». В Москве же, констатировал Иван Федорович, «одно лишь развлечение на глазах и чад в голове», и в качестве примера непозволительной жизни ссылался на сыновей Федора и Анатолия, «которые не могут жить и содержать себя самодворно, ничего пе делают, скучают и ходят с туманом в голове». Желая как-то утешить сына, в конце добавил: «Жалование тебе вероятно положили немного, а чтобы ты не нуждался, то будешь получать из Москвы ежемесячно по пятьдесят рублей, чего однако же не говори никому, чтобы надо мной не смеялись» [30].

Видя непреклонную волю отца, Савва смирился, целиком погрузился в новые для него торговые занятия, довольно быстро вошел во вкус и стал проявлять завидную сноровку и деловые способности. Отец, которого постоянно информировали служащие фирмы о делах и времяпрепровождении его отпрыска, был искренне удивлен и обрадован. Уже в конце декабря 1862 г. он пишет: «Скажу тебе чистосердечно: я тобой по сей час совершенно доволен и буду молить бога, чтобы он утешил меня тобой. Привыкай к труду... это послужит к твоему и семейному счастью» [31]. Иван Федорович начинает в письмах вводить Савву в курс семейных финансовых дел и уже к весне следующего года говорит с ним как с законным наследником и компаньоном. Пробыл Савва Иванович в Баку, а затем в Персии около года и по собственному признанию «вернулся в Москву уже признанным дельцом» [32].

Осенью 1863 г. Савве Ивановичу руководители Закаспийского товарищества доверяют заведовать центральным Московским отделением фирмы. Однако вскоре он тяжело заболевает, и после продолжительной болезни и

трудного выздоровления врачи советуют Ивану Федоровичу отправить Савву за границу. В начале 1864 г. отец командирует его в Италию, чтобы поправить здоровье и одновременно ознакомиться с торговлей шелком. Северная область Италии — Ломбардия издавна была известнейшим районом шелководства и шелкоткачества в Европе, а столица области — город Милан являлся крупнейшим центром шелковой торговли. Однако этот город был вместе с тем и местом сосредоточения художественной жизни и своеобразной столицей оперного искусства, а крупнейший миланский театр «Ла Скала» — общепризнанной «первой сценой» мировой оперы.

Несколько месяцев пребывания в Милане оказались для молодого Мамонтова весьма примечательными. Подробности того, как он овладевал премудростями коммерческой науки, не сохранились, однако доподлинно известно, что именно в этот период он «серьезно заболел» оперным искусством. Савва Иванович знакомится с лучшими постановками, слушает ведущих вокалистов и сам начинает брать уроки пения (как видно, советы композитора и педагога П. П. Булахова не были забыты). Не без юмора С. И. Мамонтов позднее писал, что во время занятий с маэстро извозчики, стоянка которых располагалась под окнами снимаемой им комнаты, «не выдерживали и уезжали» [33]. В Милане общительный и жизнедеятельный С. И. Мамонтов быстро перезнакомился со всеми русскими, обучавшимися здесь певцами, начал разучивать с ними оперные партии и даже, добившись заметных успехов в искусстве вокала, получил приглашение выступить в одном из миланских театров «второй руки». Однако дебют на оперной сцене не состоялся. Иван Федорович, узнавший об очередных «непозволительных занятиях» сына, отзывает его в Москву.

Эта первая поездка в Италию (в дальнейшем он побывает здесь неоднократно) примечательна и еще одним событием в жизни молодого дельца-меломана. Именно в Милане он близко знакомится с дочерью известного московского купца, крупного шелкоторговца Григория Григорьевича Сапожникова Елизаветой (1847—1908), ставшей его женой. Ее мать, Вера Владимировна Алексеева, была сестрой Сергея Владимировича Алексеева — отца Константина Сергеевича Станиславского, а другой брат матери Александр Владимирович — отцом Н. А. Алексеева, избранным впоследствии московским городским головой. В иерархии московского купечества Сапожниковы—

Алексеевы уже в 60-е годы занимали высокое положение и их согласие на брак служило признанием того авторитета, которым уже пользовались Мамонтовы.

Вообще в семьях «именитого купечества» женитьба сына или замужество дочери было всегда крупным событием. Каждая «партия» подробно обсуждалась среди родственников и знакомых, а о претендентах «на руку и сердце» своих отпрысков и наследников собиралась самая подробная информация. Важно было и «честь семьи не уронить» (марки фамилии и фирмы тесно переплетались), и добиться того, чтобы брак пошел на благо семейному делу. Ивану Федоровичу в этом смысле не особенно везло. Причина, по его мнению, коренилась в том, что он предоставлял большую свободу как в выборе детьми своих личных занятий, установлении круга знакомств, так и в устройстве семейных дел. Старший сын Федор женился на неприметной дочери красноярского первогильдейского купца О. И. Кузнецовой, и, хотя получил хорошее приданое (100 тыс. руб. серебром), отцу этот брак радости не доставил. Сын Анатолий вообще женился вопреки отцовской воле на певице М. А. Ляпиной, с которой познакомился (удивительное совпадение!) в Милане за несколько лет до приезда туда Саввы.

Решение же третьего сына Иван Федорович сразу же и безоговорочно одобрил. «Выбор твой указанной невесты, Лизы Сапожниковой,— писал он сыну в ноябре 1864 г.,— есть выбор правильный и достойный» [34]. Избранница, хотя и имела всего около 17 лет от роду, но по тогдашним меркам была девушка образованная, начитанная, получившая музыкальное образование, много и неплохо играла на фортепьяно. Как позднее сама писала: «Я очень любила стихи, много занималась музыкою и страстно любила немецких классиков, особенно Бетховена и Шумана» [35]. Свадьба состоялась в апреле 1865 г. в Кирееве, где они и прожили первые несколько недель, а затем уехали в свадебное путешествие в Италию. У Саввы Ивановича и Елизаветы Григорьевны родилось пятеро детей: Сергей (1867 г.), Андрей (1869 г.), Всеволод (1870 г.), Вера (1875 г.), Александра (1878 г.) [36].

Вернувшись осенью 1865 г. в Москву, молодая чета поселилась в доме на Садово-Спасской, который купил для них Иван Федорович. Этот особняк постепенно превратился в один из интереснейших центров художественной жизни не только Москвы, но, пожалуй, и всей России. Первоначально небольшой, двухэтажный (каменный

низ, деревянный верх), неоднократно перестраиваясь и расширяясь, дом к концу XIX в. имел пятнадцать комнат на первом этаже, одиннадцать — на втором и четыре — в мезонине и обширный зимний сад [37]. (До нашего времени сохранился лишь частично — Садовая-Спасская, дом 6.)

Но все это было позднее. Пока же отец приобщал сына к железнодорожному предпринимательству. В 60-е годы начала строиться дорога на Ярославль, и И. Ф. Мамонтов был крупным акционером и директором общества Московско-Ярославской железной дороги. Возглавлял же эту компанию Ф. В. Чижов (1811—1877). Бывший профессор математики Петербургского университета, образованный человек, близко знавший Н. В. Гоголя, И. С. Аксакова, Н. М. Языкова, А. А. Иванова, В. Д. Поленова и других писателей и художников, он играл заметную роль и в кругах славянофилов, был одержим идеей экономического развития северных областей России. Проникся симпатией к молодому, энергичному и умному Мамонтову, став на многие годы его покровителем и наставником, причем, не только в железнодорожных делах [38].

Конец 60-х — 70-е годы были важным периодом в жизни С. И. Мамонтова. В августе 1869 г. умирает Иван Федорович, и Савва Иванович начинает заниматься предпринимательством самостоятельно. Мы не знаем, какое наследство оставил своим детям бывший откупщик, но несомненно, что третий сын был вполне обеспеченным человеком, и, казалось бы, мог не волноваться за будущее своей семьи. Под влиянием Ф. В. Чижова Савва Иванович не покидает деловой мир, постепенно втягивается в занятия, набирается коммерческого опыта. В течение нескольких лет фигурирует сначала в качестве кандидата в члены правления, затем члена, а в 1872 г., по рекомендации председателя Ф. В. Чижова, занимает ответственный пост директора Общества Московско-Ярославской железной дороги. Эта железнодорожная линия была открыта для движения в 1870 г.[39]

Одновременно он является владельцем торговой конторы, специализировавшейся на поставках строительных материалов (операции с шелком были прекращены еще в 60-е годы). В начале 70-х годов Савва Иванович уже играет заметную роль и в общественных организациях: избирается гласным городской думы и действительным членом Общества любителей коммерческих знаний [40]. Еще раньше причисляется к московскому купечеству.

В справочной книге купеческого общества на 1873 г. о нем говорится: «Мамонтов Савва Иванович, 31 год, купец 1 гильдии, потомственный почетный гражданин, в купечестве с 1866 года. Жительствует в Сретенской части, в приходе церкви Святого Панкратия у Сухаревой башни, на Садовой улице в собственном доме. Торгует лесом. Состоит выборным от московского купечества с 1869 года» [41].

После смерти отца Киреево унаследовал старший брат Федор, а Савва Иванович и Елизавета Григорьевна решают приобрести собственный дом в сельской местности. Такое желание диктовалось не престижными соображениями, а искренней тягой к природе и убеждением, что дети должны расти в простой здоровой среде. Неизвестно, кто сообщил Мамонтовым о том, что по Ярославской дороге, в нескольких верстах от станции Хотьково, продается усадьба писателя С. Т. Аксакова, которого здесь посещали Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, Ф. И. Тютчев, М. С. Щепкин и другие выдающиеся люди. Самого Сергея Тимофеевича и его жены к этому времени уже не было в живых, а владелицей была дочь Софья. В марте 1870 г. супруги Мамонтовы поехали осматривать Абрамцево. Елизавета Григорьевна писала: «Въехав в просеку монастырского леса и увидав на противоположной горе уютный, серенький с красной крышей дом, мы стали восхищаться его местоположением... В доме оставалась кое-какая аксаковская мебель, портреты и рисунки. Дом был настолько плох, что нечего было и думать поселиться в нем, не переделавши его основательно» [42]. Однако живописная местность, окружавшая усадьбу, как и историческое очарование самого дома определили решение — покупать.

Быстро была оформлена на имя Елизаветы Григорьевны купчая, и за 15 тыс. руб. Мамонтовы стали собственниками запущенного, но довольно обширного имения (285 десятин) [43]. В конце весны здесь начались различные строительные работы: укреплялся фундамент, заменялась кровля, перекладывались печи, перестилались полы. Дом был капитально отремонтирован к осени. В дальнейшем неутомимый Савва Иванович, который всю самостоятельную жизнь постоянно что-то сооружал и организовывал, превратит Абрамцево в благоустроенную в хозяйственном и бытовом отношении усадьбу. Здесь будут построены: больница, школа, мост, плотина на реке Воре, мастерские для художников, церковь и множество мелких построек как в самой усадьбе, так и около нее;

улучшена дорога, создана оранжерея и разбит прекрасный сад. Сам хозяин дома всей душой полюбил эти места. «Не будь Абрамцева, жизни с природой, безотрадно было бы»,— писал он жене [44].

Однако Абрамцево примечательно, конечно, не только этим. Стараниями Саввы Ивановича оно стало одним из крупнейших «оазисов» духовности и культуры в России. В последней четверти XIX в. здесь бывали, жили или работали И. С. Тургенев, Н. Г. Рубинштейн, И. Н. Крамской, И. Е. Репин, В. А. Серов, К. А. Коровин, И. И. Левитан, М. В. Нестеров, В. Д. Поленов, М. А. Врубель, К. С. Станиславский, Ф. И. Шаляпин, М. Н. Ермолова, Г. Н. Федотова, М. М. Антокольский и многие др. Трудно найти иное место, связанное с таким «созвездием» выдающихся имен. Конечно, для некоторых из перечисленных художников, писателей, артистов и музыкантов пребывание в Абрамцеве — это лишь, что называется, «строка в биографии». Для других же — это важная веха в творческой судьбе. В России было множество усадеб и более богатых, и более благоустроенных, владельцы которых «почли за честь» принять у себя выдающихся деятелей культуры. «Неименитые» же вниманием, как правило, не пользовались. У Саввы Ивановича было по-другому. Здесь были рады всем и ко всем относились уважительно, деликатно, а тем, у кого было желание творить, для этого предоставлялись все возможности.

Интерес к искусству, к людям, его олицетворявшим, отличал Савву Ивановича и в юные годы, и в пору зрелости, и в старости. Чувствуя эту неподдельную тягу, знания, высокий эстетический вкус купца, и сами представители, как теперь говорят, творческой интеллигенции платили ему взаимной симпатией. Своеобразный душевный и интеллектуальный магнетизм С. И. Мамонтова способствовал возникновению «мамонтовского кружка», объединившего общностью духовных и эстетических интересов хозяев Абрамцева и многих блестящих представителей художественной культуры конца XIX в.

Художники стали появляться в доме на Садовой еще в конце 60-х годов. Одним из первых близким знакомым семьи стал художник и архитектор В. А. Гартман. В 1872 г. Мамонтовы знакомятся с крупнейшим скульптором М. М. Антокольским, художником В. Д. Поленовым и искусствоведом А. В. Праховым, которые стали друзьями дома. Знакомства состоялись в Италии, куда почти ежегодно ездил Савва Иванович с женой. Вообще, Ита-

лия, ее овеянные далекой и недавней историей «седые камни», неповторимые пейзажи и благодатный климат влекли многих русских путешественников. Однако главное, пожалуй, состояло в том, что здесь концентрировались большие художественные ценности, а многие города (Рим, Венеция, Флоренция) были сами по себе огромными и неповторимыми музеями истории и искусства. И если С. И. Мамонтов, хотя и часто бывал в этой стране, но в силу своих деловых интересов не мог подолгу оставаться, то Елизавета Григорьевна жила регулярно по нескольку месяцев.

Обосновывалась всегда семья основательно, по меркам богатых людей. Вот, например, осенью 1873 г. для жительства в Риме была арендована на шесть месяцев огромная, из двенадцати комнат квартира в центре города, нанят повар, четырехместное ландо и постоянный извозчик [45]. Именно в этот период С. И. Мамонтов начинает усердно заниматься лепкой под руководством М. М. Антокольского, который, как заметила жена, нашел у него «несомненный талант и советовал ему серьезно работать» [46]. Увлечение ваянием останется навсегда любимейшим его занятием, и за несколько десятилетий им будет создано множество бюстов, композиций и медальонов в гипсе и мраморе.

Каждая поездка в Италию — это обязательное знакомство с художественными коллекциями, бесконечные путешествия по городам, встречи с русскими художниками и музыкантами, которых в крупнейших итальянских центрах всегда было немало. Уже в начале 70-х годов изобразительное искусство становится «потребностью души» и Елизаветы Григорьевны. В 1872 г. она записывает в дневнике, что во время пребывания в Риме с большим интересом и удовольствием посещала мастерские русских художников, а несколько тысяч франков, подаренных ей матерью, израсходовала на приобретение картины Ф. А. Бронникова «Мученик» и мраморной головы Натана Мудрого работы М. М. Антокольского [47].

Пребывание в Италии «выбивало из колеи» Савву Ивановича. Возвращение в Россию и переход от возвышенных духовных интересов к будничным, часто рутинным обязанностям в правлении Московско-Ярославской дороги первые годы чрезвычайно угнетали его. В письме жене летом 1874 г. он писал: «У меня за последнее время римской жизни приходит желание не очень запрягаться во всякие дела. Да и зачем в самом деле, голова кру-

гом идет, покоя знать не будешь, очерствеешь и из-за чего? Благо не было бы что кусать, а то, слава Богу, на наш век хватит. Нет, я право пресерьезно думаю обставить себя так, чтобы все-таки до известной степени принадлежать себе» [48]. Действительно, вполне обеспеченный человек, у которого было вдоволь «что кусать», казалось бы, мог распорядиться жизнью по собственному усмотрению.

В предыдущих главах уже было замечено, что занятие предпринимательством известных меценатов и коллекционеров не было следствием их обеспокоенности «о куске хлеба насущного». Не существовало такой, с позволения сказать, проблемы и у Саввы Ивановича. Легко можно представить себе ситуацию, когда богатый купец отходил от активной деловой жизни, вкладывал свои средства в надежную движимую или недвижимую собственность и вел тихую и вполне комфортабельную жизнь рантье. Подобных примеров имелось немало. Чем выше степень развития капитализма и масштабы накопления средств, тем больше таких случаев. О некоторых из них уже говорилось (Н. П. Рябушинский). Но 70-е годы, период становления С. И. Мамонтова как знатока, ценителя и покровителя искусств, были временем, когда этот молодой предприниматель только-только начинал завоевывать престижные позиции в деловом мире.

Человек он был увлекающийся, даже азартный, не лишенный к тому же и определенных амбиций. Его скорее тяготило отсутствие настоящего большого самостоятельного дела, где можно было бы проявить в полной мере свою инициативу, чем предпринимательство как таковое. Роль же «отставного купца» была не для него. «Не знаю, что будет дальше,— писал С. И. Мамонтов жене вскоре после избрания его директором Общества Московско-Ярославской дороги,— но сейчас мне вообразить даже немыслимо, чтоб я бросил это дело, уж больно полюбилось и удача заманчива» [49]. Однако вплоть до самого конца 70-х годов директорство не позволяло ему развернуться здесь в полной мере, так как основные решения зависели от Ф. В. Чижова и некоторых других крупнейших акционеров. По сути дела, лишь в начале 80-х годов Савва Иванович занимает лидирующее положение.

Росту авторитета и влияния С. И. Мамонтова способствовала его успешная деятельность по продлению железнодорожных путей Ярославской дороги до Костро-

мы и Вологды. Эта железнодорожная компания действовала вполне успешно и приносила хорошую прибыль [50].

Общероссийскую же известность как крупного и удачливого предпринимателя Савва Иванович получил с постройкой Донецкой каменноугольной железной дороги, связавшей Донецкий угольный бассейн с Мариупольским портом. Это строительство существенно ускорило индустриальное развитие этого, в экономическом отношении чрезвычайно перспективного района. В 1876 г. правительство назначило для потенциальных концессионеров торги. Каждый из претендентов должен был представить свой проект и смету строительства будущих железнодорожных линий, общая протяженность которых составляла примерно 500 верст. Одним из соискателей концессии и был Савва Иванович. Летом 1876 г. он сообщал жене: «Дело Донецкой дороги, в которое я вошел, и то положение, которое я в нем принял, вынуждают меня выдерживать до конца. Тебе было известно, что на субботу были назначены торги, результата этих торгов нет, что моя цена была весьма и значительно выше всех... Получу ли я дорогу или нет — это все равно, но во всяком случае нравственно я выиграл сильно» и заканчивает с удовлетворением: «Это первое серьезное и большое дело, где иду во главе совершенно самостоятельно» [51]. Он одержал победу, концессию получил и на несколько лет ушел в это новое и большое дело. Донецкая дорога была в основном построена за 1878—1879 г., а окончательно строительство завершается в 1882 г., когда Савва Иванович смог констатировать, что «дорога построена прекрасно» [52]. В начале 90-х годов она была выкуплена государством [53].

Предпринимательская активность не заслоняла у С. И. Мамонтова душевную привязанность к искусству. У него выработалось поразительное умение сочетать одно с другим и делать несколько дел одновременно. С искренним удивлением К. С. Станиславский вспоминал, что он в одно и то же время руководил постановкой домашнего спектакля, писал пьесу, «шутил с молодежью, диктовал деловые бумаги и телеграммы по своим сложным железнодорожным делам, которых он был инициатор и руководитель» [54]. Тратя много времени на деловые обязанности, решая каждодневно организационные и финансовые вопросы, он не представлял себе жизни без того, что «согревало душу». Жизнь и в Москве, и в Абрамцеве была подчинена духовным запросам. Мамонтовы любили русскую литературу, постоянно знакомились с новыми

произведениями. Уже в 1869 г. Елизавета Григорьевна, например, записывает в дневнике, что они с мужем всю весну «с увлечением читали „Войну и мир"»[55]. Постепенно сложилась домашняя традиция устраивать по вечерам литературные чтения. Читали сочинения Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского и других, обязательно обменивались впечатлениями и мыслями.

По мере того, как в семье Мамонтовых «обживались» художники (В. Д. Поленов, В. М. Васнецов, И. Е. Репин, затем В. А. Серов, К. А. Коровин, М. А. Врубель и др.), постоянно велись оживленные беседы об изобразительном искусстве, о его роли и значении в прошлом и настоящем. Обсуждались художественные выставки. Сам Савва Иванович обязательно посещал экспозиции Товарищества передвижников, был хорошо знаком с собранием П. М. Третьякова, с которым состоял в родстве и много общался. Не проходили для него незамеченными и другие явления в изобразительном искусстве. Постепенно «беседы у самовара» переросли в рисовальные вечера, где каждый мог попробовать свои силы. В них принимали участие А. М. Васнецов, И. И. Левитан, В. И. Суриков, Н. В. Неврев, В. А. Серов, К. А. Коровин, другие художники и сам С. И. Мамонтов. Это было товарищеское творческое общение людей, объединенных духовными интересами. Участница этих встреч, сестра художника В. Д. Поленова — Е. Д. Поленова писала: «То, что я и другие рисуем и пишем, когда собираемся у Мамонтовых, нельзя назвать работой. Собственно, прелесть и польза этих собраний не в том, что на них производится, а в том, что собираются люди одной специальности. Обмен впечатлений и мыслей важнее самой работы...»[56]

В свою очередь, художник В. М. Васнецов вспоминал: «Наступление вечера, когда можно было пойти к Мамонтовым, я да и многие другие художники ждали с особым трепетом. Поднимаясь по большой лестнице, ведущей в комнаты (речь идет о московском доме Мамонтовых.— *А. Б.*), я чувствовал какое-то особое, приподнятое настроение, а при первых словах и рукопожатиях с хозяевами дома мне становилось как-то уютно, по-семейному... О чем только не говорилось за мамонтовским столом! Какие только вопросы не обсуждались и не затрагивались! Текущие наши работы, намечавшиеся выставки, театральные постановки, игра артистов, новые книги, газетные статьи, приезды и отъезды художников или зна-

менитых певцов и музыкантов, беседы обо всем этом затягивались далеко за полночь»[57].

Однако встречи с художниками не ограничивались только чаепитием и беседами. Многим Савва Иванович оказывал существенную моральную и материальную поддержку, а некоторые из них (В. М. Васнецов, В. А. Серов, К. А. Коровин, М. А. Врубель) подолгу жили у него и в Москве, и в Абрамцеве, где им были созданы все необходимые условия для творчества. Умение распознать талант было отличительной чертой С. И. Мамонтова. Он делал все, чтобы еще безвестное дарование не погибло в нищете и заброшенности. Так, в отчаянно нуждавшемся М. А. Врубеле, имя которого не было еще широко известно, он сразу же различил неординарность творческой натуры и после первой же встречи (в дом на Садовую в 1889 г. его привел сын Андрей, тоже художник) заявил, что «надо обязательно приручить нового знакомого»[58]. Еще раньше, в конце 70-х годов, в семье «приручили» бедствовавшего В. М. Васнецова, ставшего здесь своим, затем — В. А. Серова и К. А. Коровина. По словам артиста и певца В. П. Шкафера, хорошо знавшего мецената, «С. И. Мамонтову достаточно было увидеть искорку талантливости, будь то певец, художник, музыкант, инженер, балерина, поэтесса, скульптор, он сейчас же присматривался к нему, находил возможность устроить каждому дело, отвечающее его желанию, дарованиям и способностям»[59].

В Абрамцеве и в доме на Садовой художниками были созданы произведения, составляющие частицу «золотого фонда» национальной художественной культуры, в их числе: «Проводы новобранца» и портреты Мамонтовых И. Е. Репина, «Богатыри», «Битва русских со скифами», «Ковер-самолет», «Три царевны подземного царства» В. М. Васнецова, «Сидящий демон» М. А. Врубеля, бесчисленное количество рисунков В. А. Серова и выдающийся его портрет старшей дочери Саввы Ивановича, Веры («Девочка с персиками», 1887 г.), рисунки и эскизы декораций В. Д. Поленова, К. А. Коровина и др. Следует заметить, что члены семьи Саввы Ивановича, близкие родственники служили «натурой» крупнейшим художникам. Помимо замечательной серовской вещи («Веруша») можно упомянуть еще такие, принадлежащие кисти И. Е. Репина: исполненный в Париже портрет Е. Г. Мамонтовой, экспонировавшийся на шестой выставке Товарищества передвижников в Петербурге в 1878 г. и дати-

руемый 1874 г.[60] (в настоящее время — в собрании Музея-заповедника Абрамцево); великолепный портрет С. И. Мамонтова в белой блузе (ныне — в Государственном центральном театральном музее им. А. А. Бахрушина) и портрет племянницы Саввы Ивановича — Татьяны Анатольевны Мамонтовой, написанный в 1882 г. (в собрании Государственной Третьяковской галереи).

Хлебосольный и творчески одаренный Савва Иванович не принадлежал к числу известных коллекционеров. Хотя везде, где бы он ни жил, его обязательно окружали произведения искусства, но целенаправленной собирательской деятельностью не занимался. Художники дарили свои работы, что-то приобреталось им самим или Елизаветой Григорьевной, но особой страсти к собирательству у него не было. В этом проявилось одно из свойств натуры Саввы Ивановича, для которого сам процесс творчества часто был важнее, чем его результат. Однако постепенно сложилось мамонтовское собрание, включавшее в 90-е годы целый ряд первоклассных вещей и пользовавшееся известностью. Остановимся в этой связи на одном интересном эпизоде.

Незадолго до Всероссийской художественно-промышленной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде министр финансов С. Ю. Витте обратился к Савве Ивановичу с письмом, в котором писал: «Признавая весьма желательным, чтобы в Художественном отделе Всероссийской Нижегородской выставки, долженствующей характеризовать собою успехи русского искусства за последние 14 лет (с 1882 по 1896 г.) вошли наиболее замечательные художественные произведения, я обращаюсь к Вам, Милостивый Государь, с покорнейшею просьбой не отказать поставить на названную выставку принадлежащие Вам более или менее замечательные русские художественные произведения... и содействовать тому, чтобы и другие частные лица поставили на выставку различные картины и скульптуры» [61]. Из приведенного текста следует, что в правящих кругах художественный вкус Саввы Ивановича и его собрание пользовались несомненным признанием. Однако значительно интересней другое. На обороте письма министра С. И. Мамонтов составил список принадлежавших ему работ, заслуживавших экспонирования на таком престижном вернисаже. В этом перечне — почти все «первые номера»: И. Е. Репин «Восход солнца» и «Мостик в парке»; А. Н. Шильдер «Степь»; М. М. Антокольский «Голова Иоанна Крестителя»; В. М. Васнецов

«Ковер-самолет», «Портрет М. М. Антокольского»; В. Д. Поленов «Портрет Ф. В. Чижова»; А. Е. Архипов «Половодье»; Г. И. Семирадский «Из греческой жизни»; В. А. Серов «Портрет А. Мазини»; К. А. Коровин «Иллюминация на даче», «Марсель», «Портрет семьи»; М. А. Врубель «Муза», «Голова Демона» [62].

К этому можно прибавить следующее. В архивном фонде Московского окружного суда удалось обнаружить составленную в сентябре 1899 г. подробную опись всего «движимого имущества», находившегося в доме С. И. Мамонтова на Садово-Спасской. Из реестра, который до сих пор еще не был использован исследователями, следует, что мамонтовское собрание имело большую художественную ценность. Отметим некоторые его составляющие. В большом зале висели картины «Барышни» Н. А. Ярошенко, «Поздравление» В. Е. Маковского, «Испанки», «Корабли» К. А. Коровина, «Вид Севастополя» И. С. Остроухова; в малом кабинете — «Портрет А. Мазини» и «Портрет Ф. Томаньо» В. А. Серова, «Мальчик» В. Г. Перова; в большом кабинете — «Вид Днепра» А. М. Васнецова, «Портрет Э. А. Сайгина» И. Е. Репина; на лестнице — «Вид с балкона в Париже» и «Натурщица в мастерской художника» К. А. Коровина, «Битва русских со скифами» и «Витязь на распутье» В. М. Васнецова. Кроме того, в доме имелось много этюдов и рисунков В. А. Серова, К. А. Коровина, М. А. Врубеля, а также мраморная скульптура «Христос перед Пилатом» М. М. Антокольского (большой кабинет), бронзовый бюст «Мефистофель» и бронзовая голова «Иоанн Креститель» того же автора (малый кабинет) [63].

Савва Иванович вполне осознанно и целенаправленно поддерживал многие крупные начинания в области культуры. Способствовал пропаганде искусства передвижников и издал, например, за свой счет в 1880 г. высокохудожественный альбом «Рисунки русских художников», который получил высокую оценку И. Е. Репина и тогдашней критики [64]. В 70—80-е годы непосредственно помогал организации художественных выставок в Москве и финансировал совместно с княгиней М. К. Тенишевой издание известного журнала «Мир искусства», начавшего выходить в 1898 г. в Петербурге. Внес несколько десятков тысяч в фонд Музея изящных искусств и был избран в число членов-учредителей Комитета по устройству музея [65]. Очень много сделал для общественного признания отдельных художников. Так, в 1896 г. на Всероссийской

выставке в Нижнем Новгороде после того, как по решению комиссии Академии художеств с экспозиции были сняты два панно М. А. Врубеля «Микула Селянинович» и «Принцесса Греза», С. И. Мамонтов строит для них специальный павильон, где эти произведения и выставляет. Эта разнообразная культурническая деятельность была следствием глубокого осознания общественного предназначения искусства. В 1899 г. меценат писал: «Искусство во все времена имело неотразимое влияние на человека, а в наше время, как я думаю, в силу шаткости других областей человеческого духа, оно заблестит еще ярче. Кто знает, может быть, театру суждено заменить проповедь» [66].

Неизменной была в мамонтовском доме и любовь к музыке. Иногда заранее, а чаще экспромтом составлялась программа вечера и звучала музыка Бетховена, Шумана, Моцарта, Мусоргского, Глинки, Даргомыжского, исполнялись оперные арии. Часто солировал хозяин дома, которому аккомпанировали либо члены семьи, либо гости из числа студентов и преподавателей Московской консерватории, либо друзья: П. А. Спиро (1844—1893), университетский товарищ С. И. Мамонтова, физиолог, профессор Новороссийского университета; художник и коллекционер И. С. Остроухов и др. Об одном из таких вечеров в декабре 1884 г. упоминает Е. Д. Поленова: «Сегодня шла Девятая симфония, к которой всю неделю мы готовились. Елизавета Григорьевна с Остроуховым играли нам ее с комментариями. Он хороший музыкант. Он прочел нам свою статью о Бетховене и Девятой симфонии, нарочно по этому случаю написанную...» [67]

Чтение, музицирование, занятия рисованием, беседы об искусстве дополняли домашние спектакли. Все началось с живых картин. Первый театральный вечер состоялся в доме на Садовой 31 декабря 1878 г. В нем, помимо других, принял участие семнадцатилетний К. С. Алексеев (Станиславский). С 1879 г. (летом — в Абрамцеве, зимой — в Москве) несколько раз в год устраивались спектакли, и первой постановкой была драма поэта А. Н. Майкова «Два мира». В оформлении были заняты художники «мамонтовского кружка», они же часто вместе с членами многочисленной мамонтовский родни играли в них. В продолжение нескольких, предшествовавших каждому спектаклю недель все в доме «ходило ходуном». Писались декорации, разучивались роли, готовился реквизит и костюмы. Деятельный участник постановок К. С. Стани-

славский так описывал атмосферу: «Он (С. И. Мамонтов.— *А. Б.*) сидел в большой столовой, у чайного и закусочного стола, с которого весь день не сходила еда. Тут же толпились постоянно приезжающие и сменяющие друг друга добровольные работники по подготовке спектакля. Среди этого шума и гула голосов сам хозяин писал пьесу, пока наверху репетировали ее первые акты. Едва законченный лист сейчас же переписывался, отдавался исполнителю, который бежал наверх и по непросохшей еще новой странице уже репетировал только что вышедшую из-под пера сцену» [68]. Ставились комедии и драматические произведения, исполнялись сцены из опер. В любительских занятиях формировалась эстетическая концепция С. И. Мамонтова, вырабатывался собственный взгляд на сценическое действие в целом и на основные его составляющие. Все это пригодилось Савве Ивановичу при осуществлении главного начинания его жизни — Московской частной оперы.

Выше уже говорилось, что театр вообще, а оперу в особенности, С. И. Мамонтов полюбил довольно рано и пронес это чувство через всю жизнь. Он не был пассивным меломаном-потребителем. Его импульсивный, творческий характер требовал активного действия. Не давала покоя и мысль о довольно пренебрежительном отношении «просвещенной публики» к национальному оперному искусству. В начале 80-х годов у Саввы Ивановича возникает мысль заняться большими оперными постановками. В 1884 г. он уже основательно подходит к организации дела и совместно с композитором и дирижером Н. С. Кротковым приступает к формированию труппы [69].

Любовь к искусству и высокий эстетический вкус мецената, как и осознание им задач развития важного направления национальной художественной культуры, лежали в основе всего предприятия. Он не только финансировал его, но и был душой дела и художественным руководителем. Объясняя свой особый интерес к этому жанру, писал позднее: «Опера — есть представление, соединяющее в себе чуть ли не все искусства (поэзию, музыку, пение, декламацию, пластику, живопись), поэтому она есть высшее проявление творчества. Не говоря об исполнителях и художниках, опера требует творческой силы в лице режиссера, который должен как руководитель осмысленно отбросить все банальное, пошлое, создать в общей гармонии все артистические и художественные силы и дать нечто целое, долженствующее за-

хватить зрителя...»[70] В России опера была представлена лишь на казенной сцене. Преобладали здесь постановки итальянской оперы с певцами-итальянцами. Что же касается русской оперы, то она, по словам любителя-очевидца, в начале 80-х годов была «в полнейшем загоне и едва влачила свое печальное существование. В ней не было тогда сколько-нибудь выдающихся певцов. Спектакли русской оперы назначались два раза в неделю, обставлялись крайне неряшливо и поэтому большей частью шли при пустом зале»[71].

Савва Иванович был первым, кто после законодательного разрешения в 1882 г. частных театральных трупп в столичных городах «покусился» на монополию Императорских театров. Это было смелым и рискованным начинанием. Смысл состоял не в том, чтобы учредить просто оперный театр, а в том, чтобы создать нечто качественно новое. Эстетическая концепция мецената была по тому времени несомненно новаторской. В казенных театрах смысл оперных постановок сводился к шаблонным сценическим и вокальным приемам, а сам спектакль походил на дивертисмент сольных партий, слабо связанных общим сценическим действием. Главным здесь было «выпевание нот».

С. И. Мамонтов хотел организовать все иначе. Он задумал соединить на сцене воедино певца, актера, художника, музыкальное и хоровое сопровождение и добиться того, чтобы спектакль воспринимался как цельное художественное произведение, где все и всё имело бы равноценное значение. Такая задача была трудноразрешима. Не было навыков, не существовало традиций подобных постановок и почти все приходилось начинать с нуля.

При формировании труппы сразу же было решено, что она должна состоять из молодых певцов, которые не прошли «школу казенной сцены». Были приглашены: выпускница Петербургской консерватории Н. В. Салина (лирическое сопрано), любительница А. Н. Гальнбек (драматическое сопрано), ученица Н. Г. Рубинштейна, выпускница Московской консерватории Т. С. Любатович (меццо-сопрано), выпускники Московской консерватории К. А. Бедлевич и Г. С. Власов (бас), М. Д. Малинин (баритон) и некоторые др. Капельмейстером стал И. А. Труффи, а руководителем труппы – Н. С. Кротков. Официально С. И. Мамонтов никаких постов здесь не занимал, но его роль ни для кого не была секретом. По воспоминаниям очевидца, он руководил всеми репетиция-

ми и «старался внести в исполнение молодых артистов драматический элемент и осмысленность в произнесении текста» [72]. «Нужно петь, играя»,— постоянно наставлял он и считал, что опера не есть «концерт в костюмах на фоне декораций» [73].

Для первых постановок были намечены три оперы: «Русалка» А. С. Даргомыжского, «Фауст» Ш. Гуно и «Виндзорские проказницы» О. Николаи. «Днем рождения» Частной оперы стало 9 января 1885 г., когда в помещении Лианозовского театра шла «Русалка». Рисунки для декораций и костюмов делал В. М. Васнецов, а писали декорации молодые И. И. Левитан, К. А. Коровин, Н. П. Чехов. Они же оформили «Фауста» и «Виндзорских проказниц» по эскизам В. Д. Пленова. Важно подчеркнуть одно обстоятельство: С. И. Мамонтов привел в театр настоящих художников, и именно с Частной оперы идет и само понятие «художник театра». Ранее сколько-нибудь талантливые мастера такой деятельностью не занимались. В казенных театрах были декораторы, которые худо-бедно оформляли спектакли, но их занятия считались чем-то второстепенным. Главным для них было «похоже» изобразить на заднике итальянский пейзаж, «античные руины», средневековый замок и тому подобные «типические картины», на фоне которых выступали певцы. Как правило, тут не было ни настоящего мастерства, ни творческой фантазии, ни вкуса.

В Мамонтовском театре значение и роль художника были иными. Талант В. М. и А. М. Васнецовых, В. Д. Поленова, И. И. Левитана, М. А. Врубеля, К. А. Коровина, В. А. Серова, А. И. Малютина и других мастеров не только проявил себя в полной мере в театральных постановках, но и придал им невиданную яркость и выразительность. «Мелочей» в оформлении спектаклей, в подборе реквизита и костюмов в Частной опере не было. Каждая сценическая деталь, мизансцена, элемент костюма подробно обсуждались в кругу художников, знатоков искусства и истории.

Казалось бы, что при такой серьезной подготовке спектаклей успех у публики был обеспечен. Задолго до открытия театра в Москве стали циркулировать противоречивые слухи о невиданном начинании. Театралы-завсегдатаи, любители светских развлечений, критики и знатоки всех мастей гадали, что ждет их в театре «железнодорожного короля». Любопытных было много, и на «Русалку» все билеты были раскуплены. Однако успеха

не было, и последующие спектакли шли иногда почти при пустом зале. В прессе появились заметки, где в целом давались однозначно критические оценки [74].

Конечно, судить о достоинствах театральных постановок давно минувшего времени — дело чрезвычайно трудное; в особенности о том эмоциональном и эстетическом воздействии, которое они оказывали на современников. Каждый спектакль — это всегда живое и неповторимое действие, которое уходит в прошлое, как только опустится занавес. Что-то все-таки остается: отдельные эскизы декораций и костюмов, воспоминания, рецензии. Но нельзя не учитывать и того, что очевидцы, высказывавшие свои суждения и часто выносившие «обвинительный вердикт», воспитанные на определенных традициях, не всегда могли воспринимать новое и непривычное.

Несомненно, у первых мамонтовских оперных постановок было много недостатков, которые были неизбежны при осуществлении столь большого и необычного начинания. В первую очередь — это недостаточный уровень вокального и актерского мастерства ведущих певцов, не имевших сколько-нибудь серьезного сценического опыта. Не получалось у них еще «петь, играя». Все это так. Однако замысел и цели Саввы Ивановича были грандиозней и значительней самого качества отдельных спектаклей, но их, к сожалению, не заметили и не оценили на первом этапе. Художник К. А. Коровин писал: «Савва Иванович любит оперу, искусство, как сразу понимает набросок, эскиз, хоть и не совсем чувствует, что я ищу, какое значение имеет в постановке сочетание красок. А все его осуждали: „Большой человек — не делом занимается, театром". Всем как-то это было неприятно: и родственникам, и директорам железной дороги, и инженерам заводов...» [75]

Среди не принявших мамонтовскую антрепризу был молодой, завоевывавший популярность А. П. Чехов, знакомый с представителями «мамонтовского кружка», а его брат Николай участвовал в оформлении первых спектаклей [76]. Казалось бы, что у Антона Павловича было достаточно сведений и о самом С. И. Мамонтове и о тех принципах, которыми он руководствовался при учреждении оперной труппы. Однако 2 февраля 1885 г. в журнале Н. А. Лейкина «Осколки» он публикует очередной фельетон, где дает уничижительные характеристики Частной опере и ее создателю. «Тип старых бар,— писал Антон Павлович,— заводивших „с жиру" собственные теат-

ры и оркестры, на Руси еще не вывелся... Г. Савва Мамонтов, человек, могущий все купить и выкупить, отвалил г. Коршу несколько десятков тысяч и единым манием руки преобразил Русский театр в Русскую оперу. Это железнодорожное предприятие произвело такой переполох, какого не в состоянии произвести никакие крушения на Донецко-каменноугольной дороге... Московский воздух наполнился толками о симпатичной инициативе, частной антрепризе, о крутом перевороте в оперном деле, о новых эпохах и эрах и проч., и проч. За горячими толками последовали горячие и мучительные репетиции, на которых г. Мамонтов, изображая из себя музыкального человека, раздражался козлоголосием своих примадонн и возмущался неумением первых персонажей поднимать вовремя руки... Г. Мамонтов создал оперный театр для собственного удовольствия; оперные заправилы, когда им указывают на пустые места в театре, говорят, что они и без публики обойдутся. Да и публика у них своя, железнодорожная...» [77] Незаслуженно обидные и несправедливые слова.

В течение 1885 г. в том же издании А. П. Чехов будет несколько раз язвительно отзываться о Савве Ивановиче и его детище. Как часто в истории искусства, в судьбе отдельных творцов, начинаний и произведений резкие суждения, возникавшие под влиянием сиюминутных впечатлений и настроений, заслоняли от современников то истинное и большое, что они в себе несли и что сразу трудно было разглядеть. Да и сам Антон Павлович в полной мере это ощутил после скандального провала на сцене Александринского театра его «Чайки» в 1896 г.

В первый период существования Частной оперы (1885—1887 гг.) замысел организатора был несомненно выше конкретных сценических воплощений. Много сил, времени и средств вложил Савва Иванович в свое начинание, прошел через множество неудач, разочарований, но не отступился, постоянно искал новых исполнителей и свежие выразительные приемы, совершенствовался как режиссер и, наконец, добился успеха. Возобновление спектаклей Московской частной оперы в 1896 г. на сцене солодовниковского театра ознаменовалось триумфом его дела. Опера превратилась в важный факт художественной жизни России.

В труппе театра царила атмосфера товарищеского сотрудничества. Племянник Саввы Ивановича вспоминал: «У артистов Частной оперы жизнь проходила совершенно

иначе, чем у артистов Большого театра. Если певец и не был занят в очередной постановке, он все-таки не пропускал ни одной репетиции. Перед каждой новой постановкой дядя Савва собирал всех участников и детально знакомил их с клавиром. Это сопровождалось объяснениями, по ходу которых он касался эпохи, стиля, художественной стороны произведения, либретто. Он заставлял художников, привлеченных в той или другой постановке, знакомить исполнителей с их общими замыслами в части декорационного оформления. На таких предварительных беседах присутствовали не только артисты, занятые в опере, налицо была вся труппа и даже хор» [78].

После успешных гастролей в Петербурге В. В. Стасов в 1898 г. опубликовал восторженную статью (появление таких статей уже стало нормой). Отдавая должное меценату, маститый критик писал, что заслуга перед национальной культурой С. И. Мамонтова состоит в том, «что он создал в Москве, на свои собственные средства, русскую оперу, нашел оркестр, нашел хоры, нашел солистов, между которыми несколько сильно замечательных, с Шаляпиным по главе» [79]. В этой антрепризе «взошла звезда» Ф. И. Шаляпина, расцвел талант дирижера и композитора С. В. Рахманинова, дирижера М. М. Ипполитова-Иванова, засверкала во всей красоте и силе музыка М. П. Мусоргского, Н. А. Римского-Корсакова, раскрылся удивительный талант К. А. Коровина и др. Как справедливо заметил С. В. Рахманинов, «Мамонтов был большой человек и оказал большое влияние на русское оперное искусство. В некотором отношении влияние Мамонтова на оперу было подобно влиянию Станиславского на драму» [80].

Создание Частной оперы и «поддержание ее на плаву» (только в самом конце 90-х годов постановки стали окупаться сборами) требовало крупных и постоянных затрат. Эта сторона истории Мамонтовского театра никогда не была объяснена. Данных об этом нет ни в литературе, ни в материалах архивного фонда мецената. Хотя ясно, что театральная деятельность требовала значительных средств, выделяемых С. И. Мамонтовым многие годы. Ссылаясь на слухи, А. П. Чехов писал о 3 млн руб., которые якобы были ассигнованы на оперный театр в первый год [81]. Эта огромная цифра представляется просто невероятной. Однако если учесть, что деятельность на благо культуры, называемая «купеческой блажью», длилась долго, то без преувеличения предполагаем: в общей

сложности расходы исчислялись сотнями тысяч, если не миллионами рублей. За всю историю России людей, которые пожертвовали бы на культурные цели столь баснословные суммы, можно пересчитать буквально по пальцам. Эти «вложения» не могли приносить никаких материальных выгод, и руководствовался в этом деле Савва Иванович соображениями, не имевшими никакой корыстной подоплеки.

Постепенно художественный вкус и знания Саввы Ивановича стали пользоваться в творческой среде несомненным авторитетом. Перед открытием Художественного театра в октябре 1898 г. К. С Станиславский, приглашая С. И. Мамонтова на генеральную репетицию, писал: «Вас же как театрального человека, понимающего разницу между репетицией и спектаклем, как знатока русской старины и большого художника — мы бы были очень рады видеть на репетиции: помогите нам исправить те ошибки, которые неизбежно вкрались в столь сложную постановку, какой является „Царь Федор"» [82]. Через десять лет великий актер и режиссер назовет Савву Ивановича своим учителем эстетики [83]. В свою очередь, архитектор Ф. О. Шехтель, адресуясь к нему же, писал в 1900 г.: «Мне чрезвычайно лестно было бы показать Вам все постройки в северном русском стиле для Глазго (речь идет о проектах павильонов для Всемирной выставки.— *А. Б.*). Как было бы хорошо, если бы Вы организовали небольшой кустарный отдел» [84]. Творческими идеями и планами с меценатом делились многие деятели культуры, видя в нем настоящего знатока и тонкого ценителя. Александр Николаевич Бенуа писал о Савве Ивановиче, что он «промышленник по профессии, но художник в душе» [85].

В своем служении общественным интересам Савва Иванович не ограничивался сферами искусства. Длительное время был председателем Дельвиговского железнодорожного училища в Москве. Как один из душеприказчиков Ф. В. Чижова деятельно занимался учреждением учебных заведений в северных губерниях (согласно воле завещателя), в том числе— большого Костромского промышленного училища имени Ф. В. Чижова, где был избран пожизненным почетным попечителем.

Занималась благотворительностью Елизавета Григорьевна и почти двадцать лет была попечительницей Басманного женского городского училища. В 1882 г. организовала в Абрамцеве совместно с Е. Д. Поленовой

столярно-резчицкую мастерскую для детей крестьян. Вообще в своем «загородном гнезде» Мамонтовы осуществили многие благотворительные начинания: построили школу, больницу, открыли библиотеку. Следует упомянуть вот о чем. Открытие любого мало-мальски значительного общественного заведения в России строго регламентировалось. Иметь только желание и средства было недостаточно, следовало еще и обязательно получить санкцию властей.

Остановимся в этой связи на эпизоде, характеризующем те жесткие условия административного контроля, в которых приходилось действовать благотворителям. В 1896 г. Е. Г. Мамонтова решила открыть в Хотькове на свои средства бесплатную библиотеку-читальню и в августе обратилась за разрешением к Московскому губернатору. К прошению был приложен устав, в коем указывались цели («предоставить всем жителям окрестных волостей бесплатное получение книг для чтения»), правила пользования и назывались имена двух будущих ответственных: учитель из Сергиева Посада Н. П. Саврасов и «дочь губернского секретаря» В. И. Ольховская. Казалось бы, власти должны бы только радоваться такой возможности и тут же поддержать эту идею. Однако царские чиновники, имевшие подчас «психологию» унтера Пришибеева считали иначе. На то и существовала деспотическая самодержавная система, чтобы держать под своим «неусыпным оком» любое проявление общественной инициативы. По получении прошения канцелярия Московского губернатора посылает секретные запросы: Московскому обер-полицмейстеру о Е. Г. Мамонтовой, начальнику Московского губернского жандармского управления и Дмитровскому исправнику о В. И. Ольховской, начальнику Московского жандармского управления и полицмейстеру Сергиева Посада о Н. П. Саврасове. Кроме того, выяснялось мнение попечителя Московского учебного округа о целесообразности открытия библиотеки. Одновременно устанавливалась политическая благонадежность благотворительницы и будущих библиотекарей, как и перечень предполагаемых к чтению книг, газет, журналов. Интенсивная конфиденциальная переписка между ведомствами длилась несколько месяцев, и только в конце декабря после получения положительных отзывов о Е. Г. Мамонтовой «соблаговолили» дать разрешение [86].

Следует упомянуть и еще об одной общественной акции, связанной с именем Саввы Ивановича: об ор-

ганизации в Петербурге на исходе XIX в. газеты либерального толка «Россия». В этот период в русской легальной периодике безраздельно господствовали охранительно-монархические издания, отстаивавшие незыблемость существовавших общественных порядков. Несомненным лидером среди них была газета А. С. Суворина «Новое время». Органов либерально-демократического направления было мало, голос их беспощадно подавлялся. В этих условиях некоторые либерально мыслящие представители деловых кругов с С. И. Мамонтовым во главе решили бросить вызов и начать издавать большую ежедневную газету. По мысли инициаторов, в ней должны отразиться новые настроения в обществе, где остро ощущалось недовольство реакционно-шовинистическими изданиями нововременского пошиба. Влиятельного хозяина «Нового времени» такая перспектива несомненно пугала, и он внимательно следил за новым конкурентом. В своем дневнике он записывает 26 марта 1899 г.: «Вчера слышал, что Мамонтов и Морозов затевают газету с капиталом в 250 тысяч на первый год. Сотрудникам платят вперед за 9 месяцев. Хотят сыграть на неудовольствии против „Нового времени" и спешат» [87]. Газета начала выходить в апреле 1899 г., быстро завоевала популярность и, преодолевая большие административные препятствия, просуществовала несколько лет. В феврале 1902 г. была закрыта властями за фельетон А. В. Амфитеатрова «Господа Обмановы», в котором высмеивались члены царской фамилии [88].

Все начинания Саввы Ивановича в культурной и общественной жизни требовали от него крупных расходов. Средства можно было получить лишь в результате успешной предпринимательской деятельности, которая продолжала развиваться. В начале 90-х годов правлением Ярославской дороги принимается решение продлить железнодорожную ветку от Вологды до Архангельска. Коммерческие соображения при этом не были определяющими, так как особых финансовых выгод новая магистраль в обозримом будущем не сулила. Савва Иванович руководствовался убеждением, что надежное круглогодичное транспортное сообщение будет способствовать хозяйственному развитию исконно русских областей и районов.

Осуществление этого большого и чрезвычайно трудоемкого проекта требовало увеличения протяженности железнодорожного полотна почти вдвое. Общая длина возросла в конечном итоге до 1826 верст, что сделало ее

одной из самых протяженных в России [89]. Ярославская дорога была преобразована в общество Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги, правление которого Савва Иванович и возглавил, а одним из двух директоров стал младший брат Николай Иванович. После решения всех организационных вопросов, связанных со строительством Вологда — Архангельск, С. И. Мамонтов привлекает к железнодорожной деятельности и своего сына Всеволода (Воку), которому поручает ответственное дело. Он писал ему 10 июня 1894 г.: «Я вернулся из Петербурга вчера. Дело по строительству дороги кончено и нами подписано. Теперь, благословясь, будем приступать к делу. Я еду завтра вечером в Ярославль, куда в воскресенье прибудет Витте, и в воскресенье же вечером мы выедем в Вологду. Тебе поручается вести канцелярию и все производство по строительному отделу, т. е. все бумаги должны проходить через твои руки и ты должен быть больше всех в курсе» [90] (через год он станет членом правления).

Строительство было завершено в 1897 г., а в следующем году началось регулярное движение. Осуществление этого большого проекта нашло одобрение у всех, кто искренне сочувствовал экономическому прогрессу России. Вот что, например, писал С. И. Мамонтову профессор И. В. Цветаев в ноябре 1897 г.: «Узнав из газет о Вашем возвращении из Архангельска, спешу приветствовать Вас с завершением важного исторического дела, с которым отныне будет навсегда связано Ваше имя. Вся грядущая счастливая судьба нашего Европейского Севера будет напоминать о той гигантской смелости и энергии, которую Вы, с истинной отвагой русского человека, положили на этом деле...» [91]

В биографии Саввы Ивановича примечательна одна характерная черта. Он не искал никаких чинов, званий, прочих наград, и подобная мелкая амбициозная возня многих других предпринимателей ему была чужда. Он делал дело: учреждал, строил, благотворительствовал, но ни разу не пытался добиться официального признания. Несмотря на его очевидные заслуги на различных поприщах государственная власть лишь дважды удостоила его заметных наград. В 1896 г. он, помимо своей воли, получил почетное звание мануфактур-советника. Инициатива награждения исходила от самого министра финансов, который в представлении «на высочайшее имя» писал, что С. И. Мамонтов на посту председателя правления Мос-

ковско-Ярославской железной дороги «своею энергией и выдающимися знаниями способствовал упрочению хозяйства этой дороги» [92]. Через год министр финансов добился для него ордена Владимира 4-й степени [93].

Данная С. Ю. Витте характеристика вполне обоснована. Общество процветало, и только, например, за 1898 г. чистый доход его составил баснословную сумму в 5,2 млн руб.[94] Казалось бы, при таких прибылях, часть которых оседала в мамонтовской семье, можно было спокойно благоденствовать, ничем не рискуя. Но Савва Иванович оставался самим собой: человеком неуемной энергии, всегда одержимым новыми идеями и планами, которые с присущим ему размахом старался претворить в жизнь.

В начале 90-х годов он выходит за рамки знакомых железнодорожных дел и начинает осуществлять грандиозную экономическую комбинацию, неудачное осуществление которой в конечном итоге привело его к краху. Смысл ее состоял в том, чтобы создать конгломерат связанных между собой промышленных и транспортных предприятий. Он берет в аренду у казны в 1890 г. запущенный Невский судостроительный и механический завод в Петербурге, реорганизует его в компанию и начинает вести большую реконструкцию всего предприятия, которое должно было помимо прочего обеспечивать железные дороги подвижным составом. Несколько позднее для снабжения сырьем Товарищества Невского завода приобретает Николаевский металлургический завод в Нижнеудинском округе Иркутской губернии, преобразованный в Общество Восточно-Сибирских железоделательных и механических заводов. В этих двух компаниях он также становится председателем правления. Дело было невиданное, и успешное осуществление проекта привело бы к созданию крупного концерна в России.

Чтобы превратить Невский и Уральский заводы в современные предприятия, требовалась их полная модернизация, для которой были необходимы огромные финансовые вложения. По всей вероятности, вначале Савва Иванович до конца не осознавал всю сложность поставленной задачи. Первые годы вкладывал в новые предприятия свои личные средства, но их не хватило для поднятия разоренных заводов. Сам он не мог уследить за всем разветвленным хозяйством, компетентных и честных сотрудников не хватало, и огромные средства, что выяснилось позднее, часто просто разбазаривались. Не в

характере Саввы Ивановича было останавливаться на полпути. Он с удивительной настойчивостью продолжает безнадежное дело, начинает финансировать промышленные предприятия из кассы Московско-Ярославско-Архангельской дороги, изыскивает денежные средства на стороне. Интуиция предприимчивому дельцу явно изменила, и он не рассчитал своих возможностей.

Во всей этой истории, которая достойна отдельного специального исследования (до сих пор отсутствующего), немало примечательного для характеристики реалий экономического развития крупного предпринимательства в России. Остановимся лишь на некоторых эпизодах. Главная слабость намеченной комбинации состояла в том, что у С. И. Мамонтова не было надежного источника кредитования. С банками тесных отношений у него не существовало, но петербургские финансовые заправилы (крупнейшие банки России концентрировались в Петербурге) внимательно следили за его деятельностью, видя в нем серьезного соперника. Однако после того, как были исчерпаны все возможности в изыскании необходимых финансовых ресурсов, он, по совету С. Ю. Витте, обратился к ним.

В 1898 г. на горизонте мамонтовского дела появляется фигура крупнейшей «финансовой акулы» — директора Петербургского международного коммерческого банка А. Ю. Ротштейна. Этот известный делец (еврей по национальности, австрийский, а затем прусский подданный по паспорту) в 90-е годы стал руководителем крупнейшего частного банка России, финансовым советником министра финансов С. Ю. Витте и имел многочисленные связи в европейских финансовых центрах. Безысходное положение Саввы Ивановича заставило его пойти на рискованный шаг. В августе 1898 г. он продает 1650 акций Московско-Ярославско-Архангельской дороги Международному банку и одновременно получает специальную ссуду под залог акций и обязательств (векселей) принадлежавших ему и его родственникам [95]. По сути дела, на карту было поставлено все, и Савва Иванович проиграл.

Связываясь с Международным банком, он хотел получить передышку, а затем, добившись концессии на постройку большой железнодорожной магистрали Петербург — Вятка, за счет казенных субсидий рассчитаться с кредиторами. В это время у него возникает и другой грандиозный план — проложить железную дорогу в Сред-

нюю Азию. Инженер-путеец и писатель Н. Г. Михайловский (Гарин), проводивший по заданию С. И. Мамонтова изыскательские работы, писал ему 23 июля 1898 г.: «Я докладывал министру (речь, очевидно, идет о С. Ю. Витте.—*А. Б.*) о Ташкент-Томской дороге после его возвращения. Он весь за эту дорогу и собирался делать Государю доклад. Я передал ему наши записки. Слыхал, что и военный министр за эту дорогу» [96]. Одобрение подобных планов зависело от правительственных сфер и надо было уметь «подобрать ключи» к высокопоставленным сановникам в Петербурге.

Савва Иванович, много лет общавшийся с ними, знал, что самым надежным способом добиться их согласия служила взятка. Продажность являлась «исконной чертой» царской бюрократии, и, чем выше было положение чиновника на иерархической лестнице, тем больше надо было платить. Да и зачем им было стесняться, когда взятки брали и члены царской фамилии. Знаток закулисной петербургской жизни А. С. Суворин прямо писал о том, что «великие князья всегда брали взятки и старались поживиться всякими способами» [97]. Это не составляло особого секрета. Мы не знаем всех, кому платил Мамонтов, но достоверно известно, что «правая рука» С. Ю. Витте, директор Департамента железнодорожных дел Министерства финансов, тайный советник В. В. Максимов был у него, что называется, на содержании. Как свидетельствовали близкие С. И. Мамонтову люди, только в одном случае этот вершитель железнодорожных дел во влиятельнейшем министерстве получил 150 тыс. руб.[98] После огласки этого дела С. Ю. Витте уволил В. В. Максимова [99]. В конечном итоге концессия на строительство дороги Петербург — Вятка была получена, но было поздно, и Савву Ивановича это уже не спасло.

Крах Мамонтова был одним из крупнейших общественных событий на грани веков в России. Он вызвал сильный общественный резонанс. В течение многих месяцев тема «мамонтовской панамы» не сходила со страниц газет. Дотошные, но часто мало сведущие в экономических вопросах журналисты буржуазных газет будоражили общественность сообщениями о колоссальных суммах хищений и трат. Однако постепенно, по мере выяснения истинного положения, тон печати стал меняться, и о Савве Ивановиче уже стали говорить как о жертве. После окончания всей истории влиятельная

петербургская газета «Биржевые ведомости» писала: «Итак, делу Мамонтова наступил конец — факт, которому ввиду существенного влияния, оказанного этим делом на нашу торгово-промышленную жизнь, нельзя не порадоваться. Вместе с тем, однако, не наводит ли известие из Москвы на грустные мысли, не бросается ли в глаза странное несоответствие спокойного, основанного на взаимных уступках финала „мамонтовской эпопеи“ с той шумихой, которая была поднята при ее возникновении?» [100].

Что же все-таки произошло? Как случилось, что известный и опытный предприниматель потерпел полное крушение? Был он виноват или пал жертвой чужой злонамеренной воли? Суждения высказывались самые различные. Некоторые считали, что мамонтовское дело — результат интриг в высших эшелонах власти, где шла борьба за влияние между министром юстиции Н. В. Муравьевым и поддерживавшим предпринимателя министром финансов С. Ю. Витте [101]. Другие утверждали, что чиновники и дельцы не могли простить С. И. Мамонтову популярность, его подвижничество на ниве культуры и что «он был разорен и опозорен главным образом за свое отступничество от традиций московского купечества», и если бы не его увлечение искусством, то «его, конечно, поддержали бы и не допустили бы до скандального погрома» [102]. Похожей была и точка зрения А. М. Горького, который писал А. П. Чехову осенью 1900 г.: «Видел я Мамонтова — оригинальная фигура! Мне совсем не кажется, что он жулик по существу своему, а просто он слишком любит красивое и в любви своей — увлекся» [103]. В своем дневнике В. Я. Брюсов записывает 28 сентября 1899 г., что Мамонтова «все жалеют, говорят, что его недочеты — это взятки, которые он дал в высоких сферах» [104]. Встречались и иные мнения.

Вообще, история «дела Мамонтова» до сих пор обстоятельно не освещена. Не претендуя здесь на восполнение существующего пробела во всей полноте, очертим главные фазы этой драматической истории, с которой не только завершилось предпринимательство, но прекратилась широкая филантропическая и культурническая деятельность Саввы Ивановича [105].

Слухи о неблагополучии в делах С. И. Мамонтова стали циркулировать в июне 1899 г. после того, как ему не удалось вовремя погасить свой долг Международному банку. Министерство финансов назначило ревизию,

вскрывшую нарушения в учете и расходовании средств Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги. Выяснилось, что из кассы общества в 1890—1898 гг. деньги переводились на счета Товарищества Невского завода и Восточно-Сибирского общества, т. е. предприятиям, которые юридически не были друг с другом связаны. Такие финансовые операции были законом запрещены. Это было одним из главных пунктов обвинения, а вторым — перерасход по смете строительства линии Вологда—Архангельск. Кроме того, требовали удовлетворения и кредиторы. В конце июля 1899 г. все правление Московско-Ярославско-Архангельской дороги во главе с С. И. Мамонтовым ушло в отставку, и были избраны новые люди, которые обратились с исками к бывшим руководителям общества. Делами здесь стали заправлять люди Ротштейна.

Савва Иванович был чрезвычайно угнетен сложившейся ситуацией и в течение летних месяцев еще надеялся на то, что ему окажут поддержку и до суда дело не дойдет. Однако С. Ю. Витте не проявил желания помочь, а петербургские банковские дельцы, в руках которых оказался не только основной пакет акций Московско-Ярославско-Архангельской дороги, но и долговые обязательства Саввы Ивановича, и слышать не хотели о полюбовном удовлетворении претензий. Такая позиция клики Ротштейна наводит на мысль о том, что у финансовых тузов имелось желание не только захватить в свои руки «лакомый кусок» — Северную дорогу, но и навсегда покончить с самим С. И. Мамонтовым.

Между тем положение не было безнадежным. Согласно балансу личной собственности, составленному С. И. Мамонтовым, общая стоимость движимых и недвижимых имуществ (в числе последних было два дома в Москве, имение во Владимирской губернии, земельный участок на Черноморском побережье) оценивалась в 2 млн 660 тыс. руб., а претензии кредиторов составляли 2 млн 230 тыс. (из них на долю Международного банка приходилось 1,4 млн руб.[106]) Однако иски были представлены в суд, 11 сентября 1899 г. в своем доме на Садовой коммерции-советник был арестован и помещен в Таганскую тюрьму, куда его вели пешком через весь город под конвоем. Одновременно на все его имущество был наложен арест.

Рухнула деловая репутация, которую Мамонтовы завоевывали полвека. Но еще более страшным было то,

что деятельный, жизнелюбивый и далеко не молодой человек на несколько месяцев оказался в одиночном тюремном заключении. Это была неоправданная жестокость. Следователь по особо важным делам, ведший дело С. И. Мамонтова, определил колоссальный залог в размере 763 тыс. руб., внесение которого могло бы изменить меру пресечения. В первые дни заключения С. И. Мамонтов не теряет надежду и 15 сентября обращается к следователю с просьбой — заменить пребывание в тюрьме домашним арестом. Он писал: «Я надеюсь, что близкие мне люди в течение нескольких дней найдут эту сумму... Но пока слово Суда не произнесено, а условия пребывания в тюрьме почти верный шаг к могиле, не будет ли бесцельно мое одиночное заключение» [107]. Через неделю следователь удостоил ответом, в котором откровенно игнорировалась просьба человека, ответственность которого еще предстояло установить, и цинично заявил, что если подследственный желает лечиться, то «может быть переведен в тюремную больницу» [108]. Вообще вся деятельность следственных органов подтверждает предположение, что их целью было моральное и физическое уничтожение.

Надежды Саввы Ивановича на скорое освобождение не оправдались. Богатые родственники Сапожниковы и близкий знакомый С. Т. Морозов готовы были внести требуемый первоначально залог, но размер его совершенно неожиданно был увеличен до 5 млн руб.[109] Собрать такую астрономическую сумму нескольким, даже богатым людям было практически невозможно. Газетная шумиха, поток сенсационных бездоказательных «разоблачений» способствовали тому, что вокруг арестованного стал образовываться вакуум. Некоторые люди, которым Савва Иванович всемерно помогал и считал своими друзьями, вдруг как-то «забыли» о нем. Особенно тяжело переживал, как говорил позднее, «предательство» Ф. И. Шаляпина и К. А. Коровина, которые покинули Частную оперу и не проявили в первые месяцы после краха к судьбе мецената особого интереса.

Однако остались люди, не изменившие своего отношения. Вот что, например, писал ему в тюрьму К. С. Станиславский: «Есть множество людей, которые думают о Вас ежедневно, любуются Вашей духовной бодростью... Верьте в самые лучшие и искренние чувства к Вам» [110]. На пасху, в апреле 1900 г., по инициативе В. М. Васнецова и В. Д. Поленова, был составлен памят-

ный адрес на имя Саввы Ивановича, который подписали кроме указанных лиц еще одиннадцать художников, членов «мамонтовского кружка»: И. С. Остроухов, В. А. Серов, М. А. Врубель, В. И. Суриков и др. «Все мы, твои друзья,— писали они,— помня светлые прошлые времена, когда нам жилось так дружно, сплоченно и радостно в художественной атмосфере приветливого родного кружка твоей семьи, близь тебя,— все мы в эти тяжелые дни твоей невзгоды хотим хоть чем-нибудь выразить тебе наше участие... Молим бога, чтобы он помог тебе перенести дни скорби и испытаний и возвратиться скорей к новой жизни, к новой деятельности добра и блага» [111]. Примечательно и то, что рабочие и служащие Северной дороги, среди которых Савва Иванович пользовался авторитетом и уважением, собирали деньги для «выкупа».

С первого дня ареста хлопотала за мужа Елизавета Григорьевна, неоднократно просившая выпустить его из тюрьмы. Здесь уместно сделать небольшое отступление и сказать о непростых отношениях между супругами. Сохранилась часть, очевидно, обширной переписки, которую вели Е. Г. и С. И. Мамонтовы между собой, охватывающая период с конца 60-х до 90-х годов XIX в. Многие письма буквально пропитаны глубокой симпатией и уважением, и в них часто повторяется сожаление о временной разлуке. Савва Иванович называет жену ласково-шутливо «мамочка», Елизавета Григорьевна начинает с обращения «дорогой». Переписка обрывается 1894 г., причем последние письма уже достаточно сухие и лаконичные. В фонде С. И. Мамонтова имеется лишь одно, относящееся к последующему периоду письмо, датированное 1896 г. В нем Елизавета Григорьевна писала: «Многоуважаемый Савва Иванович! Я была у Вас но, к сожалению, не застала Вас дома, Вы были в Петербурге... Очень прошу Вас дать обещанное письмо Верочке (очевидно, дочери.— *А. Б.*), чтобы ее поскорее приняли на Вашей дороге. Успокойте меня, и я буду безгранично благодарна» [112]. Трудно представить, что это переписка двух близких людей, проживших вместе тридцать лет, воспитавших детей и бывших когда-то духовными единомышленниками.

Дело же было в том, что к этому времени брак Мамонтовых фактически распался, хотя они формально и оставались супругами. На причину указал в своих воспоминаниях знакомый мамонтовского дома художник

Горельеф А. С. Голубкиной «Волна» на фасаде МХТ

К. Т. СОЛДАТЁНКОВ

З. Г. МОРОЗОВА

С. П. МОРОЗОВ
на строительстве МХТ,
1902 г.

И. Ф. МАМОНТОВ

В. А. КОКОРЕВ

С. И. МАМОНТОВ
Рис. И. Е. Репина

——→

Дом в Абрамцеве

С. И. Мамонтов
в кругу друзей
(слева направо:
В. И. Суриков, И. Е. Репин,
С. И. Мамонтов,
К. А. Коровин, В. А. Серов,
М. М. Антокольский)

князь С. А. Щербатов. По его словам, Савва Иванович полюбил певицу Т. С. Любатович, «разрушившую его семейную жизнь»[113]. К этому уместно добавить следующее. Действительно уже с середины 90-х годов Савва Иванович и Елизавета Григорьевна живут раздельно. Во-вторых, «госпожа премьерша» Т. С. Любатович (1859—1932) пользовалась удивительным и труднообъяснимым влиянием в труппе, а ее сестра К. С. Винтер, не имея никаких навыков, стала совершенно неожиданно официальным антрепренером Частной оперы после возобновления спектаклей в 1896 г. Известно также, что Савва Иванович в конце 90-х годов часто живет в обширном имении Т. С. Любатович Путятино в Ярославской губернии, которое, надо думать, было приобретено не без его участия (у С. И. Мамонтова к этому времени было имение Кузнецово во Владимирской губернии). Когда же над головой мецената сгустились тучи, сестры Любатович «потеряли интерес» к нему, а К. С. Винтер не постеснялась даже распродать реквизит и костюмы Частной оперы и присвоить вырученные деньги — несколько десятков тысяч рублей.

Совершенно иначе вела себя Елизавета Григорьевна. Она была добрым, сострадательным и глубоко верующим человеком и с самого начала не одобряла некоторые увлечения своего мужа, на которые, чем дальше, тем больше он тратил времени, сил и средств. Все эти ночные катания на лошадях, рестораны, застолья за полночь, цыганские хоры и подобные «удовольствия» были ей чужды. Но когда Савве Ивановичу стало действительно плохо, она, не задумываясь, переступила через свои обиды, уязвленное самолюбие и искренне стремилась ему помочь. Однако сделать ей практически ничего не удалось, хотя и стучалась она во многие двери.

Старались облегчить его участь и друзья. В феврале 1900 г., во время работы над портретом царя, В. А. Серов, по его словам, «решил все-таки сказать государю, что мой долг заявить ему, как все мы художники — Васнецов, Репин, Поленов и т. д. сожалеем об участи С[аввы] Ив[ановича] Мамонтова, так как он был другом художников и поддерживал, как, например, Васнецова в то время, когда над ним хохотали и т. д. На это государь ответил быстро и с удовольствием, что распоряжение им уже сделано. И так, Савва Иванович, значит, освобожден до суда от тюрьмы»[114]. Однако в следственном деле нет никаких следов вмешательства в

судьбу С. И. Мамонтова царя. Более пяти месяцев провел Савва Иванович в одиночном заключении и только после того, как врачебная комиссия сделала заключение о том, что он «страдает болезнями легких и сердца», следователь вынужден был 17 февраля 1900 г. согласиться на замену тюремной камеры домашним арестом [115]. Поселился Савва Иванович в своем небольшом доме в Петропавловском переулке на Новой Басманной, опекаемый полицией.

В доме на Садовой, в этом недавнем еще прошлом «приюте муз и граций», властями был учинен погром. Несколько раз сюда являлись полицейские и судебные чины, описавшие все имущество, изъявшие переписку и деловые бумаги. Выше уже было сказано, что сохранилась подробная опись имущества, находившегося в доме и составленная в конце сентября 1899 г. Некоторые произведения искусства уже были перечислены. Что же находилось в этом примечательном здании, о котором известно довольно мало. Помимо работ И. Е. Репина, В. М. и А. М. Васнецовых, М. А. Врубеля, М. М. Антокольского, К. А. Коровина, В. А. Серова и других, здесь имелось большое количество скульптурных произведений С. И. Мамонтова, иконы в окладах, предметы декоративно-прикладного искусства, мебель, коллекция оружия, собрание русских и иностранных монет и т. д. Описана была библиотека, и из перечня лишний раз явствует, что у хозяина особняка были широкие интересы. Сочинения Гете, Шекспира, Шиллера, Фета, Грибоедова, Сухово-Кобылина соседствовали с многочисленными альбомами художественных репродукций, журналами «Мир искусства», трудами историка С. М. Соловьева, описаниями русского Севера, Монголии, Китая, со справочными и специальными изданиями типа: «Назначение, устройство и очерк деятельности Государственного банка», «Свод законов Российской империи» и т. п.

Однако в дом на Садовую буквально вломились не любители изящного и не потенциальные биографы хозяина, а люди, для которых Савва Иванович был лишь подследственным, а все предметы — только «имуществом», которое надо было описать и оценить. Вообще судебно-полицейские чины проделали большую работу, и их усилия достойны известного сочувствия, так как им приходилось выступать «экспертами» в неведомой для них области. Каков же был итог? Самой высокой оценки удостоились картины В. М. Васнецова «Ковер-самолет»,

«Витязь на распутье», скульптура М. М. Антокольского «Христос перед Пилатом» — по 10 тыс. руб. В то же время стоимость картины К. А. Коровина «Испанки» была определена в 25 руб., а «Корабли» — 50; портреты итальянских певцов Мазини и Таманьо работы В. А. Серова — соответственно 300 и 200; один, как сказано в описании, «этюд Врубеля (без рамы) — 25; картина В. Г. Перова «Мальчик» — 25 руб.» и т. д.[116]

Определялась и стоимость вещей, которые никакой художественной ценности не имели. Скажем, в Малом кабинете над столом хозяина висела фотография С. Ю. Витте «в дубовой раме», цена которой составила один рубль, столько же, сколько и «чучело морского попугая» в столовой. Однако, несмотря на приблизительность, а часто и просто смехотворно низкий уровень оценок произведений искусства, в доме было так много различного «движимого имущества», что общая его стоимость составила внушительную цифру — 107 359 руб. (без учета ценных бумаг) [117].

Дом на Садовой со всеми книгами, картинами, скульптурами, мебелью и другим имуществом простоял опечатанным более двух с половиной лет. Всю «мерзость запустения» описал В. А. Гиляровский в заметке под характерным названием «Помпея в Москве», которому удалось проникнуть в дом в начале 1901 г. «Ледяным погребом веет от входящего в просторный вестибюль злополучного здания,— писал известный журналист,— гулко раздаются шаги под заиндевевшими сводами... Орнаменты на резной итальянской мебели обвалились, дэку рояля, испещренную художественной инкрустацией, повело, как сырую тесину, и на всем, как кровяные пятна, краснеют сургучные печати судебного пристава» и даже в спальне хозяина «на столе лежат четыре костяные запонки и стальное пенсне, снабженные печатями — это тоже движимость... Тяжелое, похожее на кошмар чувство возбуждает в свежем человеке посещение этой новейшей Помпеи. Не хочется верить в существование сознательного вандализма в просвещенном XX веке» [118].

Весной 1902 г. началась распродажа. Первый аукцион состоялся во второй половине марта и вызвал ажиотаж среди коллекционеров, но платить большие деньги никто не спешил. Очевидец события писал: «К продаже картин прибыл Совет Третьяковской галереи, в лице гг. Цветкова, Остроузова и Серова, представитель Музея императора Александра III граф Толстой

и несколько московских коллекционеров — г.г. Гиршман, Морозов и еще несколько малоизвестных. Начали торги прямо с крупных картин Васнецова — „Битва русских со скифами", „Ковер-самолет" и „Витязь на распутье", оцененных каждая в 10 тыс. р. На первые две охотников совсем не нашлось. На „Витязя" торговались и Третьяковская галерея и Музей императора Александра III; купил последний за 11 050 руб. Не нашлось покупателя и на „Христа" Антокольского, оцененного тоже в 10 тыс. руб. Остальные картины шли лишь с незначительной надбавкой. Так, превосходные портреты Таманьо и Мазини кисти Серова пошли по 400 руб., картина Вл. Маковского — за 25 руб., „Барышня" Ярошенко — за 180 руб., „Испанская танцовщица" Коровина — за 80 руб. Большая часть картин осталась за аукционом, а между тем тут были вещи Борисова, Неврева, Левицкого, Поленова, Репина и несколько известных иностранных художников...» [119] Все принадлежавшие С. И. Мамонтову художественные произведения в конечном итоге разошлись по музеям, собраниям коллекционеров, а некоторые вещи вообще достались случайным людям.

Особый интерес судебные чиновники с самого начала следствия проявили к деловым документам и переписке Саввы Ивановича. За несколько визитов в дом на Садовую все бумаги были изъяты и скрупулезно изучены следователем, искавшим в них документальных подтверждений «махинаций». Но никаких убедительных данных об этом не было. Удалось обнаружить несколько писем В. В. Максимова, в одном из которых он выражал благодарность за присланную семгу. Эта «рыба» стала темой особого разбирательства. Очевидно, не лишены основания утверждения о том, что главу юридического ведомства Н. В. Муравьева действительно интересовали в первую очередь сведения, которые можно было бы использовать против министра финансов.

Не удалось документировать и корыстный умысел в действиях самого Саввы Ивановича. На первом же допросе 18 сентября 1899 г. он сразу же признал, что, являясь председателем правления Московско-Ярославско-Архангельской дороги, в течение нескольких лет «неправильно расходовал денежные суммы указанной дороги» на нужды Невского завода и содействовал «переводу долгов названного завода на двух директоров: на меня и Н. И. Мамонтова» и что этим лицам был открыт «многомиллионный кредит, обеспеченный паями

Товарищества Невского завода, не имеющим... достаточной стоимости»[120]. Вообще-то, вся эта история была лишь формальным нарушением закона, а по существу никакого обмана и хищений здесь не было и в помине. Ведь и железная дорога до конца 1898 г. (до продажи большого числа акций Международному банку), и Невский завод находились почти целиком в руках мамонтовской семьи. Предприятия были лишь юридически независимыми, а фактически существовала известная общность средств. Лишь тогда, когда в Северную дорогу «внедрились» новые люди, дело стало приобретать криминальный оттенок. В этом суть всей «мамонтовской эпопеи».

Следствие закончилось в мае, и дело было передано в суд. Сам же Савва Иванович, находясь под домашним арестом, пытался как-то привести в порядок дела и с разрешения властей ездил даже в Петербург для переговоров с кредиторами. Дело же шло по накатанной колее, и 23 июня в Московском окружном суде в здании Судебных установлений в Кремле началось судебное разбирательство. Обвинителем был прокурор Московской судебной палаты П. Г. Курлов, а защитником — известный «златоуст русской адвокатуры» Ф. Н. Плевако. Смысл выступления защиты, как и многих свидетелей, сводился к тому, что выявленные нарушения не были результатом злого умысла. Обращаясь к заседателям с последним словом, С. И. Мамонтов сказал: «Вы, господа присяжные заседатели, знаете теперь всю правду, так все здесь было открыто. Вы знаете наши ошибки и наши несчастья, Вы знаете все, что мы делали и дурного и хорошего — подведите итоги по чистой Вашей совести, в которую я крепко верю...»[121] Процесс длился несколько дней, и 30 июня присяжные вынесли свой вердикт: не виновен[122]. После вынесения приговора, как писал позднее К. С. Станиславский, «зал дрогнул от рукоплесканий. Не могли остановить оваций и толпы, которая бросилась со слезами обнимать своего любимца»[123].

Хотя коллегия присяжных и не нашла в действиях Саввы Ивановича состава преступления, и оправдала его, дело не было закончено. Требовали удовлетворения иски. Московский окружной суд 7 июля 1900 г. признал его несостоятельным должником, потребовал от него подписку «о несокрытии своего имущества и о невыезде из Москвы». Было решено также опубликовать об этом объявление в газетах, «прибить к дверям суда и выве-

сить на бирже»[124]. Имущество мецената пошло с молотка. Но так как для реализации собственности требовалось время, то история продолжалась несколько лет, и в конечном итоге все претензии были удовлетворены. Пострадавшим оказался лишь С. И. Мамонтов, и, как заметил К. С. Станиславский, «материального довольства он не вернул, но любовь и уважение к себе удесятерил»[125].

Власть имущие думали иначе. Так, в сентябре 1902 г. директор Костромского промышленного училища обратился с просьбой наградить пожизненного почетного попечителя чином действительного статского советника за его большие благотворительные заслуги, в числе которых было устройство пяти промышленных училищ в Костромской губернии. Отвечая на запрос попечителя Московского учебного округа об этом, исполняющий обязанности Московского генерал-губернатора писал: «Имея в виду, что разбиравшийся действиями Мамонтова судебный процесс произвел в Москве большую сенсацию, я со своей стороны признал бы неудобным спрашивать названному лицу столь высокую Монаршую награду»[126]. Клевете никто не препятствовал, а когда появилась возможность официальной реабилитации имени человека, действительно осуществившего много благих дел, то это оказалось «неудобным».

В конце 1900 г. Савва Иванович покидает свой дом на Басманной и живет «в доме Иванова 2-го участка Сущевской части за Бутырской заставой, по Бутырскому проезду»[127]. Сюда на Бутырки еще в 1896 г. была переведена из Абрамцева его гончарная мастерская, организованная в 1889 г. В ней совместно с М. А. Врубелем и мастером-керамистом П. К. Баулиным изготовлялась художественная керамика, покрытая глазурью,— майолика. Техника таила в себе большие выразительные возможности и чрезвычайно увлекла С. И. Мамонтова и М. А. Врубеля. На Всемирной выставке 1900 г. в Париже изделия мамонтовской мастерской были удостоены золотой медали[128]. Владелицей мастерских художественных изделий Абрамцева в Москве была дочь Саввы Ивановича — Александра. Здесь, в небольшом деревянном домике и прожил С. И. Мамонтов последние годы.

Крушение деловой репутации, потеря состояния, сплетни и пересуды — все это не могло не сказаться на Савве Ивановиче. Он сравнительно редко теперь появлялся на людях, жил относительно замкнуто и общался с

ограниченным кругом людей. Однако пережитое все-таки не сокрушило этого замечательного человека. Потеряв многое, он сохранил до конца дней искреннюю любовь к искусству, людям этого мира и всегда живо интересовался всеми новостями. Не забывали старые и новые друзья. На Бутырки приходили В. А. Серов, В. М. Васнецов, В. Д. Поленов, В. И. Суриков, И. Э. Грабарь, С. П. Дягилев, артисты бывшей Частной оперы. Позже стали бывать К. А. Коровин и Ф. И. Шаляпин.

Савва Иванович пережил многих близких. Скончался он 24 марта (6 апреля) 1918 г. и был похоронен в Абрамцеве. Здесь же, на высоком берегу реки у церкви Спаса Нерукотворного, построенной в 1881—1882 г., покоится он, Елизавета Григорьевна, дети — Андрей и Вера, внук Сережа Самарин (сын Веры Саввишны и Александра Дмитриевича Самарина).

Вспоминая Савву Ивановича, Федор Иванович Шаляпин заметил: «Он тоже тратил деньги на театр и умер в бедности, а какое благородство линий, какой просвещенный, благородный фанатизм в искусстве» [129]. Жизнь этого удивительного, добродетельного и бескорыстного человека — образец преданного и искреннего служения делу культурного созидания. Нельзя не согласиться и с мнением известного искусствоведа А. М. Эфроса, который, выступая на вечере памяти в Музее музыкальной культуры имени М. И. Глинки в 1945 г., сказал: «...вспоминая о Мамонтове, невольно вспоминаешь молодого Шаляпина, молодого Поленова, Серова, Васнецовых, Коровиных и многих, многих других. Вычеркните из их жизни Савву Ивановича Мамонтова, Абрамцево, дом на Садовой-Спасской, гончарную мастерскую у Бутырской заставы,— и вы вычеркнете из жизни очень большие и серьезные вещи: камни из фундамента, а неслучайную лепку на фасаде» [130]. Действительно, очевиден заметный вклад Саввы Ивановича в процесс творческого развития многих выдающихся представителей национальной культуры в последние десятилетия XIX в. Он способствовал раскрытию отдельных многогранных и неповторимых дарований — этим обогатил духовный мир и своих современников, и потомков.

Заключение

Русские благотворители... Люди, так много сделавшие замечательных дел, без которых наша духовная жизнь была бы значительно беднее. Имена их не затерялись среди многочисленных персонажей прошедших эпох. Братья Третьяковы, С. Т. Морозов, С. И. Мамонтов не стали лишь «тенью ушедшего времени». В свое время К. С. Станиславский, говоря о деятельности С. И. Мамонтова, с горечью заметил, что, если бы он жил и умер «в другой стране, ему бы поставили бы несколько памятников», а у нас «еще не доросли до того, чтобы уметь ценить и понимать крупные таланты и больших людей...» [1].

С тех пор положение существенно изменилось, и время многое поставило на свои места, и заслуги таких людей как С. И. Мамонтов и П. М. Третьяков бесспорны и общепризнаны. Конечно, перечисленные имена — это лишь часть того круга деятелей, кто истинно и бескорыстно служил своему народу и стране.

Русские коллекционеры и меценаты — это сложные, часто противоречивые личности, о многих из которых известно пока сравнительно немного. Их дело культурного созидания и просвещения разворачивалось в непростых условиях. На исходе XIX в. хорошо об этом сказал В. В. Стасов: «В деле помощи искусству выступали у нас, на нашем веку, на наших глазах интеллигентные русские купцы. И этому дивиться нечего. Купеческое сословие, когда оно, в силу исторических обстоятельств, поднимается до степени значительного интеллектуального развития, всегда тотчас же становится могучим деятелем просвещения и просветления... А со сколькими обесконечными препятствиями, с какой неприязненностью и враждой приходилось нашим добровольцам бороться. Их дело и их почин преследовались насмешками и презрением, на их деятельность указывали пальцами, как на смешной и праздный каприз богатых людей, не знающих, куда девать свои деньги» [2].

Их заслуги не ограничиваются только различными

сферами искусства. С позиций сегодняшнего дня эта деятельность имеет более широкое историческое звучание. Они были и есть олицетворением лучших, светлых сторон человеческой личности, так как видели больше и острее чувствовали, чем многие их современники, потребности общественного развития, чему и отдавали свои силы, знания, ум и сердце. И важно не только достойно оценивать деятельпость таких подвижников, но и осмыслить ее в контексте всего исторического развития. Что заставляло этих людей взваливать на себя бремя неимоверных забот и ответственности, когда, казалось бы, они могли спокойно, по обывательским меркам, «жить в свое удовольствие»? Ответ достаточно очевиден — гражданский и нравственный долг.

Увлекались прекрасным многие состоятельные люди, но лишь единицы делали из этого увлечения общественно полезное дело. Хотя судьба каждого человека всегда индивидуальна и неповторима, существовали и некоторые общие причины, определившие появление в России удивительных примеров бескорыстного служения возвышенным целям. И здесь требуются дальнейшие исследования, привлечение новых, неизвестных пока материалов и документов, раскрывающих деятельность как уже признанных благотворителей, так и других, имена которых менее известны. Здесь важен каждый новый шаг.

Положение же, при котором до настоящего времени люди «мысли и добра» редко привлекали внимание историков, нельзя признать нормальным. Оно отражает скорее известную «запрограммированность» самой исторической науки, оставлявшей без внимания многие явления и людей, жизнь которых служила и служит своеобразным историческим нравственным ориентиром. И достоин признательности труд филологов, искусствоведов и музейных работников, которые исследовали их деятельность, в то время как историков-профессионалов эти темы интересовали мало.

В этой связи уместно высказать ряд соображений более общего порядка. Жизнь людей в обществе определяется в первую очередь способом производства, характером существующих производственных отношений и сопутствующих им государственных, правовых, экономических и других институтов, норм и положений. Наряду с этим огромное значение имеют исторически сформировавшиеся социально-психологические черты мировоззрения, и поведения отдельных людей и социальных общностей. Именно

в этой плоскости часто и заключены объяснения мотивов действий тех или иных индивидуумов и социумов, а в общественно значимом поступке человека имеются как неповторимые, так и закономерные черты. Эта деятельность так или иначе отражает уровень развития социального сознания, характер конкретных условий бытия, которые преломляются в нравственных категориях. Понять и оценить в полной мере исторический процесс, дать ему надлежащую объективную оценку, составить, так сказать, убедительный портрет русского общества без учета нравственного климата его, без понимания того, как формировались и воспринимались в общественном сознании понятия «хорошо» и «плохо», «добро» и «зло» вряд ли возможно. Общеизвестно, как много в этом смысле было сделано и объяснено русской литературой и передовой публицистикой, обладавших высочайшими нравственными критериями.

Большие задачи всегда стояли и перед исторической наукой. На сегодняшнем этапе исторического познания необходимо не только расширять и углублять исследования социально-экономических и социально-политических сторон истории России, но и обратить больше внимания на процессы духовно-нравственного развития, к анализу и пониманию того, как распространялись в России благородные идеи бескорыстного служения общественным интересам, определявшим жизнь, поступки многих и многих людей, и в большей или меньшей степени способствовавших благоприятному восприятию гуманистических ценностей социальной революции.

Отечественная история богата именами людей-созидателей, проявивших себя на различных поприщах. О жизни и деятельности некоторых мы знаем больше, о других — меньше, а о ком-то неизвестно почти ничего. Забвение особенно коснулось тех, кто не принадлежал к числу заметных общественных и государственных деятелей, полководцев, мыслителей, писателей, артистов, художников. Однако создать объективную картину прошлого нельзя, оставляя без внимания тех, кто не был «на авансцене истории», но в меру своих представлений, средств и сил пытался улучшить жизнь людей и способствовал в различной степени прогрессу общественной и культурной жизни. Необходимы и своевременны исследования и публикации об Алексеевых, Бахрушиных, Беляевых, Боткиных, Варгуниных, Щукиных, Рукавишниковых, Н. А. Бугрове, И. А. Милютине, Ф. В. Чижове, М. П. Дегтяреве, Н. А. Терещенко,

Б. И. Ханенко, И. А. Морозове, Н. В. Мешкове, Ю. С. Нечаеве-Мальцеве и о целом ряде других выдающихся филантропах, коллекционерах и меценатах из среды отечественных предпринимателей, благотворительность которых имела широкий размах и высоко оценивалась многими современниками. Их труды на благо России, их реальные и ощутимые заслуги должны стать известны широкой общественности. Эти люди достойны того, чтобы о них знали все те, кто живо интересуется историей России, развитием различных сторон отечественной культуры, науки, искусства.

Необходимо вернуть из исторического небытия не только отдельных деятелей, но и целые исторические пласты российской действительности, придавшие ей яркие, а часто и неповторимые черты. Среди них — феномен отечественной благотворительности, которую необходимо рассматривать как особое социальное явление. Дореволюционная библиография по этой теме насчитывает тысячи наименований специальных книг, брошюр, газет, журналов и, буквально, бесчисленное количество заметок и статей в периодической печати. Это была, как уже отмечалось, важная сфера жизни дореволюционного общества, где проявили себя многие люди, осуществившие крупные, иногда просто беспрецедентные для своего времени начинания.

Революционный максимализм, нетерпимость и нетерпение при осуществлении переустройства мира в послеоктябрьский период, качественное изменение коренных основ жизни и фундаментальное переосмысление нравственных ценностей — все это привело к тому, что благотворительность была исключена из социальной действительности.

В общественном сознании утверждались формулы жизни (типа пресловутой «жалость унижает»), не оставлявшие места для общественного проявления таких естественных человеческих качеств как сочувствие, сострадание, милосердие, в значительной степени стимулировавших благотворительные занятия. Исчезла и питательная среда для благотворительности—меценатства. Это большая и сложная тема, отражающая известную девальвацию нравственных понятий в сталинскую эпоху «социального оптимизма», требует специальных исследований. Заметим лишь, что пренебрежение к прошлому, третирование достижений России, в том числе и в деле культурного строительства, призывы выбросить с «корабля современ-

ности» все и всех, не укладывавшихся в прокрустово ложе формировавшихся социальных схем, не могло не сказаться на восприятии многих сторон прошлого. В начале 30-х годов Ф. И. Шаляпин с горечью писал: «...все эти русские мужики, Алексеевы, Мамонтовы, Сапожниковы, Сабашниковы, Щукины — какие все это козыри в игре наций. Ну, а теперь — это кулаки, вредный элемент, подлежащий беспощадному искоренению!... Я никак не могу отказаться от восхищения перед их талантами и культурными заслугами. И как обидно мне знать теперь, что они считаются врагами народа, которых надо бить» [3]. И хотя отдельные интересные публикации о жизни наиболее выдающихся и известных коллекционеров и меценатов иногда и появлялись (скажем, о П. М. Третьякове, С. И. Мамонтове) их деятельность рассматривалась вне связи с общим потоком благотворительных занятий в России.

За весь советский период не вышло ни одной работы, посвященной феномену российской благотворительности. Даже в солидных универсальных изданиях, например, в Советской исторической энциклопедии, не получили своего отражения такие явления как филантропия и меценатство [4]. В тех же случаях, когда подобные понятия встречались им почти всегда давались однозначно уничижительные оценки. В качестве характерного примера можно привести следующее суждение: «...буржуазия маскирует свою эксплуататорскую сущность посредством лицемерной, унизительной „помощи бедным" в целях отвлечения их от классовой борьбы» [5]. Что здесь сказать? Избегая повторений, заметим, что эта дефиниция отражает лишь часть такого противоречивого явления, каким являлась благотворительность и как каждая абсолютизация одного элемента сложной социальной системы, подобный подход вольно или невольно ведет к искажению картины в целом.

Во-первых, «помощь бедным» существовала задолго до появления буржуазии как таковой. Ее распространение неразрывно связано с утверждением христианства на Руси, относившего помощь неимущим к числу важнейших добродетелей истинного христианина (своей щедростью прославился, например, уже в X в. киевский князь Владимир Святославович — «Владимир Красное Солнышко»).

Во-вторых, совершенно непонятно как развитие здравоохранения, повышение уровня просвещения и культуры, а именно здесь у благотворителей были особенно

крупные заслуги, могло отвлечь бедных от классовой борьбы?

Во второй половине XIX в., как уже отмечалось, благотворительность получила невиданный до того размах, приобрела новые формы и виды, а сеть общедоступных больниц, школ, приютов, столовых, мастерских, училищ охватывает, буквально, всю Россию. К началу XX в. число благотворительных заведений различного назначения исчислялось тысячами, а количество учащихся достигало несколько сотен тысяч [6]. В то же время благотворительность перестает ограничиваться собственно филантропией, она распространяется и на область духовной жизни и крупнейшие жертвователи начинают выполнять важные функции созидателей культуры и культурной среды. При этом, как это было видно на приведенных выше примерах, филантропические и культурнические занятия тесно переплетались.

Скажем, тот же Павел Михайлович Третьяков, вложивший более ста тысяч рублей в строительство здания для Арнольдовского училища и десятилетия обеспечивавший его материально не считал, что эти усилия менее нужны людям, чем создание художественного музея.

Настоящая работа — попытка возместить лишь в малой части «неоплаченный долг», лежащий на историках, в сочинениях которых человек как таковой часто терялся в описаниях отдельных фактов и событий. Мешали традиционные социологические схемы и, как следствие, двухцветное видение мира. Подобные мерки нельзя применять при исследовании роли выдающихся коллекционеров и меценатов, как в более широком смысле и всех благотворителей. Да, подавляющее большинство благотворителей, основная часть знаменитых и менее известных коллекционеров и меценатов происходили из господствовавших классов. Но это никоим образом не умаляет их заслуг. Именно в этой среде им приходилось вести постоянную борьбу за свое право на общественно значимый поступок, пробивать дорогу новому среди косности непонимания и вражды. Бескорыстное служение «прихотям» позволило многим из них перешагнуть через классовые интересы и решать исторические задачи национального масштаба.

Академик Д. С. Лихачев недавно писал: «И сейчас, когда стоит проблема выживания человечества, сохранения цивилизации, на пороге третьего тысячелетия надо подчеркнуть, что речь должна идти не только о выжи-

вании «биологических особей», но и сохранения человеческой культуры в ее нравственных, эстетических, научных традициях. И гуманитарные науки, искусство играют здесь немалую роль»[7]. Необходимо сохранять культурное наследие во всех его проявлениях, в том числе изучать и пропагандировать богатейшую нравственно-духовную традицию служения общественным интересам. Это тоже наше национальное богатство и об этом нельзя забывать.

Примечания

Введение

[1] См.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 1. С. 94.

Глава 1

[1] Русская художественная культура второй половины XIX века. М., 1988. С. 18.
[2] Всеподданнейший доклад Министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1900 год. СПб., 1899. С. 7–8.
[3] Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. 541. Оп. 1. Д. 4. Л. 4. (Далее: ОР ГПБ.)
[4] *Цветаева М. И.* Соч.: В 2 т. Минск, 1988. Т. 2. С. 7.
[5] *Белоусов И.* Ушедшая Москва. Л., 1927. С. 129–130.
[6] *Каган Ю. М.* И. В. Цветаев. Жизнь. Деятельность. Личность. М., 1987. С. 103.
[7] Благотворительные занятия дворянства в этот период изучаются в специальном исследовании.
[8] *Шаляпин Ф. И.* Маска и душа // Новый мир. 1988. № 5. С. 206.
[9] *Короленко В.* Старые традиции и новый орган // Русские зап. Пг., 1916. № 8. С. 255.
[10] *Шаляпин Ф. И.* Указ. соч. С. 205.
[11] *Немирович-Данченко В. И.* Из прошлого. М., 1938. С. 103.
[12] *Елпатьевский С. Я.* Воспоминания. За пятьдесят лет. Л., 1929. С. 209–210.
[13] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 607.
[14] *Бурышкин П. А.* Москва купеческая. Нью-Йорк, 1954. С. 148. Добавим еще, что собравший деньги на психиатрическую больницу городской голова Н. А. Алексеев 9 марта 1893 г. был убит выстрелом из револьвера психически больным человеком (см.: ЦГИА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 83. Д. 61. Л. 5).
[15] Сборник справочных сведений о благотворительности в Москве. М., 1901. С. IV.
[16] ЦГИА г. Москвы. Ф. 3. Оп. 4. Д. 3803. Л. 5 об.
[17] ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 178. Л. 29 об.– 30.
[18] Городские учреждения, основанные на пожертвования Московскому городскому общественному управлению в 1863–1904 гг. М., 1906.
[19] Там же. С. 464, 470.
[20] Государственная роспись доходов и расходов на 1900 год. Приложение. СПб., 1900. С. 64, 133, 134, 137, 141, 143, 144.
[21] Справочная книга о лицах, получивших на 1875 г. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1875. С. 11.
[22] *Бурышкин П. А.* Указ. соч. С. 126.

[23] Акционерно-паевые предприятия России. М., 1914. С. 30.
[24] ЦГИА г. Москвы. Ф. 3. Оп. 3. Д. 49. Л. 1 об.– 9 об.
[25] О нем и его коллекции см.: *Иваск У. Г.* Памяти Алексея Петровича Бахрушина (Из воспоминаний библиофила). М., 1904.
[26] ЦГИА г. Москвы. Ф. 3. Оп. 3. Д. 50. Л. 11 об.
[27] *Бурышкин П. А.* Указ. соч. С. 128.
[28] ЦГИА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 199. Д. 82. Л. 1–1 об.
[29] Там же. Ф. 179. Оп. 59. Д. 83. Л. 1–1 об.
[30] Там же. Л. 1 об.– 2; Д. 185. Л. 1.
[31] Там же. Оп. 57. Д. 953. Л. 1–30 об.
[32] Там же. Ф. 142. Оп. 6. Д. 3201. Л. 3–4.
[33] Там же. Ф. 179. Оп. 59. Д. 7. Л. 1–191.
[34] Там же. Оп. 57. Д. 664; Оп. 59. Д. 136, 154, 293; Ф. 16. Д. 16, 117.
[35] Там же. Ф. 179. Оп. 57. Д. 404. Д. 3 об.
[36] Справочная книга о лицах, получивших на 1899 г. купеческие и промысловые свидетельства по г. Москве. М., 1899. С. 35.
[37] См.: *Щепкин М. П.* К. Т. Солдатенков // Русские ведомости. М., 1901. 22 мая.
[38] См.: *Толстяков А. П.* Русские издатели К. Т. Солдатенков и Н. П. Поляков // Люди мысли и добра. М., 1984.
[39] ЦГИА г. Москвы. Ф. 3. Оп. 3. Д. 440. Л. 1 об.– 9 об.
[40] *Щукин П. И.* Воспоминания. М., 1912. Ч. 3. С. 22.
[41] См.: *Толстяков А. П.* Указ. соч.; *Он же.* Издатель К. Т. Солдатенков и русские писатели // Сб. Книга. Исследования и материалы. М., 1972. Вып. 25.
[42] ЦГИА г. Москвы. Ф. 179. Оп. 59. Д. 16. Л. 5.
[43] Там же. Л. 26, 67, 73, 294.
[44] Там же. Л. 296.
[45] Там же. Л. 157.
[46] *Бурышкин П. А.* Указ. соч. С. 105.
[47] *Шаляпин Ф. И.* Указ. соч. С. 206.
[48] ЦГИА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 90. Д. 92. Л. 13.
[49] *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень рабочих России. М., 1979. С. 104.
[50] ЦГИА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 90. Д. 92. Л. 7.
[51] Там же. Л. 8.
[52] Там же. Л. 26.
[53] *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания. М., 1980. Т. 2. С. 439–440.
[54] ЦГИА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 136. Д. 40. Л. 1.
[55] Там же. Оп. 190. Д. 1599. Л. 1.
[56] Там же. Оп. 129. Д. 24. Л. 1.
[57] Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1895 год. М., 1895. Ч. 1. Стб. 843.
[58] ЦГИА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 129. Д. 24. Л. 17 об.
[59] Там же. Л. 18.
[60] Там же. Л. 11 об.
[61] Там же. Ф. 179. Оп. 57. Л. 888. Л. 22 об.– 24 об.
[62] Там же. Ф. 16. Оп. 36. Д. 60. Л. 1–1 об.
[63] Там же. Л. 12–16 об.
[64] Там же. Ф. 179. Оп. 57. Д. 604; Оп. 59. Д. 89.
[65] *Сытин П. В.* Из истории московских улиц. М., 1952. С. 304.
[66] *Богословский М. М.* Москва в 1870–1890-х годах // Богословский М. М. Историография, мемуаристика, эпистолярия. М., 1987. С. 109.
[67] Из записной книжки А. П. Бахрушина. Кто что собирает? М., 1916. С. 5.

[68] Там же. С. 6.
[69] *Гиляровский В. А.* Москва и москвичи. М., 1981. С. 99.
[70] Из записной книжки А. П. Бахрушина. С. 7.
[71] Там же. С. 76.
[72] *Мамонтов В. С.* Воспоминания о русских художниках. М., 1951. С. 52.
[73] *Лазаревский И. И.* Среди коллекционеров. Пг., 1917. С. 2.
[74] См. об этом: *Думова Н. Г.* Чутье прекрасного // «Москва», 1987. № 7.
[75] Из записной книжки А. П. Бахрушина. С. 35.
[76] *Щербатов С. А.* Московские меценаты // Современные записки. Париж, 1938. № 67. С. 159.
[77] Там же. С. 160.
[78] Москва – Париж. 1900–1930. Каталог. М., 1981. Т. 1. С. 54.
[79] *Бурышкин П. А.* Указ. соч. С. 142.
[80] Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Ф. 58. Оп. 1. Папка 28. Д. 6. Л. 29 об. (Далее: ОР ГБЛ.)
[81] ЦГИА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 190. Д. 19. Л. 3.
[82] См.: *Шепелев Л. Е.* Отмененные историей. Чины, звания и титулы в Российской империи. М., 1977.
[83] *Кузнецов А. А.* Ордена и медали России. М., 1985. С. 11–26.
[84] Свод Законов Российской империи. 1896. Т. 3. СПб. Ст. 33.
[85] Список окончивших курс в институте инженеров путей сообщения Императора Александра I. 1810–1910. СПб., 1910. С. 103.
[86] ЦГИА г. Москвы Ф. 16. Оп. 198. Д. 385. Л. 6 об.– 7.
[87] Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 19791. Л. 1 об. (Далее: ЦГИА СССР.)
[88] Там же. Ф. 1409. Оп. 16. Д. 1894. Л. 129.
[89] ОР ГБЛ. Ф. 58. Оп. 1. Папка 57. Д. 18. Л. 5 об.
[90] ЦГИА СССР. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 1971. Л. 1–64; Д. 19789. Л. 1–95.
[91] *Немирович-Данченко В. И.* Указ. соч. С. 102.
[92] ЦГИА СССР. Ф. 1409. Оп. 36. Д. 36. Л. 250.
[93] Свод законов. СПб., 1896. Т. 3. Ст. 250.
[94] ЦГИА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 202. Д. 249. Л. 1–4.
[95] Свод законов. СПб., 1899. Т. 9. Ст. 522.
[96] ЦГИА СССР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 65б. Л. 66 об.
[97] ЦГИА г. Москвы. Ф. 46. Оп. 14. Д. 3038. Л. 1–1 об.
[98] ЦГИА СССР. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 873. Л. 16.
[99] ЦГИА СССР. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 873. Л. 16.

Глава 2

[1] *Аксенов А. И.* Генеалогия московского купечества XVIII в. М., 1988. С. 96.
[2] *Боткина А. П.* Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. М., 1951. С. 16–17.
[3] *Нистрем К. М.* Московский адрес-календарь. М., 1842. Т. 3. С. 260.
[4] *Шумилов П. С.* Из воспоминаний о Павле Михайловиче Третьякове. М., 1899. С. 4.
[5] *Боткина А. П.* Указ. соч. С. 15.
[6] *Ненарокомова И. С.* Почетный гражданин Москвы. М., 1978. С. 14.
[7] *Безрукова Д.* Третьяков и история создания его галереи. М., 1970. С. 26.
[8] Там же. С. 5.
[9] ЦГИА СССР. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 11958. Л. 1.

[10] *Боткина А. П.* Указ. соч. С. 20.
[11] Цит. по: *Боткина А. П.* Указ. соч. С. 21–22.
[12] Там же. С. 23.
[13] *Гиляровский В. А.* Указ. соч. С. 45.
[14] См.: Прянишникова Федора Ивановича, тайного советника, картинной галереи описание. СПб., 1853.
[15] *Новицкий А.* Краткий обзор галереи П. М. Третьякова. М., 1893. С. 4–5.
[16] *Боткина А. П.* Указ. соч. С. 36.
[17] *Рабус К.* Несколько слов о состоянии живописи в Москве // Москвитянин. М., 1851. № 3. Кн. 2. С. 211–212.
[18] Современник. СПб., 1849. № 11. Ч. 2. С. 80.
[19] Русская старина. СПб., 1893. № 12. С. 601.
[20] *Боткина А. П.* Указ. соч. С. 39–40.
[21] Там же. С. 52, 53.
[22] Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Ф. 218. Оп. 4. № 375(26). Л. 1. (Е. К. Дмитриева. Из воспоминаний). (Далее: ОР ГБЛ.)
[23] *Боткина А. П.* Указ соч. С 53–54.
[24] Ежегодник Министерства финансов на 1869 год. СПб., 1869. С. 314.
[25] *Орлов П. А.* Указатель фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1881. С. 87.
[26] *Станиславский К. С.* Моя жизнь в искусстве. М.; Л., 1948. С. 31.
[27] *Боткина А. П.* Указ. соч. С. 189.
[28] *Гомберг-Вержбицкая Э. П.* Передвижники. М.; Л., 1961. С. 15.
[29] *Боткина А. П.* Указ. соч. С. 50.
[30] Товарищество передвижных художественных выставок. Письма, документы. 1869–1899 гг. М., 1987. С. 298–299.
[31] Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова. М., 1949. С. 35.
[32] Там же. С. 30.
[33] *Боткина А. П.* Указ. соч. С. 153.
[34] Там же. С. 207.
[35] Там же. С. 100.
[36] Там же. С. 68.
[37] *Бенуа А. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 78.
[38] *Нестеров М. В.* Давние дни. Уфа, 1986. С. 436.
[39] *Боткина А. П.* Указ. соч. С. 172.
[40] Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова. С. 42.
[41] *Боткина А. П.* Указ. соч. С. 178.
[42] *Зилоти В. П.* В доме Третьякова. Нью-Йорк, 1954. С. 73.
[43] Откуп – предоставление частному лицу за определенную плату права взимания косвенных налогов.
[44] *Боткина А. П.* Указ. соч. С. 57.
[45] *Зилоти В. П.* Указ. соч. С. 102.
[46] *Боткина А. П.* Указ. соч. С. 198.
[47] Там же. С. 74.
[48] Каталог библиотеки П. М. Третьякова. М., 1905. С. 3–20.
[49] *Зилоти В. П.* Указ. соч. С. 195.
[50] См.: Нива. СПб., 1914. № 9. С. 3.
[51] ЦГИА г. Москвы. Ф. 3. Оп. 3. Д. 465. Л. 1 (об.).
[52] *Боткина А. П.* Указ. соч. С. 245.
[53] ЦГИА г. Москвы. Ф. 3. Оп. 3. Д. 465. Л. 2–3 об.
[54] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1977. Т. 20. С. 456.
[55] *Безрукова Д.* Указ. соч. С. 27.
[56] ЦГИА г. Москвы. Ф. 142. Оп. 5. Д. 1982. Л. 2.

[57] *Мудрогель Н. А.* Пятьдесят восемь лет в Третьяковской галерее. Л., 1962. С. 15.
[58] Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова. С. 76.
[59] Там же. С. 173.
[60] Письма И. Е. Репина. Переписка с П. М. Третьяковым. 1873—1898. М.; Л., 1946. С. 96.
[61] *Мудрогель Н. А.* Указ. соч. С. 31.
[62] *Боткина А. П.* Указ. соч. С. 236.
[63] *Суслов И. М.* Памятник Пушкину. М., 1983. С. 41.
[64] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1988. Т. 30. Кп. 1. С. 190—191.
[65] *Зилоти В. П.* Указ. соч. С. 183.
[66] Был одним из организаторов и деятельным участником Русского торгово-промышленного съезда в Париже в 1921 г. (см.: Последние новости. Париж, 1921. 18—20 мая).
[67] ЦГИА г. Москвы. Ф. 3. Оп. 3. Д. 464. Л. 1—16 об.
[68] Там же. Ф. 179. Оп. 21. Д. 1274. Л. 1.
[69] *Голицын В. М.* Москва в семидесятых годах // Голос минувшего. М., 1919. № 5—12. С. 147.
[70] ЦГИА г. Москвы. Ф. 179. Оп. 3. Д. 2252. Л. 11 об.
[71] Там же. Ф. 3. Оп. 3. Д. 464. Л. 17 об.
[72] Там же. Ф. 179. Оп. 21. Д. 1275. Л. 11 об.
[73] Там же. Л. 12.
[74] Там же. Л. 11 об., 12 об.
[75] В литературе упоминается о том, что эта скульптура была куплена Павлом Михайловичем (см.: *Боткин А. П.* Указ. соч. С. 63). Имеющаяся же опись имущества Сергея Михайловича, в составлении которой принимал участие и Павел Михайлович, этого не подтверждает (см.: ЦГИА г. Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 1275. Л. 12).
[76] Там же. Ф. 179. Оп. 21. Д. 1274. Л. 10 об.— 11.
[77] Там же. Л. 11 об.
[78] Там же. Л. 12 об.
[79] Там же.
[80] Там же. Д. 1275. Л. 20.
[81] *Мартьянов П. К.* Цвет нашей интеллигенции. Словарь-альбом русских деятелей XIX в. М., 1893. С. 265.
[82] См.: Опись художественных произведений городской галереи Павла и Сергея Третьяковых. М., 1893.
[83] Центральный Государственный архив литературы и искусства. (Далее: ЦГАЛИ.) Ф. 680. Оп. 1. Д. 633. Л. 4.
[84] ЦГИА г. Москвы. Ф. 295. Оп. 1. Д. 41. Л. 3 об.
[85] См.: *Лихачев Н. П.* Краткое описание икон собрания П. М. Третьякова. М., 1905.
[86] Павел Михайлович Третьяков. Речь члена комитета Московского общества любителей художеств А. Б. Вайнштейна, сказанная в обществе 11 декабря 1908 г. М., 1909. С. 8.
[87] *Коненков С. Т.* Мой век. М., 1988. С. 113.
[88] ЦГИА г. Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 1274. Л. 12.
[89] Письма И. Е. Репина. Переписка с П. М. Третьяковым. С. 96.
[90] ЦГИА г. Москвы. Ф. 179. Оп. 29. Д. 1538. Л. 1 об.
[91] Там же. Ф. 16. Оп. 127. Д. 25. Л. 3.
[92] Там же. Ф. 179. Оп. 21. Д. 1538. Л. 1 об.
[93] *Вернадский В. И.* Основою жизни — искание истины // Новый мир. 1988. № 3. С. 232.
[94] *Суворин А. С.* Дневник. Пг., 1923. С. 285.

[95] *Стасов В. В.* Павел Михайлович Третьяков и его картинная галерея // Русская старина. 1893. № 12. С. 607–608.
[96] ЦГИА г. Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 1538. Л. 1–2.
[97] Там же. Л. 4 об.
[98] Там же. Л. 11.
[99] Там же. Л. 1 об.
[100] Государственная Третьяковская галерея. Очерки истории. 1856–1917 гг. Л., 1981. С. 121.
[101] ЦГИА г. Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 1827. Л. 2 об.
[102] *Мудрогель Н. А.* Указ. соч. С. 101.
[103] ЦГИА г. Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 1827. С. 2.
[104] *Боткина А. П.* Указ. соч. С. 295–296.
[105] ЦГИА г. Москвы. Ф. 142. Оп. 5. Д. 1982. Л. 2 об.
[106] Там же. Л. 38 об.
[107] Там же. Л. 39.
[108] Принадлежавшие ему 200 тыс. руб. перешли Городскому управлению для организации «приюта для слабоумных» (см.: ЦГИА г. Москвы. Ф. 179. Оп. 59. Д. 293. Л. 239).
[109] ОР ГБЛ. Ф. 218. Оп. 1. Папка 381. Д. 15. Л. 15.
[110] ЦГИА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 198. Д. 170. Л. 1 об.
[111] Там же. Л. 9.
[112] Там же. Ф. 142. Оп. 5. Д. 1982. Л. 41.
[113] *Репин И. Е.* Далекое близкое. М.; Л., 1949. С. 159.
[114] Из записной книжки А. П. Бахрушина. С. 22.
[115] Под влиянием общественного успеха галереи П. М. Третьякова было осуществлено создание Русского музея в Петербурге, открытого в 1898 г.

Глава 3

[1] *Серебров А.* (А. Н. Тихонов). Время и люди. Воспоминания. 1898–1905 гг. М., 1960. С. 207.
[2] Речь секретаря Союза писателей СССР и УССР Б. И. Олейника // Правда. 1988. 2 июля.
[3] *Морозов С.* Дед умер молодым. М., 1984.
[4] *Пушкин А. С.* Собр. соч. В 10 т. М., 1981. Т. 7. С. 316.
[5] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 542.
[6] *Лаверычев В. Я., Соловьева А. М.* Боевой почин российского пролетариата. М., 1985. С. 15.
[7] Подвиг революционный, подвиг трудовой. История Ореховского хлопчатобумажного комбината им. К. И. Николаевой. М., 1986. С. 11.
[8] Вестник Владимирского губернского земства. Владимир, 1890. № 19. С. 20.
[9] *Лаверычев В. Я., Соловьева А. М.* Указ. соч. С. 13–14.
[10] ЦГИА СССР. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 3193. Л. 2–3.
[11] *Нистрем К.* Московский адрес-календарь для жителей Москвы. М., 1842. Т. 4. С. 138.
[12] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 542–543.
[13] Подсчитано по: Акционерно-паевые предприятия России. М., 1914. С. 43, 259, 428.
[14] Цит. по: *Лаверычев В. Я., Соловьева А. М.* Указ. соч. С. 50.
[15] Владимирские губернские ведомости. Владимир, 1888. 18 нояб.
[16] Справочная книга о лицах, получивших на 1873 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1873. С. 192.

[17] См.: *Бойко В. П.* К вопросу о социальной психологии крупной российской буржуазии второй половины XIX в. // Из истории буржуазии в России. Томск, 1982. С. 45.
[18] Семейная хроника Крестовниковых. М., 1903. Кн. 1. Приложение. С. XIX.
[19] *Найденов Н. А.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 1905. Ч. 2. С. 119.
[20] ЦГИА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 188. Д. 181. Л. 7.
[21] Там же. Л. 6.
[22] *Серебров А.* (*Тихонов А. Н.*). Указ. соч. С. 179.
[23] Городские учреждения, основанные пожертвованиями и капиталами... С. 457.
[24] *Лаверычев В. Я., Соловьева А. М.* Указ. соч. С. 29.
[25] Там же.
[26] ЦГИА г. Москвы. Ф. 342. Оп. 1. Д. 87. Л. 1.
[27] *Орлов П. А.* Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. СПб., 1887. С. 8.
[28] Товарищество Никольской мануфактуры. «Савва Морозов сын и К°» ко всемирной выставке в Чикаго 1893 года. М., 1893. С. 6, 8, 14.
[29] Указатель действующих в империи акционерных предприятий. СПб., 1903. С. 1343.
[30] ЦГИА г. Москвы. Ф. 342. Оп. 1. Д. 497. Л. 13.
[31] *Горький А. М.* Полн. собр. соч. М., 1974. Т. 20. С. 53.
[32] *Витте С. Ю.* Указ. соч. М., 1960. Т. 2. С. 487.
[33] *Пак П. И.* Савва Тимофеевич Морозов // История СССР. 1980. № 6. С. 132.
[34] *Станиславский К. С.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1959. Т. 6. С. 251.
[35] *Горький А. М.* Указ. соч. С. 58.
[36] *Нистрем К.* Указ. соч. Т. 3. С. 246; Т. 4. С. 243.
[37] *Серебров А.* (*А. Н. Тихонов*). Указ. соч. С. 186.
[38] Там же. С. 191.
[39] *Соколов Д.* Пятидесятилетие Московской 4-й гимназии (1849–1899 гг.). М., 1899. С. 257–258.
[40] *Станиславский К. С.* Моя жизнь в искусстве. М., 1947. С. 38–41.
[41] *Серебров А.* (*А. Н. Тихонов*). Указ. соч. С. 191.
[42] *Бурышкин П. А.* Указ. соч. С. 114; см. также: *Щербатов С. А.* Указ. соч. С. 162 и др.
[43] *Горький А. М.* Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 16. С. 505.
[44] *Морозов С.* Указ. соч. С. 17.
[45] Справочная книга о лицах, получивших на 1883 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1883. С. 131.
[46] Тимофей умер в 1919 г. Савва – в 1964. Мария – в начале 30-х годов, а Елена, вышедшая замуж за сына крупного финансового дельца Г. Стукена, эмигрировала после Октябрьской революции и умерла за границей. Эти сведения были любезно сообщены автору внуком Саввы Тимофеевича.
[47] *Морозов С.* Указ. соч. С. 17.
[48] ЦГИА г. Москвы. Ф. 342. Оп. 1. Д. 87. Л. 90.
[49] Указатель действующих в империи акционерных предприятий. С. 1343.
[50] ЦГИА г. Москвы. Ф. 342. Оп. 1. Д. 87. Л. 59.
[51] Там же. Л. 81, 114.
[52] Там же. Л. 105, 166.
[53] *Горький А. М.* Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 16. С. 506.
[54] ЦГИА г. Москвы. Ф. 342. Оп. 1. Д. 251. Л. 10–23.

[55] Список гражданских чинов первых трех классов на 1 июня 1900 г. СПб., 1900. С. 22, 55, 135, 136.
[56] *Горький А. М.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 506.
[57] Товарищество передвижных художественных выставок. Письма, документы. М., 1988. С. 446, 515.
[58] *Горький А. М.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 504.
[59] Цит. по: *Сытин П. В.* Указ. соч. С. 295.
[60] Цит. по: *Немирович-Данченко В. И.* Указ. соч. С. 107.
[61] *Щербатов С. А.* Указ. соч. С. 162.
[62] *Горький А. М.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 505.
[63] *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 10: Письма. М., 1981. С. 194.
[64] Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. История создания музея в переписке профессора И. В. Цветаева с архитектором Р. И. Клейном и других документах (1896–1912). М., 1977. Т. 2. С. 40.
[65] *Горький А. М.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 505.
[66] Там же.
[67] ЦГИА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 206. Д. 167. Л. 1.
[68] *Морозов С.* Указ. соч. С. 4.
[69] *Щербатов С. А.* Указ. соч. С. 162.
[70] *Немирович-Данченко В. И.* Указ. соч. С. 107–108.
[71] *Серебров А.* (*А. Н. Тихонов*). Указ. соч. С. 191.
[72] *Шацилло К. Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 283.
[73] *Горький А. М.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 507.
[74] *Серебров А.* (*А. Н. Тихонов*). Указ. соч. С. 212.
[75] *Горький А. М.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 503.
[76] Там же. С. 509.
[77] Там же. С. 512–513.
[78] Там же. С. 625.
[79] Об этом посещении сохранились воспоминания З. Г. Морозовой (ЦГАЛИ. Ф. 549. Оп. 1. Д. 342. Л. 1–3).
[80] *Серебров А.* (*А. Н. Тихонов*). Указ. соч. С. 190.
[81] *Станиславский К. С.* Полн. собр. соч. М., 1960. Т. 7. С. 227.
[82] *М. Ф. Андреева* Сборник. М., 1968. С. 676.
[83] *Горький А. М.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 514.
[84] ЦГИА СССР. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 12784. Л. 1.
[85] ЦГИА г. Москвы. Ф. 357. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–15.
[86] *Богословский М. М.* Указ. соч. С. 154.
[86a] См.: *Кривошеин К. А.* А. В. Кривошеин (1857–1921). Его значение в истории России начала XX века. Париж, 1973, с. 12.
[87] *Чехов А. П.* Указ. соч. Т. 17. С. 357.
[88] ЦГИА г. Москвы. Ф. 342. Оп. 1. Д. 86. Л. 78.
[89] Там же. Ф. 357. Оп. 1. Д. 166. Л. 1.
[90] *Морозов С.* Указ. соч. С. 79. Одновременно с этим она иногда делала и крупные благотворительные пожертвования. Так, в начале XX века его было выделено 300 тыс. руб. Высшему техническому училищу в Москве (см.: *Кривошеин К. А.* Указ. соч. С. 20).
[91] *Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. 3. С. 167.
[92] ЦГИА г. Москвы. Ф. 342. Оп. 1. Д. 82. Л. 187–187 об.
[93] Там же. Л. 189 об.– 190 об.
[94] *Лаверычев В. Я.* По ту сторону баррикад. М., 1967. С. 30–31.
[95] ЦГИА г. Москвы. Ф. 342. Оп. 1. Д. 82. Л. 186.
[96] Подвиг революционный, подвиг трудовой. С. 57.

[97] ЦГАЛИ. Ф. 2163. Оп. 1. Д. 67. Л. 1.
[98] ЦГИА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 42. Л. 6.
[99] *Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. 3. С. 167.
[100] *Морозов С.* Указ. соч. С. 189.
[101] *Горький А. М.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 526.
[102] *Немирович-Данченко В. И.* Указ. соч. С. 108.
[103] ЦГИА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 42. Л. 7.
[104] Там же. Л. 7 об.
[105] Там же. Л. 1.
[106] Позднее она писала: «Я распорядилась: 60 000 р. отдать в ЦК нашей фракции большевиков, а 40 000 распределить между многочисленными стипендиатами С. Т., оставшимися сразу без всякой помощи, так как вдова Морозова сразу прекратила выдачу каких-либо стипендий» (*Андреева М. Ф.* Сб. докум. и материалов. С. 420).
[107] ЦГИА г. Москвы. Ф. 54. Оп. 77. Д. 5. Л. 2 об.
[107а] Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 87. Л. 270.
[108] Там же. Ф. 179. Оп. 59. Д. 293. Л. 200.
[109] Там же. Оп. 21. Д. 1060. Л. 1.
[110] Семейное дело Алексеевых заключалось в торговле хлопком и в золотоканительном производстве. С 1881 г. действовало под фирмой «Владимир Алексеев». Фабрика близ Рогожской заставы, производившая серебряные, золотые нитки, проволоку и кабели, была расширена, и на ее основе в 1894 г. учреждается самостоятельная компания, получившая вышеуказанное название.
[111] *Немирович-Данченко В. И.* Указ. соч. С. 96.
[112] ЦГИА г. Москвы. Ф. 3. Оп. 3. Д. 10. Л. 2–6.
[113] *Станиславский К. С.* Моя жизнь в искусстве. С. 245.
[114] *Леонидов Л. Д.* Рампа и жизнь. Воспоминания и встречи. Париж, 1955. С. 102.
[115] *Немирович-Данченко В. И.* Указ. соч. С. 97.
[116] Там же. С. 105.
[117] Там же. С. 110.
[118] *Далматов В. П.* Залог // Театр и искусство. 1905. № 28. С. 451.
[119] Этот проект, в котором излагаются цели и задачи театра, сохранился в делах Московского генерал-губернатора (ЦГИА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 88. Д. 259).
[120] ЦГИА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 88. Д. 111. Издатель «Нового времени» добился разрешения на постановку в начале марта 1898 г. (см.: *Суворин А. С.* Указ. соч. С. 176–177).
[121] *Немирович-Данченко В. И.* Указ. соч. С. 112.
[122] Там же. С. 106.
[123] Художественно-общедоступный театр. Отчет о деятельности за 1-й год. М., 1899. С. 28–29.
[124] *Немирович-Данченко В. И.* Указ. соч. С. 141.
[125] *Станиславский К. С.* Моя жизнь в искусстве. С. 271–272.
[126] *Немирович-Данченко В. И.* Указ. соч. С. 142.
[127] Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер: В 3 т. М., 1934. Т. 1. С. 74.
[128] *Станиславский К. С.* Собр. соч. Т. 7. С. 167.
[129] *Немирович-Данченко В. И.* Указ. соч. С. 161.
[130] М. Горький и А. Чехов. Сборник материалов. М., 1951. С. 81.
[131] *Горький А. М.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 507.
[132] Новости дня. 1901. 21 нояб.
[133] Московский Художественный театр в иллюстрациях и документах. 1898–1938 гг. М., 1938. С. 705.

[134] *Станиславский К. С.* Собр. соч. Т. 5. С. 585.
[135] *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. Письма. М., 1981. Т. 10. С. 458.
[136] Там же. С. 184.
[137] Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер. М., 1936. Т. 2. С. 299.
[138] *Немирович-Данченко В. И.* Избранные письма: В 2 т. М., 1979. Т. 1. С. 245.
[139] Новости дня. 1902. 17 фев.
[140] Московский Художественный театр в иллюстрациях и документах. С. 708.
[141] *Немирович-Данченко В. И.* Избр. письма. Т. 1. С. 302.
[142] Русское слово. 1902. 17 фев.
[143] *Кириченко К.* Ф. О. Шехтель. М., 1973. С. 79.
[144] *Горький А. М.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 499.
[145] *Станиславский К. С.* Собр. соч. Т. 5. С. 584.
[146] *Станиславский К. С.* Собр. соч. Т. 7. С. 494.
[147] Там же.
[148] *Немирович-Данченко В. И.* Театральное наследие. М., 1952. Т. 1. С. 135.

Глава 4

[1] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 3. С. 164.
[2] См.: *Коган Д.* Мамонтовский кружок. М., 1970; *Копшицер М. И.* Савва Мамонтов. М., 1972; *Киселева Е. Г.* Дом на Садовой. М., 1986; *Россихина В. П.* Оперный театр С. Мамонтова. М., 1985.
[3] *Станиславский К. С.* Собр. соч. М., 1959. Т. 6. С. 96.
[4] *Бурышкин П. А.* Москва купеческая. Нью-Йорк, 1954. С. 167.
[5] Винный откуп – право на торговлю вином в определенном районе, которое предоставлялось на торгах отдельным лицам или компаниям. Откупщик вносил фиксированную сумму в виде налога в казну, а все сверх того оставлял себе.
[6] ЦГАЛИ. Ф. 799. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
[7] См.: Декабристы. Биограф. справочник. М., 1988. С. 14, 45, 66, 121, 130–131, 149, 173, 194, 210.
[8] *Голодников К.* Государственные и политические преступники в Ялуторовске и Кургане // Сб. В потомках ваше племя оживет. Иркутск, 1986. С. 251.
[9] ЦГАЛИ. Ф. 799. Оп. 2. Д. 11. Л. 1 об.
[10] Там же. Оп. 1. Д. 329. Л. 1.
[11] *Найденов Н. А.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. Ч. 2. М., 1905. С. 18.
[12] ЦГАЛИ. Ф. 799. Оп. 2. Д. 2. Л. 8.
[13] Там же. Л. 10.
[14] Там же. Оп. 1. Л. 1.
[15] Там же. Оп. 2. Л. 10.
[16] Там же. Оп. 1. Д. 333а. Л. 4 об.
[17] Там же. Л. 9 об., 19, 23. 25.
[18] Там же. Д. 3. Л. 2.
[19] Там же. Оп. 2. Л. 15.
[20] Там же. Оп. 1. Д. 11. Л. 6–6 об.
[21] Там же. Л. 10 об.
[22] Там же. Л. 17.
[23] Там же. Л. 16.
[24] Там же. Л. 16 об.
[25] Там же. Л. 17.

[26] *Копшицер М. И.* Указ. соч. С. 10.
[27] ЦГАЛИ. Ф. 799. Оп. 1. Д. 333а. Л. 27.
[28] Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 16.
[29] Там же.
[30] Там же. Оп. 1. Д. 333а. Л. 22–23 об.
[31] Там же. Л. 26.
[32] Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 23.
[33] Там же. Л. 30.
[34] Там же. Л. 44.
[35] Там же. Д. 312. Л. 48–49.
[36] Андрей умер в 1891 г., Вера – в 1907, Сергей – в 1915 г. Даты смерти Всеволода и Александры неизвестны.
[37] ЦГИА г. Москвы. Ф. 142. Оп. 4. Д. 265. Л. 225.
[38] После него осталось капиталов на 6 млн руб., завещанных им на устройство промышленных училищ (см.: *Дельвиг А. И.* Полвека русской жизни. М.; Л., 1932. Т. 2. С. 93).
[39] *Соловьева А. М.* Железнодорожный транспорт во второй половине XIX века. М., 1875. С. 77.
[40] Адрес-календарь Москвы 1873 года. М., 1873. С. 63, 125.
[41] Справочная книга о лицах, получивших на 1873 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1973. С. 33.
[42] ЦГАЛИ. Ф. 799. Оп. 1. Д. 312. Л. 9 об.– 10.
[43] Там же. Д. 14. Л. 1 об.
[44] Там же. Д. 320. Л. 1 об.
[45] Там же. Д. 312. Л. 53 об.– 54.
[46] Там же. Л. 63.
[47] Там же. Л. 34.
[48] Там же. Л. 69–69 об.
[49] Там же. Д. 320. Л. 2.
[50] Финансовое положение русских обществ железных дорог к 1 января 1880 г. СПб., 1881. Ч. 1. Приложение 25.
[51] ЦГАЛИ. Ф. 799. Оп. 1. Д. 320. Л. 7–8 об.
[52] Там же. Л. 11 об.
[53] *Соловьева А. М.* Выкуп частных железных дорог в России в конце XIX в. // Ист. зап. М., 1968. Т. 82. С. 103.
[54] *Станиславский К. С.* Моя жизнь в искусстве. С. 111.
[55] ЦГАЛИ. Ф. 799. Оп. 1. Д. 312. Л. 6.
[56] Цит. по: *Киселева Е. Г.* Указ. соч. С. 47.
[57] Цит. по: *Копшицер М. И.* Указ. соч. С. 57–58.
[58] *Мамонтов В. С.* Указ. соч. С. 75.
[59] *Шкафер В. П.* Сорок лет на сцене русской оперы. Л., 1936. С. 163.
[60] См.: Илья Репин. Л., 1985. С. 254–255.
[61] ЦГАЛИ. Ф. 799. Оп. 1. Д. 80. Л. 1–1 об.
[62] Там же. Л. 3–4.
[63] ЦГИА г. Москвы. Ф. 142. Оп. 4. Д. 265. Л. 83, 87 об., 88 об., 91, 91 об.
[64] Переписка И. Н. Крамского. Т. 2: Переписка с художниками. С. 398; Русские ведомости. М., 1880. 19 мая.
[65] ЦГИА г. Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 1460. Л. 107 об.
[66] *Виноградская И. Н.* Летопись жизни и творчества К. С. Станиславского. М., 1971. Т. 1. С. 270.
[67] *Киселева Е. Г.* Указ. соч. С. 51.
[68] *Станиславский К. С.* Моя жизнь в искусстве. С. 110–111.
[69] Мамонтовская опера – отдельная большая тема, которая основательно освещена исследователями (см. указанные выше работы М. И. Копшицера и В. П. Россихиной).

[70] Цит. по: *Киселева Е. Г.* Указ. соч. С. 105.
[71] *Слонов И. А.* Из жизни торговой Москвы. М., 1914. С. 216.
[72] ЦГАЛИ. Ф. 799. Оп. 3. Д. 15. Л. 3.
[73] *Шкафер В. П.* Указ. соч. С. 154.
[74] См., например, передовицу в газете «Театр и жизнь» от 11 января 1885 г.
[75] *Коровин К.* Жизнь и творчество. М., 1963. С. 241.
[76] *Балабанович Е. З.* Из жизни А. П. Чехова. Дом в Кудрине. М., 1986. С. 188.
[77] *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. М., 1987. Т. 16. С. 144, 146.
[78] *Мамонтов П. Н.* Шаляпин и Мамонтов // Федор Иванович Шаляпин. М., 1977. Т. 2. С. 116.
[79] *Стасов В. В.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1952. Т. 3. С. 251.
[80] *Рахманинов С.* Литературное наследие. М., 1978. Т. 1. С. 57.
[81] *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 177.
[82] ЦГАЛИ. Ф. 799. Оп. 1. Д. 236. Л. 2.
[83] Там же. Л. 7.
[84] Там же. Д. 278. Л. 1 об.
[85] *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания. М., 1980. Т. 2. С. 194.
[86] ЦГИА г. Москвы. Ф. 17. Оп. 77. Д. 344. Л. 1–14.
[87] *Суворин А. С.* Дневник. М.; Пг., 1923. С. 188.
[88] См. об этом: *Боханов А. Н.* Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в.– 1914 г. М., 1984. С. 72–73.
[89] См.: *Соловьева А. М.* Указ. соч. С. 116.
[90] ЦГАЛИ. Ф. 799. Оп. 1. Д. 164. Л. 1–1 об.
[91] Там же. Д. 263. Л. 1.
[92] ЦГИА СССР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 48. Л. 76.
[93] ЦГАЛИ. Ф. 799. Оп. 1. Д. 12. Л. 8.
[94] *Соловьева А. М.* Указ. соч. С. 115.
[95] ЦГИА СССР. Ф. 626. Оп. 1. Д. 764. Л. 1–6.
[96] ЦГИА г. Москвы. Ф. 142. Оп. 19. Д. 99. Л. 206.
[97] *Суворин А. С.* Указ. соч. С. 233.
[98] ЦГИА г. Москвы. Ф. 142. Оп. 19. Д. 99. Л. 167 об.
[99] См.: *Ганелин Р. Ш.* «Битва документов» в среде царской бюрократии 1899–1901 гг. // Сб. Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Вып. 17. С. 227.
[100] Биржевые ведомости. 1902. 14 фев.
[101] Такая оценка дана в статье безымянного автора с правкой Саввы Ивановича «За кулисами краха Мамонтова», находящейся в его фонде (ЦГАЛИ. Ф. 799. Оп. 1. Д. 9. Л. 8–13). Эту точку зрения разделяют и некоторые исследователи (см.: *Копшицер М. И.* Указ. соч. С. 217).
[102] *Далматов В. П.* Залог // Театр и искусство. 1905. № 27. С. 434.
[103] М. Горький и А. Чехов. М., 1951. С. 81.
[104] *Брюсов В.* Дневники. 1891–1910. М., 1927. С. 76.
[105] В фонде Московского окружного суда хранилось тринадцать томов следственного дела, позволяющего проследить все стадии разбирательства и характер инкриминировавшихся обвинений (ЦГИА г. Москвы. Ф. 142. Оп. 4. Д. 250–259, 265; Оп. 19. Д. 99, 100). Эти материалы еще не были использованы исследователями.
[106] ЦГИА г. Москвы. Ф. 142. Оп. 4. Д. 265. Л. 80 об.– 81.
[107] ЦГАЛИ. Ф. 799. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.
[108] Там же. Д. 204. Л. 1 об.
[109] ЦГИА г. Москвы. Ф. 142. Оп. 4. Д. 257. Л. 50 об.; Валентин Серов в переписке, интервью и документах. Л., 1985. Т. 1. С. 280.

[110] ЦГАЛИ. Ф. 799. Оп. 1. Д. 236. Л. 5–6.
[111] Художественное наследство. М.; Л., 1948. Т. 2. С. 156.
[112] ЦГАЛИ. Ф. 799. Оп. 1. Д. 165. Л. 1.
[113] *Щербатов С. А.* Указ. соч. С. 165.
[114] Валентин Серов в переписке, документах и интервью. Т. 1 С. 279.
[115] ЦГИА г. Москвы. Ф. 142. Оп. 4. Д. 257. Л. 50–50 об.
[116] Там же. Д. 265. Л. 83–105.
[117] Там же. Л. 146 об.
[118] ЦГАЛИ. Ф. 799. Оп. 1. Д. 399. Л. 1.
[119] На Мамонтовском аукционе // Новости дня. 1902. 2 марта.
[120] ЦГИА г. Москвы. Ф. 142. Оп. 4. Д. 251. Л. 101 об.
[121] ЦГАЛИ. Ф. 799. Оп. 3. Д. 15. Л. 22.
[122] Биржевые ведомости. 1900. 1 июля.
[123] *Станиславский К. С.* Собр. соч. М., 1959. Т. 6. С. 102.
[124] ЦГИА г. Москвы. Ф. 142. Оп. 4. Д. 265. Л 32–34 об.
[125] *Станиславский К. С.* Указ. соч. С. 102.
[126] ЦГИА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 201. Д. 247. Л. 5 об.
[127] Там же. Ф. 142. Оп. 4. Д. 265. Л. 151.
[128] *Грабарь М. Э.* Письма 1891–1917. М., 1974. С. 354.
[129] Федор Иванович Шаляпин. М., 1976. Т. 1. С. 303.
[130] Цит. по: *Россихина В. П.* Указ. соч. С. 14.

Заключение

[1] *Станиславский К. С.* Собр. соч. Т. 6. С. 102–103.
[2] *Стасов В. В.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1952. Т. 3. С. 252–253.
[3] *Емельянов Т.* Полуреабилитация // Огонек. 1988. № 48. С. 15
[4] Словарь иностранных слов. М., 1964. С. 682.
[5] В дореволюционных энциклопедиях статьи о благотворительности обязательно присутствовали.
[6] См.: Благотворительные учреждения Российской империи. СПб., 1900. Т. 1–3; Благотворительность в России. СПб., 1907. Т. 1–2; Благотворительные учреждения России. СПб., 1912; и др.
[7] *Лихачев Д. С* Память преодолевает время // Наше наследие. М., 1988. № 1. С. 3.

Оглавление

Научно-популярное издание

Боханов
Александр
Николаевич

КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ
И МЕЦЕНАТЫ
В РОССИИ

Утверждено к печати
Редколлегией серии
научно-популярных изданий
АН СССР

Редактор издательства Л. В. Абрамова
Художник А. Д. Смеляков
Художественный редактор Л. Ю. Запорожец
Технические редакторы З. Б. Павлюк, М. В. Абаджян
Корректоры В. А. Бобров, Ф. Г. Сурова

ИБ № 38902

Сдано в набор 07.03.89
Подписано к печати 03.05.89
А-03891. Формат 84×108 1/32
Бумага типографская № 2
Гарнитура обыкновенная новая
Печать высокая
Усл. печ. л. 10,71. Уч.-изд. л. 11,8. Усл. кр. отт. 11,76
Тираж 14 000. Тип. зак. 2702
Цена 60 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

Боханов А. Н.

Б86 Коллекционеры и меценаты в России.— М.: Наука, 1989.—192 с., ил.—Серия «Страницы истории нашей Родины»).
ISBN 5—02—008479—4

В книге повествуется о жизни и деятельности владельцев наиболее значительных частных коллекций и меценатов: Бахрушиных, Третьяковых, Щукиных, Морозовых, С. И. Мамонтова, Ю. С. Нечаева-Мальцева и др. Эти люди, сумевшие подняться над кругом интересов социальных групп, с которыми они были связаны своим происхождением и жизненным укладом, оставили заметный след в отечественной истории.

Для всех интересующихся отечественной историей.

Б $\frac{0503020300\text{-}148}{054(02)\text{-}89}$ Без объявл. **ББК 63.3(2)51**

В издательстве «Наука»
готовится к изданию книга:

Лаппо-Данилевский А. С.
ИСТОРИЯ РУССКОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ И КУЛЬТУРЫ
(XVII—XVIII вв.)

Архив АН СССР.— М.: Наука,
I полугодие 1990 (II)

25 л.

Исследование академика А. С. Лаппо-Данилевского посвящено развитию общественно-политической мысли в контексте культурно-исторического процесса XVII—XVIII вв. В книге рассматриваются взаимосвязи русской общественной мысли и культуры европейского средневековья и Возрождения.

Для историков, литературоведов, философов.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

Адреса магазинов «Академкнига»:

480091 **Алма-Ата**, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370001 **Баку**, ул. Коммунистическая, 51 («Книга — почтой»);
232600 **Вильнюс**, ул. Университето, 4;
690088 **Владивосток**, Океанский проспект, 140 («Книга — почтой»);
320093 **Днепропетровск**, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 **Душанбе**, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 **Ереван**, ул. Туманяна, 31;
664033 **Иркутск**, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);
420043 **Казань**, ул. Достоевского, 53 («Книга — почтой»);
252030 **Киев**, ул. Ленина, 42;
252142 **Киев**, проспект Вернадского 79;
252030 **Киев**, ул. Пирогова, 2;
252030 **Киев**, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277012 **Кишинев**, проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900 **Краматорск** Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);
660049 **Красноярск**, проспект Мира, 84;
443002 **Куйбышев**, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);
191104 **Ленинград**, Литейный проспект, 57;
199164 **Ленинград** Таможенный пер. 2;
196034 **Ленинград**, **В/О**, 9 линия, 16;
197345 **Ленинград**, Петрозаводская ул., 7 («Книга — почтой»);
194064 **Ленинград**, Тихорецкий проспект, 4;
220012 **Минск**, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
103009 **Москва**, ул. Горького, 19а;
117312 **Москва**, ул. Вавилова, 55/7;
117192 **Москва**, Мичуринский проспект, 12 («Книга — почтой»);
630076 **Новосибирск**, Красный проспект, 51;
630090 **Новосибирск**, Морской проспект, 22 (Книга — почтой»);
142284 **Протвино** Московской обл., ул. Победы, 8;
142292 **Пущино** Московской обл., МР, «В», 1 («Книга — почтой»);
6[illegible]151 **Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700000 **Ташкент**, ул. Ю Фучика, 1;
700029 **Ташкент**, ул. Ленина, 73;
700070 **Ташкент**, ул. Шота Руставели, 43;
700185 **Ташкент**, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 **Томск**, наб. реки Ушайки, 18;
634050 **Томск**, Академический проспект, 5;
450059 **Уфа**, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 **Уфа**, ул. Коммунистическая, 49;
720000 **Фрунзе**, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 **Харьков**, ул Чернышевского, 87 («Книга — почтой»)

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
179	26 сверху	Боткин А. П.	Боткина А. П.
187	4—6 снизу	текст сносок 4 и 5 следует поменять местами	
вклейка		С. П. Морозов	С. Т. Морозов

60 коп.

Серия «Страницы истории нашей Родины»

«Наука»

Главное внимание в книге уделено людям, для которых собирательство и меценатство не были результатом эгоистических желаний или амбициозных стремлений, а выражали осознанную потребность решать задачи культурного созидания. В книге описываются малоизвестные эпизоды биографий таких выдающихся коллекционеров и меценатов как братья Павел и Сергей Третьяковы, С. Т. Морозов, С. И. Мамонтов, раскрываются их семейные связи и предпринимательские занятия.

обложка Гордеева